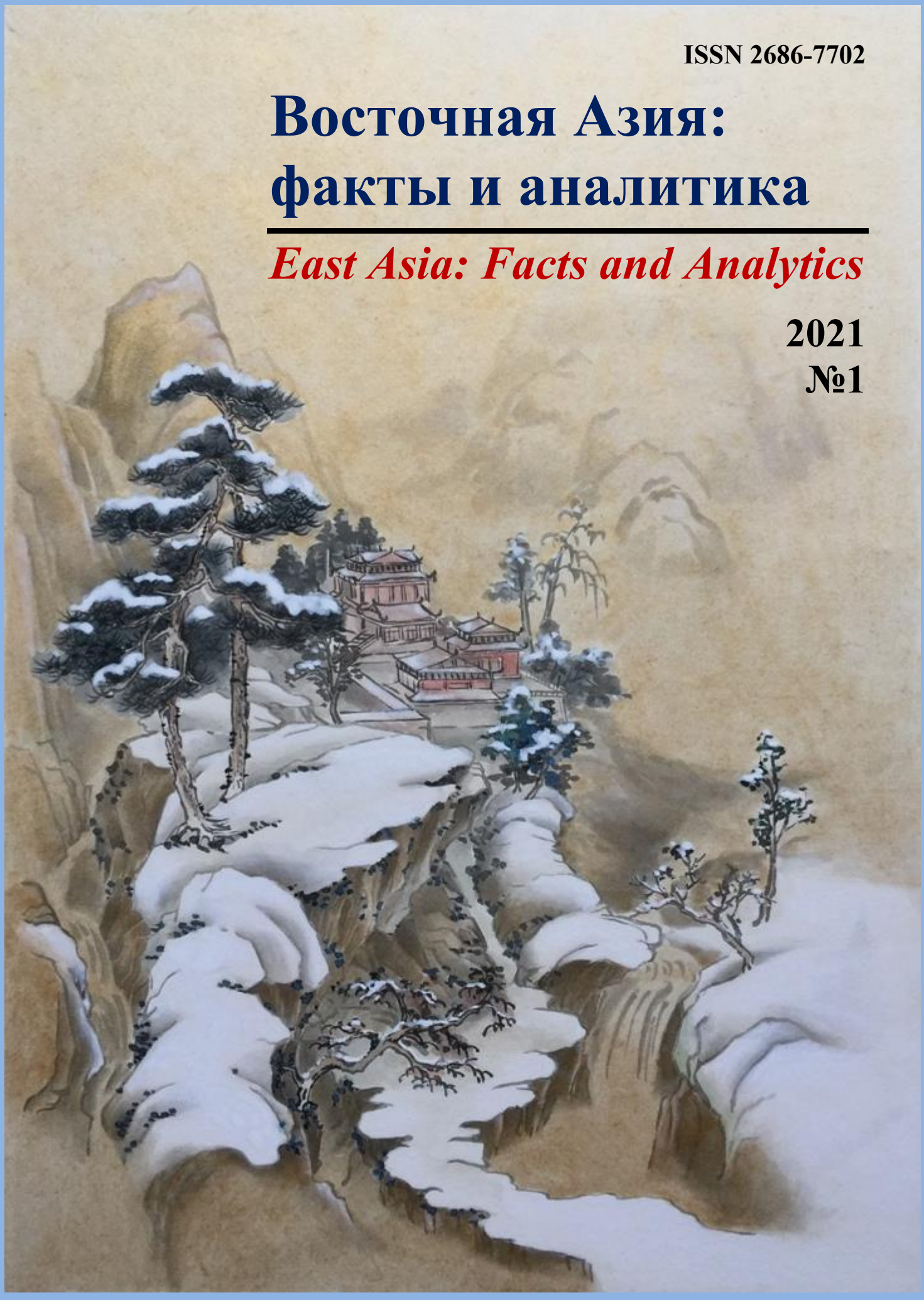
ISSN 2686-7702

Восточная Азия: факты и аналитика

East Asia: Facts and Analytics

2021
№1



Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)
www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал **«Восточная Азия: факты и аналитика»** издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН.
URL: http://eastasiajournal.ru

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
- Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н.

Редакционный совет: Ву Кхоан (Вьетнам); Ёкотэ Синдзи (Япония), проф.; Жебин А.З. (Россия), к.полит.н.; Кистанов В.О. (Россия), д.и.н.; Лузянин С.Г. (Россия), д.и.н.; Мазырин В.М. (Россия), д.э.н.; Мосяков Д.В. (Россия), д.и.н.; Нгуен Данг Фат (Вьетнам); Островский А.В. (Россия), д.э.н.; Соколовский А.Я. (Россия), к.филол.н.; Такэда Масанао (Япония), проф.; Уянаев С.В. (Россия), к.и.н.

Редакционная коллегия: Афонасьева А.В., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кобелев Е.В., к.и.н.; Сафронова Е.И., к.э.н.; Трощинский П.В., к.ю.н.

Редакция: Донченко А.И.; Ильинская И.Д., Кириченко М.А.; Надточенко Б.Я.; Потапова В.А.

Отрасли науки:	OECD Fields of Science:
03.00.00 История. Исторические науки	5.02 Economics and business
06.00.00 Экономика. Экономические науки	6.01 History and archaeology
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов	6.05 Other Humanities

Обложка: картина А.И. Донченко в стиле *гохуа*.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)
www.ifes-ras.ru

The electronic scientific information and analytical periodical **"East Asia: Facts and Analytics"** is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences.
URL: http://eastasiajournal.ru

- Included in Russian Scientific Digital Library "eLibrary.ru" and Russian Science Citation Index.
- Included in Russian Scientific Digital Library "CyberLeninka.ru".

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics)

Editorial Council: Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Luzianin Sergei G. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nguyen Dang Phat (Vietnam); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Takeda Masanao (Japan), professor (Pedagogy); Uyanaev Sergei V. (Russia), PhD (History); Vu Khoan (Vietnam); Yokote Shinji (Japan), professor (Law); Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science)

Editorial Board: Afonaseva Alina V., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kobelev Evgeni V., PhD (History); Safronova Elena I., PhD (Economics); Troshchinskiy Pavel V., PhD (Law)

Editors Office: Donchenko Anna I.; Ilinskaya Irina D.; Kirichenko Maria A.; Nadtochenko Boris Ya.; Potapova Vera A.

Branch of Science (in the Russian Federation):	OECD Fields of Science:
03.00.00 History	5.02 Economics and business
06.00.00 Economics	6.01 History and archaeology
23.00.00 Comprehensive study of individual countries and regions	6.05 Other Humanities

The cover: the painting of Donchenko Anna I. in *guohua* style.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2686-7702

© Team of authors
© IFES RAS

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА 2021, № 1

СОДЕРЖАНИЕ

Верченко А.Л. История Китая в лицах: первая женщина – член КПК Мяо Боин 6

Александрова А.Д. Образ Китая в фильме «Мулан» кинокомпании Walt Disney Pictures: социокультурный аспект 21

Донченко А.И. Развитие живописи в Пекине в начале XX века 39

Завьялова О.И. Иероглифы для диалектов: от средневекового байхуа до интернета 51

Александрова М.В., Коханова В.С. Изменение роли мегарегионов в условиях трансформации китайской региональной политики (1999–2020 годы) 63

Статистика. Комментарии. Заметки

Коледенкова Н.Н. Развитие робототехники в КНР как важное звено стратегии модернизации промышленного производства 78

Научная жизнь

Казаков О.И. О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в 2020 году 88

Обзор СМИ

Скворцова Е.М. Обзор СМИ стран Восточной Азии (январь – март 2021 г.) 99

Новые книги 106

EAST ASIA: FACTS AND ANALYTICS 2021, NO. 1

CONTENTS

Verchenko A.L. Chinese history in faces: the first female CCP member 6

Alexandrova A.D. The image of China in the film "Mulan" by Walt Disney Pictures: socio-cultural aspect 21

Donchenko A.I. Development of the academic painting in Beijing at the beginning of the 20th century 39

Zavyalova O.I. Characters for dialects: from vernacular Baihua to the Internet 51

Alexandrova M.V., Kokhanova V.S. Changing of the megaregions' role during the Chinese regional policy transformation (1999–2020) 63

Statistics. Comments. Notes

Koledenkova N.N. Development of China's robotics as the important part of the strategy of modernizing industrial production 78

Academic Life

Kazakov O.I. On the round table "Japan's relations with the countries of East Asia: problems, trends, prospects" in 2020 88

Media Review

Skvortsova E.M. East Asian countries media review (January – March 2021) 99

New books 106

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-6-20

История Китая в лицах: первая женщина – член КПК Мяо Боин

А.Л. Верченко

Аннотация. В советской/российской исторической науке личность Мяо Боин не исследована, и столетие КПК даёт повод обратиться к изучению её биографии. Мяо Боин (1898–1929) относится к поколению молодёжи, которая в начале XX в. после Синьхайской революции под влиянием «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» активно включилась в кампанию за обновление страны, за отказ от устаревших традиций, в частности, касавшихся женщин. До образования КПК она критиковала морально-этические устои старого общества, говорила о важности подъёма самосознания женщин и совершенствовании социальной системы. Изучение марксизма привело её в КПК. Как первая женщина – член КПК Мяо Боин отдавала все силы организационному оформлению движения за освобождение женщин, вела агитационно-пропагандистскую работу среди трудящихся, как открыто в рамках профсоюзного движения, так и нелегально по партийной линии. Она также использовала все возможности единого фронта КПК с Гоминьданом в практической работе. В Пекине, Чанша, Ухане и Шанхае она всегда находилась в гуще революционных событий, будь то подготовка петиций, выступление на митингах, организация демонстраций или забастовок, твёрдо шла по указанному КПК пути, демонстрируя искреннюю готовность умереть во имя дела партии.

***Ключевые слова*:** история Китая, КПК, Мяо Боин, освобождение женщин, рабочее движение.

***Автор*:** *Верченко Алла Леонидовна*, старший научный сотрудник Центра новейшей истории Китая и его отношений с Россией, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-8718-8338; E-mail: veailan@yahoo.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Верченко А.Л. История Китая в лицах: первая женщина – член КПК Мяо Боин // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 6–20. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-6-20

Chinese history in faces: the first female CCP member

A.L. Verchenko

Abstract. In the Soviet/Russian historical science, the personality of Miao Boying has not been fully researched, and the CCP's 100th anniversary gives all the reasons to light up her biography. Miao Boying (1898–1929) belongs to a generation of the Chinese youth who in the early 1920s after the Xinhai revolution under the influence of the "New Culture Movement" and the "May Fourth Movement" began the campaign for the renewal of the state, for the rejection of outdated traditions, related to women in particular. Before the formation of the CCP, she criticized moral and ethical principles of the old society, spoke about the importance of raising women's self-awareness and improving social rights and the system in general. Acquaintance to Marxism led her to the communist movement. She became the first female member of the

Chinese Communist Party. Miao Boying was engaged in propaganda and agitation campaigns for the liberation of workers, male and female, both openly within Trade Union groups and illegally along the party line. She also used all the opportunities of the United Front of CCP and Kuomintang in practical work. In Beijing, Changsha, Wuhan and Shanghai she was always in the thick of revolutionary events, whether preparing petitions, speaking at rallies, organizing demonstrations or strikes, firmly following the path indicated by the CCP, demonstrating a sincere willingness to die for the cause of the party.

***Keywords*:** Chinese history, the CCP, Miao Boying, women's liberation, labor movement.

***Author*:** *Verchenko Alla L.*, Senior Researcher, Center for Contemporary History of China and its Relations with Russia, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-8718-8338; E-mail: veailan@yahoo.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Verchenko A.L. (2021). Istoriya Kitaya v licah: pervaya zhenshchina-chlen KPK Myao Boin [Chinese history in faces: the first female CCP member], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-6-20

В Китае говорят: «Женщины поддерживают половину неба», что подразумевает равенство полов. Пример первой китайской коммунистки Мяо Боин (1899–1929) ярко иллюстрирует это положение. Её жизнь – подтверждение того, что сто лет назад китайские женщины наравне с мужчинами занимались созданием в Китае коммунистической партии, поднимали её авторитет. Они активно вели агитационно-пропагандистскую работу в массах, уверенно шли по указанному КПК пути, проявляли искреннюю готовность даже погибнуть во имя дела партии.

Женщинам в начале XX в. было гораздо труднее, чем мужчинам, порвать с привычными моделями поведения и включиться в общественно-политическую деятельность. Образ жизни китайской женщины заложен в самом иероглифе 女帚, который в полном написании состоит из двух ключей: женщина – 女 и метла, веник – 帚, что недвусмысленно указывает женщине на её место. Жизненный путь Мяо Боин сложился в очевидном противоречии с установками предков и продемонстрировал, как могут формироваться новые женские личности с сильными характерами и твёрдыми принципами, поставившие целью строительство нового государства на ином идеологическом фундаменте. Мяо Боин обладала острым чувством нового и настойчивым стремлением к нему. Она известна как первая женщина – член Коммунистической партии Китая, как пионерка движения за освобождение женщин.

В отечественной исторической литературе практически нет упоминаний имени Мяо Боин [Верченко]. В англоязычных публикациях её биография кратко изложена в книге «Engendering the Chinese Revolution: Radical Women, Communist Politics and Mass Movements in the 1920s» [Christina Kelley Gilmartin]. В Китае же о ней написано очень много. В монографиях, научных и партийных изданиях, популярных журналах и газетах, издаваемых в центре и провинциях, в высказываниях китайских руководителей основное внимание уделяется тому, что она была первой в Китае женщиной-коммунисткой. Среди статей, написанных о ней, «К 100-летию первой женщины – члена КПК Мяо Боин» (Данши цзунхэн, 1999); «Первая женщина – член КПК Мяо Боин» (Байнянь чао, 2020); «Смелая первая красная хунанька» (Сянчао, 2016), монографии: «Юность. Мяо Боин», 2017, «Первая женщина – член КПК: Мяо Боин», 2019 и многие другие. На родине Мяо Боин, в уезде Чанша, пров. Хунань сохранился её дом классической южно-китайской постройки, который в 2005 г.

получил статус культурной реликвии г. Чанша, а в 2011 г. – пров. Хунань, что в очередной раз свидетельствует о внимании китайских властей к «красному гену» – революционному прошлому – и поддержанию исторической памяти. Эксперты продолжают исследования и поиск документов, имеющих отношение к жизни Мяо Боин.

Представительница новой молодёжи

Мяо Боин относится к поколению, которое в начале XX в. под влиянием «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г. активно включилось в кампанию за обновление общества, за отказ от старых традиций, изменение положения женщин. В республиканском Китае голоса в пользу освобождения женщин 解放妇女 раздавались гораздо громче, чем, например, на рубеже столетий, хотя и в то время отдельные общественные деятели (Сунь Ятсен, Лян Цичао, Хэ Иньчжэнь) затрагивали эту тему, несмотря на противодействие бóльшей части общества, взывавшей к уважению традиций, обычаев предков, наставлений старейших.

В начале XX в. общество начинает всё больше заострять внимание на проблеме освобождения женщин. Прогрессивная интеллигенция выступает за предоставление женщинам права на самостоятельность, на получение публичного образования, участие в общественной жизни, т. е. за установление гендерного равенства. Для студенток Ван Лань, Си Чжэнь и Ча Сяоюань в феврале 1920 г. впервые, в виде исключения, открываются двери Пекинского университета. С осени того же года приём девушек в университеты начался на регулярной основе. Событие имело огромное значение: женщины не только получили право на высшее образование, но и были уравнены с мужчинами в этом праве.

На первых порах далеко не многие родители позволяли дочерям получать образование, иногда девушки из-за противодействия родственников разрывали отношения с семьёй, лишались её финансовой поддержки.

Мяо Боин повезло родиться в семье образованного человека, имевшего степень *сюцая* 秀才 (лицензиат, обладатель диплома первой степени, сродни западному бакалавру), который дал дочери хорошее образование. Семья жила в волости Цинтай уезда Чанша пров. Хунань. В Китае это место связывают с именами двух выдающихся женщин – Мяо Боин, старшей дочери Мяо Юнькэ из деревни Фэншувань, и Ян Кайхуэй[1], младшей дочери Ян Чанцзи из деревни Баньцанчун, а также их мужей – Хэ Мэнсюна[2] и Мао Цзэдуна.

Девочка с детства отличалась немногословием, мальчишеским твёрдым характером и бесстрашием. И хотя родители звали её «Драгоценным персиком», младшие брат и сестра обращались к ней как к мальчику – «Персиковый старший брат». Отец девочки служил в провинциальном департаменте просвещения, был знаком с западной культурой, специально ездил в Японию для изучения системы образования. Вернувшись на родину, он проводил идею о том, что «образование спасёт страну», и стал одним из учредителей женского профессионально-технического училища и школы для девочек в уезде Чанша. Он много рассказывал дочери об истории и культуре Китая и мира, передал ей свои патриотические настроения. После окончания средней школы Мяо Боин поступила в женское педагогическое училище Цимин, в 1916 г. перешла в Хунаньское провинциальное педагогическое женское

[1] Ян Кайхуэй (1901–1930) – член КПК, вторая жена Мао Цзэдуна.
[2] Хэ Мэнсюн (1898–1931) – один из первых членов КПК, деятель рабочего движения.

училище № 1. Провинция Хунань дала немало выдающихся прогрессивных деятелей, женщин и мужчин, которым посвящена книга У Хао «Эти удивительные хунаньцы»[3].

С ранних лет Мяо Боин окружали просвещённые прогрессивные люди, что оказало влияние на формирование её взглядов. Директором педагогического училища в Чанша была Ли Цяосун 李樵松. В 1905–1907 гг. она училась в женском реальном училище в Японии, куда отправилась в составе первой хунаньской женской группы из 20 человек. Там она вступила в Тунмэнхуэй (Объединённый союз)[4]. Ли Цяосун была сторонницей освобождения женщин и установления гендерного равенства. Этими идеями она делилась с будущими учительницами, поощряла чтение студентками газет и обсуждение текущей ситуации. В тот период Мяо Боин поняла, что далеко не все поддерживают новые идеи, и в процессе овладения знаниями накапливала аргументы в пользу своей точки зрения, помня наказ мамы не быть «слепцом, который на лошади ночью заехал в пруд», т. е. чётко знать цели и направление своего движения.

Мяо Боин во время учёбы в училище Цимин. 1913 г.

[3] Wu Hao. Kepa de hunan ren [These Amazing Hunan People]. URL: https://books.google.ru/books?id (accessed: 10 November 2020). (In Chinese).

[4] Li Qiaosong. Ling Rongzhong. URL: http://www.yysqw.gov.cn/43332/43334/43509/43523/43919/43921/content_1264884.htm (accessed: 3 November 2020). (In Chinese).

Мяо Боин выражает свою общественную позицию участием в Чанша в мероприятиях памяти Хуан Сина и Цай Э в 1917 г., а также в студенческом движении, антияпонских демонстрациях, бойкоте и сжигании японских товаров.

Мяо Боин вступает в члены КПК

Показав лучший результат на выпускных экзаменах в училище, девушка в июле 1919 г. зачисляется на физико-химический факультет Пекинской высшей женской педагогической школы и видит своё предназначение в просветительской деятельности, полагая, что только повышение образовательного уровня народа открывает путь к прогрессу общества. Её захватывает борьба между разными идейными течениями, между приверженностью старым идеалам и обращением к западным мыслям. Оказавшись в столице, где новые веяния гораздо быстрее, чем в провинции, оказывали влияние на общество, она обнаружила, что некоторые девушки в знак протеста против традиции носят короткие стрижки, и тоже отрезала длинные волосы. Студентки того времени выделялись не только причёской, но и тем, что носили юбки. Однако руководство школы не одобряло подобные вольности и попыталось напомнить студенткам о женском кодексе поведения. Мяо Боин проявила характер и отказалась отращивать волосы, как потребовала администрация. Поручителем одной из «провинившихся» девушек был известный писатель Лу Синь. Он несколько раз встречался с директором школы, но так и не смог убедить её изменить свою позицию. Лу Синь даже написал рассказ на эту тему под названием «История с волосами», в котором высмеивал некоего консервативного «господина N». Проблема разрешилась под давлением общественности. Студентки отстояли право носить короткие волосы.

В этот период Мяо Боин заинтересовалась марксизмом, который начал распространяться в Китае. Интерес к нему особенно возрос после Октябрьской революции 1917 г. в России, где китайские революционеры увидели реальное воплощение марксистских идей в жизнь. Для китайцев, которые всегда отличались прагматизмом, это был важнейший аргумент в пользу выбора идеологической платформы для строительства нового государства. Марксистская теория и конкретный опыт партии большевиков стали основой для создания в Китае компартии. Небольшая группа убеждённых активистов в 1920-е гг. очень быстро превратилась в сильную политическую партию – КПК, результатом деятельности которой стала победа народной власти и образование КНР в 1949 г. Мяо Боин была активной участницей этого процесса на ранних этапах.

Занимаясь в Педагогической школе, она одновременно посещает в Пекинском университете лекции Ли Дачжао об историческом материализме, социализме, рабочем и молодёжном движении, истории феминизма. Девушка знакомится с руководителями студенческого движения Хэ Мэнсюном 何孟雄, Ван Гуанци 王光祈[5] и переводится в Пекинский университет. Пекинский университет становится центром «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая»: студенты читают журнал «Новая молодёжь», расширяют знания о внешнем мире, несут их в массы, активно включаются в движение за преобразования в обществе, идут во главе антиимпериалистического, антифеодального движения. Мяо Боин

[5] Ван Гуанци (1892–1936) – общественный деятель, сторонник преобразования общества, участник «Движения 4 мая», один из основателей общества «Молодой Китай», в 1920 г. переехал в Германию, где начал изучать музыку, развивал китайско-немецкие культурные связи.

разделяет идеи созданного 1 июля 1919 г. в Пекине общества «Молодой Китай»[6]. Один из инициаторов его создания – её хороший знакомый Ван Гуанци. Эта общественная организация видела смысл своей работы в просветительской деятельности, направленной на распространение мысли о необходимости изменения общества и «строительства молодого Китая» на основе знаний[7]. Это было претворение в жизнь лозунгов «Движения за новую культуру», которое нашло реализацию на практике в создании групп взаимопомощи «работа-учёба». В этом движении принимали участие Чэнь Дусю, Цай Юаньпэй, Ли Дачжао. Оно стало платформой для интеллектуального роста молодёжи, продвижения новых идей в противовес старой системе знаний и явилось в определённой степени вызовом традиционному образованию. Мяо Боин возглавила одну из групп, которая была образована в январе 1920 г. и состояла из девушек. Они вместе учились и работали, обязавшись содействовать построению общества «без эксплуатации, угнетения, равенства для всех». Девушки даже открыли прачечную и ателье по пошиву одежды. Подобная женская активность была необычным явлением в Китае, она рассматривалась как разрушение старого, как удар по феодальной этике и правилам поведения. Работа группы вызывала повышенный интерес. «Женский журнал» и пекинская «Чэньбао» опубликовали специальные материалы на эту тему [Li Yanzheng]. Вскоре по ряду причин, в основном финансового характера, эта группа, как и другие, распалась.

По рекомендации Хэ Мэнсюна Мяо Боин присоединилась к Обществу изучения марксизма, созданному по инициативе Ли Дачжао в марте 1920 г. в Пекинском университете. В него вошли 19 человек, среди которых были такие прогрессивные деятели и будущие известные коммунисты, как Дэн Чжунся 邓中夏, Хэ Мэнсюн 何孟雄, Хуан Жикуй 黄日葵, Гао Цзюньюй 高俊宇. Мяо Боин в ту пору читает журнал «Новая молодёжь», знакомится с «Манифестом коммунистической партии», работами К. Маркса, В.И. Ленина, материалами об Октябрьской революции, вместе с товарищами переводит и издаёт отдельные главы «Манифеста коммунистической партии» и «Капитала», распространяет марксистскую литературу среди соучениц. Мяо Боин твёрдо верила, что марксизм был единственной правильной теорией, направлявшей китайскую революцию, а Октябрьская революция в Советской России указала правильный путь для построения идеального общества[8]. Встречи проходили в выделенном ректором Цай Юаньпэем помещении, где расположилась библиотека под названием Канмуичжай 亢慕义斋, (транслитерация слова «коммунист»). На одной из стен висел портрет К. Маркса, по обеим сторонам которого расположились лозунги в стиле китайских парных надписей: «Без ломки [старого] нет созидания [нового]» и «Созидания [нового] нет без ломки [старого]»; на других – стихи и тексты революционных песен, изречения, афоризмы. Благодаря занятиям в кружке Ли Дачжао она ещё больше утвердилась в марксистских взглядах, освободилась от влияния анархизма, который был

[6] Название Общества связано с эссе Лян Цичао «Рассуждения о молодом Китае» (1900 г.), в котором говорится о важной роли молодёжи в преобразовании «империи стариков» в «молодой Китай».

[7] Zuo Yuhe. Wang Guanqi: “shaonian zhongguo” xuehui zhi shaonian jiaozi [Wang Guangqi: the proud son of the “Young China” Society]. URL: http://www.gdszx.gov.cn/zxkw/tzgj/2019/04/201907/t20190717_514011.htm (accessed: 7 November 2020). (In Chinese).

[8] Wu Hao. Kepa de hunan ren [These Amazing Hunan People]. URL: https://books.google.ru/books?id (accessed: 10 November 2020). (In Chinese).

крупнейшим левым течением в Китае в 1910-х – первой половине 1920-х гг. и имел широкое хождение в среде интеллигенции и студентов.

В октябре 1920 г. в Пекине была организована коммунистическая группа, а в ноябре – Пекинский социалистический союз молодёжи. Мяо Боин принимала участие в учредительном собрании Союза, которое прошло в Пекинском университете, стала одним из первых членов Союза. В ноябре 1920 г. в Пекинской коммунистической группе, как и в некоторых других группах, прошло идеологическое размежевание. Из неё вышли анархисты, выразившие несогласие по вопросам дисциплины в организации и диктатуры пролетариата. Чтобы укрепить группу, Ли Дачжао предложил Мяо Боин, Хэ Мэнсюну, Дэн Чжунся, Гао Цзюньюю перейти в неё. Мяо Боин была единственной женщиной. Она считается первой женщиной – членом КПК.

В последнее время в научных кругах в Китае коммунистические кружки того времени нередко называют «коммунистическими организациями раннего периода», из чего делается вывод о том, что компартия была создана ещё до I съезда. Аргументами в пользу этого заключения служат такие факты, как: совещания членов коммунистических групп в 1920 г., мартовская конференция будущих руководителей КПК в 1921 г., утверждения Мао Цзэдуна, Чэнь Дусю, Дэн Чжунся, Дун Биу и др. о том, что они «вступили в партию в 1920 г.»; издание журнала «Коммунист», первый номер которого вышел 7 ноября 1920 г. и др. [Shao Yong]. Отсутствие документально оформленных протоколов или членства объясняется соображениями конспирации. Представляется, что подобная постановка вопроса может свидетельствовать в пользу того аргумента, что образование компартии было подготовлено внутренними процессами и под руководством китайских революционеров. В то же время в Китае признается объединительная роль Коминтерна в создании всекитайской Коммунистической партии.

После официального образования КПК в 1921 г. уже как полноправный член партии Мяо Боин вела работу по ликвидации неграмотности и повышению общего культурного уровня в среде рабочих, для чего вместе с соратниками открывала вечерние школы и рабочие клубы. В воскресенье 9 октября 1921 г. Мяо Боин вышла замуж за однопартийца Хэ Мэнсюна, и их дом в Пекине по адресу Чжунлао хутун, 5 стал конспиративной квартирой, пунктом связи пекинской партийной организации, местом проведения партийных собраний. Чэнь Дусю останавливался там в октябре 1922 г. по пути в Москву на IV Конгресс Коминтерна и попросил Мяо Боин зашить под подкладку его одежды секретные документы. Он знал, что она мастерски сделала это в своё время с рекомендательным письмом и обращением ко II конгрессу Коммунистического интернационала молодёжи, когда в 1921 г. Хэ Мэнсюн готовился к поездке в Москву [Zhonglao hutong…]. С самого начала КПК уделяла значительное внимание привлечению в свои ряды молодёжи, представлявшей разные социальные слои общества, исходя из того, что молодёжи предстоит создавать будущее страны. Идейно-политический рост Мяо Боин в рядах КПК иллюстрирует эту линию партии.

Мяо Боин с мужем Хэ Мэнсюном и земляком-хунаньцем Ли Цюэфэем (1889–1932) в Пекине. 1920-е гг.

Мяо Боин выделялась из числа сверстниц. По традиции девушки, получив образование, выходили замуж, погружались в семейные дела, использовали полученные знания для воспитания собственных детей. Мяо Боин считала, что настало время изменить ситуацию, при которой женщина не занимала никакого положения в обществе, и подтверждала свою позицию практическими делами.

В 1920 г. она активно участвовала в праздновании 1 мая в Пекине. В феврале 1922 г. стала одним из организаторов Северного (в Пекине) общества помощи Сянганской стачке моряков, которое открыто поддержало забастовщиков и помогло им финансами и информационным освещением.

После I съезда КПК партия направила силы на организацию профсоюзного движения и делегировала свои лучшие кадры в рабочую среду. Мяо Боин вместе с мужем работала во Всекитайском секретариате профсоюзов, была зав. женским отделом и редактором еженедельника «Рабочий». КПК выполняла решения III конгресса Коминтерна об учреждении в коммунистических партиях каждой страны специальных комитетов для руководства женским движением, о создании женских отделов и выделении в коммунистических газетах отдельных полос для женщин. Мяо Боин писала статьи, делала репортажи о положении рабочих и рабочих-женщин, совмещая работу в журнале с практической деятельностью в рабочем движении в таких районах, как Фэнтай, Чансиньдянь, Нанькоу, Шицзячжуан, куда выезжала вместе с Дэн Чжунся, Хэ Мэнсюном, Ло Чжанлуном 罗章龙, Гао Цзюньюем. В октябре

1922 г. Мяо Боин вместе с мужем возглавила в Чжанцзякоу забастовку железнодорожников на ветке Пекин – Суйюань, где рабочие после трёхдневной борьбы одержали победу.

Во второй половине 1922 г. Мяо Боин вошла в подготовительный комитет пекинского Объединённого союза «Движение за гражданские права», который выступал за гражданские права и свободы, включая свободу собраний, общественных объединений, слова, печати, демонстраций и забастовок. Она приняла активное участие в развернувшемся в Пекинском университете движении в поддержку ректора Цай Юаньпэя, который по политическим соображениям вынужден был уйти в отставку. В кампании «Вернуть Цая, изгнать Пэна» проявилась университетская борьба между стремлением к прогрессу и изменениям в обществе и приверженностью старым традициям, которые выражали студенты, в основном из среды помещиков, бюрократов и крупной буржуазии, защищавшие нового ректора Пэн Юньи 彭允彝.

Во время забастовки на Пекин-Ханькоуской железной дороге в феврале 1923 г., призванной объединить движение железнодорожников и создать их профсоюз, Мяо Боин находится в рядах рабочих, ведёт активную пропаганду [Wang Xingfen, 2019]. После подавления протеста она вместе с товарищами готовит и распространяет материалы «В память о кровавой расправе над рабочими Пекин-Ханькоуской железной дороги», в которых разоблачается жестокость правительства и выражается готовность бороться до победы. Мяо Боин организовывает помощь получившим травмы рабочим, проводит сбор средств для поддержки оставшихся без заработка семей арестованных и погибших.

1 мая 1923 г. Мяо Боин от имени женщин выступает на митинге, организованном общественными организациями Пекина в честь Дня труда. Она принимает участие в подготовке резолюции, требующей от властей свободы на объединения и забастовки, свержения милитаристов, освобождения из тюрем участников Пекин-Ханькоуской забастовки, установления 8-часового рабочего дня[9]. На площади Тяньаньмэнь в тот день собралось не менее 3 тыс. человек. Мяо Боин совмещала работу по партийной, профсоюзной, женской и молодёжной линиям. Её умение контактировать с простыми людьми, результативно вести в их рядах пропаганду революционных идей высоко оценивало руководство КПК. Ли Дачжао, в то время секретарь Северного районного комитета КПК, характеризовал её как хладнокровного, смелого и способного «красного партийца»[10].

Переход на провинциальную работу

Мяо Боин была хорошо известна не только в рядах коммунистов. Её деятельность в Пекине привлекает внимание полиции, которая 21 мая 1924 г. получает приказ арестовать группу революционеров, в том числе Мяо Боин. Партия успевает отправить её с мужем в родную для обоих пров. Хунань.

[9] Wuyi jinian de Beijing guomin dayui [Rally of the population of Beijing in honor of May]. URL: http: //www.wphoto.net/qianbei/article/ts/show/articleid/26855/ (accessed: 8 November 2020). (In Chinese).

[10] Zhonggong zuizao de nv dangyuan – Miao Boying [The earliest female CCP member – Miao Boying]. URL: http://www.txhn.net/hnml/zjml/201208/t20120806_20038.htm (accessed: 9 November 2020. (In Chinese).

В январе 1925 г. они обосновались в Чанша. Мяо Боин встретилась с директором своей alma mater Сюй Тэли 徐特立[11], прогрессивно настроенным авторитетным педагогом, когда-то учившим Мао Цзэдуна, и приняла его предложение возглавить начальную школу при Педагогическом женском училище. Одновременно она входит в состав Исполнительного комитета Хунаньского райкома партии, отвечает за пропагандистскую работу, руководит недавно созданным женотделом, а также созданной по её инициативе Академией образования и искусства для молодых женщин. Она активно участвует в организации многолюдного митинга памяти Сунь Ятсена, который скончался 12 марта 1925 г. Кто-то сообщил Сюй Тэли, что её выступление на митинге было «слишком радикальным», на что он отреагировал: «Мысли достаточно прогрессивные, это правда, но не радикальные».

После «событий 30 мая» 1925 г., имевших антиимпериалистическую и антиправительственную направленность, в провинции Хунань создаётся Общество в поддержку демонстрантов. Мяо Боин – в руководстве, она организовывает помощь пострадавшим, ездит по рабочим районам, несмотря на беременность. 25 июня у неё родился сын, которого родители называют Чунцзю, по названию праздника «Двойной девятки», в который они поженились. Сразу после родов Мяо Боин возвращается на работу, оставив ребёнка на попечение матери.

В это время она задаётся вопросом, почему такие маленькие островные государства, как Япония и Англия, могут притеснять такое большое государство, как Китай. Она убеждена, что её страна должна укреплять свою военную мощь, и советует младшему брату после окончания школы изучать военное дело, чтобы уничтожить империализм.

Как и многие коммунисты, в период первого единого фронта КПК и Гоминьдана Мяо Боин на индивидуальной основе вступила в Гоминьдан, была членом Хунаньской провинциальной организации, работала в женском отделе партии, в январе 1926 г. участвовала в работе II съезда Гоминьдана в Гуанчжоу. На съезде она присоединилась к левым гоминьдановцам, осудив раскольническую деятельность сишаньцев [Zhonglao hutong…].

Вернувшись в Чанша, Мяо Боин готовится к празднованию 8 марта. Она выступила на массовом митинге, рассказав о подъёме женского освободительного движения в мире, призвала бороться против угнетения китайских женщин. В апреле состоялся митинг памяти жертв Пекинской студенческой демонстрации, расстрелянной по приказу Дуань Цижуя 18 марта. Среди погибших – студентка Пекинского женского педагогического университета, где училась Мяо Боин, Лю Хэчжэнь и хунанька Ян Дэцюнь. Мяо Боин председательствует на митинге и готовит обращение к властям, в котором от имени собравшихся открыто выражает солидарность с участниками демонстрации, поддерживает их требования свергнуть милитаристский режим, отменить все неравноправные договоры, осуществить национальную революцию.

В период Северного похода Национально-революционной армии (НРА) Китая, который начался 9 июня 1926 г., в Хунани поднимается народное движение за изгнание правителя – милитариста Чжао Хэнти 赵恒惕, которое стало частью оппозиционного Бэйянской клике движения. Мяо Боин – одна из трёх членов Хунаньского временного народного комитета. Когда в октябре 1926 г. войска НРА вошли в провинцию, она призывала женщин создавать

[11] Сюй Тэли (1877–1968) – политик, известный педагог, после 1949 г. – зам. руководителя отдела пропаганды ЦК КПК, по словам Чжоу Эньлая, «свет народа, слава страны».

патрули для поддержания общественного порядка, пропагандировала в массах лозунги НРА «Долой империализм, долой милитаризм!», направляла в район боевых действий студенческие отряды, группы Красного креста и пропагандистские женские отряды, которые оказывали солдатам моральную и реальную финансовую и медицинскую помощь.

Центр национально-революционного движения перемещается в бассейн Янцзы. Хэ Мэнсюна из Пекина переводят на работу в Ухань заведующим орготделом провинциального парткома. Мяо Боин тоже перебирается в Ухань. Она легально работает во Второй хубэйской средней школе, одновременно занимается налаживанием работы среди женщин, которую коммунистические и гоминьдановские комитеты проводили совместно. Мяо Боин действует под руководством главы женотдела Цзянсуского провинциального комитета КПК Цай Чан 蔡畅[12], разделяет её взгляды о важности полного освобождения женщин и необходимости объединить его с национальной революцией и освободительным движением рабочего класса. Женщины участвуют в развернувшемся в городе патриотическом антиимпериалистическом движении, в ходе которого выдвигались, в частности, требования возвратить Китаю концессии в Ханькоу и Цзюцзяне. Соответствующие соглашения о возращении концессий были подписаны в феврале 1927 г. [История Китая].

После предательства Ван Цзинвэя, переворота Чан Кайши и поражения революционного движения руководство партии в 1927 г. переводит Мяо Боин вместе с мужем на подпольную работу в Шанхай, где активизируется рабочее движение. Она возглавила женотдел в Худунском райкоме КПК. Хэ Мэнсюн руководит сельскохозяйственным и военным отделами провинциального парткома, является секретарём двух районных комитетов партии в Шанхае. При этом он официально служит в книжном магазине под именем Лю Юаньхэ 刘元和. В городе и стране свирепствовал белый террор, поэтому для конспирации Боин тоже изменила имя на Ляо Муцюнь 廖慕群 (Муцюнь переводится как «думать о массах», что было её жизненным кредо). Теперь она работает учительницей физики в средней школе Хуася. Чтобы вести пропаганду среди работниц, она устроилась на фабрику. 20 марта 1928 г. Мяо Боин родила дочь и назвала её Сяоин, где есть иероглиф *ин* 英[13], как и в её имени, надеясь, вероятно, на лучшее будущее для ребёнка.

В нелегальной работе она и муж постоянно подвергали себя опасности, рисковали жизнью. Чрезмерные нагрузки, изматывающие поездки, нерегулярное питание, отсутствие режима, постоянное напряжение, ожидание слежки или ареста не могли не сказаться на состоянии здоровья молодой женщины. Мяо Боин не смогла оправиться от тяжёлого течения тифа и скончалась в Шанхае в октябре 1929 г. Перед смертью она сказала мужу, что сожалеет только об одном – что не умерла, «борясь за дело партии», и завещала ему сражаться до победы. Она не могла знать, что Хэ Мэнсюн через два года будет арестован и расстрелян в печально известной шанхайской тюрьме Лунся, станет одним из «24 героев», и его имя будет высечено на мемориальной плите в шанхайском парке героев. В Постановлении 7-го пленума ЦК КПК 6-го созыва (1945) «О некоторых вопросах истории партии» Хэ Мэнсюн упоминается как один из важных кадровых работников, который много сделал для партии и народа, будучи арестованным, проявил силу воли и непреклонность перед врагом [Cao Zhongbin].

[12] Цай Чан (1900–1990) – политик, выдающийся деятель женского движения, после образования КНР – первый председатель Всекитайской федерации женщин.

[13] Ин – цветок, выдающийся человек, талант, герой.

Мяо Боин как организатор женского движения

В 1920-е гг. движение за освобождение женщин в Китае делало только первые шаги, не было самостоятельным, а представляло собой часть общественно-политического движения, настроенного в целом на преобразование и обновление общества. В этот период шло ознакомление с опытом борьбы женщин за равноправие в других странах. Журнал «Синь циннянь» («Новая молодёжь») публиковал материалы о феминистском движении на Западе и в Японии, в 1919 г. поместил статью Ли Дачжао «К вопросу о женщинах после войны», в которой автор утверждал, что война стимулировала активность женщин, предоставила им новые возможности для равного с мужчинами участия в политике, экономике, общественной жизни и образовании, независимо от социального положения и места жительства. Особое внимание в статье обращалось на возрастание политической роли женщин в Советской России, в качестве примера упоминалось назначение А.М. Коллонтай наркомом государственного призрения в первом большевистском правительстве [Li Dazhao]. В немногих сохранившихся о Мяо Боин документах нет упоминания о том, какие работы Ли Дачжао, Чэнь Дусю и других авторов «Синь циннянь» она читала, но с этой статьёй она не могла не ознакомиться, т. к. как раз в тот период она постоянно общалась с Ли Дачжао, и его представления о гендерном равенстве не могли не повлиять на её суждения. Она много размышляла о новой роли женщины в Китае. Сохранилась единственная статья Мяо Боин «Семья и женщина», написанная для декабрьского номера журнала «Изучение семьи» 1920 г. [Wang Xingfen, 2017], в которой автор анализировала взаимосвязь между эволюцией и эмансипацией женщин в семье. Её идея состояла в том, что положение женщин должно изменяться в соответствии с прогрессом человечества[14]. Во время учёбы в Пекинской высшей педагогической школе она стала одним из инициаторов создания Пекинского объединённого союза за права женщин, вместе с другими активистками пропагандировала среди студенток его программные требования: отмена всех законов, подчиняющих женщин мужчинам; закрепление в законодательном порядке гендерного равенства в браке; запрет проституции и института наложниц, продажи девочек, бинтования ног; принятие закона, защищающего женщину в вопросах оплаты труда; закрепление в законе права женщин на доступ во все образовательные учреждения [Верченко].

Деятельность Мяо Боин в женском движении делится на два этапа: до и после вступления в партию. В первый период она критиковала морально-этические устои старого общества, говорила о важности подъёма самосознания женщин и совершенствовании социальной системы. Став коммунисткой, Мяо Боин отдаёт все силы практической работе с женщинами, особенно после II съезда КПК (Шанхай, 16–23 июля 1922 г.), который призвал к организационному оформлению женского движения. В отдельной резолюции съезда отмечалось, что КПК, выступая за установление гендерного равенства, признавала, что единственная страна в мире, где женщины пользуются равенством в политической, экономической и общественной жизни, – это Советская Россия, где они «действительно участвуют в работе по преобразованию общества и ничем не отличаются от мужчин» [Guanyu…]. Мяо Боин выполняет решения съезда, поставившего перед коммунистами задачу помочь женщинам получить избирательное право и другие

[14] Meet CPC's 1st female member Miao Boying. URL: http://www.womenofchina.cn/womenofchina/html1/history/1706/143-1.htm (accessed: 15 October 2020).

политические права и свободы, защитить интересы работающих женщин и детей, покончить с этическими нормами старого общества.

В 1920-е гг. не было ни одного значимого политического события, в проведении которого не участвовала бы Мяо Боин. Она – всегда в эпицентре рабочего и женского движения, не оставляла и просветительскую работу. Секретарь парторганизации пров. Хунань Ли Вэйхань вспоминал, что за два года работы в Хунани Мяо Боин добилась видимых результатов в организации движения за права женщин, включении их в антиимпериалистическую борьбу и борьбу против милитаристского режима. Он характеризовал Мяо как верного члена партии, честного и простого, отважного революционера, имеющего тесные связи с массами и умеющего работать с простыми людьми [Li Yanzheng]. Выполняя решения партии, она поднимала женщин на борьбу за свои интересы в Чанша, Ухане, Шанхае.

В представлении Мяо Боин женское движение должно быть интегрировано в национально-освободительную борьбу китайского народа. С её точки зрения, на первом этапе оно должно объединиться с революционной демократией против феодализма и милитаризма, на втором – с революционным социализмом против капитализма. Мяо Боин отмечала единство политических и экономических прав женщин. Она считала, что получение права на участие в политической жизни гарантирует защиту их экономических, образовательных и других возможностей. В то же время она не одобряла тенденцию некоторых женских организаций отделять свою работу от трудящихся женщин и заниматься лишь борьбой за приобретение политических прав, в том числе избирательного права, женщинами из высших слоёв общества; не допускала разделения политических и экономических прав женщин, сословной градации участниц движения. Она предлагала внести в повестку дня женского движения по всей стране положение о «принятии закона о защите работающих женщин на основе принципа равной оплаты за равный труд и защиты материнства»[15]. Её точка зрения коренным образом отличалась от позиции представительниц альтернативного суфражистского направления.

Мяо Боин рано ушла из жизни, как и её муж, как многие коммунисты, начавшие свою партийную деятельность в начале 1920-х гг. Они испытали на себе поражение революции и белый террор. Они жили и работали в такие турбулентные времена, от которых даже документальных свидетельств осталось не так много. Утерянными оказались не только бумаги. После гибели Хэ Мэнсюна бесследно исчез гроб с телом Мяо Боин, который хранился в хунаньском землячестве в Янчжоу. Во время японского вторжения в Шанхай в 1932 г. пропали без вести её дети, которые жили в детском доме.

Тем не менее в Китае помнят и хранят имена выдающихся революционеров-коммунистов Мяо Боин и Хэ Мэнсюна. Супруги были искренне преданы делу партии и погибли во имя революции. Героические дела этой пары были предначертаны их именами: Ин и Сюн складывается в слово *инсюн* 英雄 – герои.

[15] Zhongguo gongchandang di yi wei nv dangyuan Miao Boying [The first female member of the CCP Miao Boying]. URL: http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2020/0923/c244523-31872153.html (accessed: 10 November 2020). (In Chinese).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Верченко А.Л. Проблема эмансипации женщин: от традиционного общества к Республиканскому Китаю. В сб. тр. Женщины в Китае, Корее и Вьетнаме: от традиционного общества к современному. М.: Наука, 2019. С. 57–59.

История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 томах. Т. VII Китайская Республика (1912–1949); Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Наука. Вост. лит., 2013. С. 174.

REFERENCES

Verchenko A.L. (2019). Problema emansipatsii zhenshchin: ot traditsionnogo obshchestva k Respublikanskomu Kitayu [The problem of women's emancipation: from traditional society to Republican China], in the coll. Zhenshchiny v Kitaye, Koreye i V'yetname: ot traditsionnogo obshchestva k sovremennomu [The Problem of Women's Emancipation: from Traditional Society to Republican China], Moscow, Nauka: 57–59. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 tomah. T.VII Kitayskaya Respublika (1912–1949) [The history of China from ancient times to the beginning of the XXI century: in 10 volumes, vol. VII. The Republic of China (1912–1949)], Moscow, Eastern literature, 2013: 174. (In Russian).

* * *

Guanyu funv yundong de jueyi (zhonggong erda): [Resolution of the 2nd Congress of the CPC on the Women's Movement]. Zhonggong zhongyang wenjian xuanji (1989): [Selected documents of the CC of the CPC], vol. 1. 1920–1925. Beijing: Zhonggong zhongyang dangxiao chubanshe [Central Party School Publishing House], 1989: 87–89. (In Chinese).

Christina Kelley Gilmartin. (1995). Engendering the Chinese Revolution: Radical Women, Communist Politics, and Mass Movements in the 1920s. Berkeley: University of California Press. 305 p.

Cao Zhongbin. (1981). He Mengxiong, Miao Boying xiaozhuan [Biography of He Mengxiong and Miao Boying], Beijing. *Wenwu tiandi* [*Cultural Relics World*], 5: 26. (In Chinese).

Li Dazhao. (1919). Zhan hou zhi funv wenti [The women's problem after the war], *Xin Qingnian* [*New Youth*], vol. 6, no. 2: 141. (In Chinese).

Li Yanzheng. (2020). Zhongguo gongchandang di yi wei nv dangyuan Miao Boying [CCP's first woman-member Miao Boying], *Bainian Chao* [*Centennial wave*], 8: 64. (In Chinese).

Liu Yue. "Xiucai de nver" ruhe chengwei wo dang di yi wei dangyuan [How "xiucai daughter" became our party's first woman member]. URL: http://www.81.cn/jsdj/2017-09/12/content_7663121_4.htm (accessed: 1 September 2020) (In Chinese).

Shao Yong. (2020). "Yi da" zhiqian de zhongguo gongchandang xiangguan wenti yanjiu [On the study of issues related to the CCP before the First Congress], *Shanghai dang shi yu dan jian* [*Shanghai journal on Party's history and documents*], 6: 3–4. (In Chinese).

Wang Xingfen. (2019). Di yi wei nv gongchandang yuan. Miao Boying [The female member of the CCP. Miao Boin], Changsha: *Hunan renmin chubanshe* [*Hunan People's Publishing House*]: 181. (In Chinese).

Wang Xingfen. (2017). Qingchun. Miao Boying [Youth. Miao Boying], Changsha: *Hunan renmin chubanshe* [*Hunan People's Publishing House*]: 149. (In Chinese).

Zhonglao hutong, zuo chu zhonggong di yi wei nv dangyuan [Zhonglao Hutong, which the first CPC female member came from], Beijing ribao. 15 July, 2017. (In Chinese).

Поступила в редакцию 20.01.2021 Received 20 January 2021

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-21-38

Образ Китая в фильме «Мулан» кинокомпании Walt Disney Pictures: социокультурный аспект

А.Д. Александрова

Аннотация. В 2020 г. на экраны вышел новый американский фильм «Мулан» о храброй девушке, которая, переодевшись в мужскую одежду, отправилась на войну вместо своего отца. Взяв за основу китайскую балладу «Песнь о Мулань», кинокомпания Walt Disney Pictures вместо того, чтобы рассказать о традициях и культуре Китая, решила создать очередной кассовый проект с растиражированным и успешным названием (перезапуск мультфильма «Мулан» 1998 г.), через образы ключевых персонажей осветив социокультурные изменения, которые происходили в Америке в последние годы: движение #Я тоже (#Me too), борьбу за гендерное равноправие и т. д.

***Ключевые слова*:** Китай, образ, кинематограф, фильм, Мулан, американо-китайские отношения, культура, традиции.

***Автор*:** *Александрова Анна Дмитриевна*, старший лаборант-исследователь Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32); ORCID 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Александрова А.Д. Образ Китая в фильме «Мулан» кинокомпании Walt Disney Pictures: социокультурный аспект // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 21–38. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-21-38

The image of China in the film “Mulan” by Walt Disney Pictures: socio-cultural aspect

A.D. Alexandrova

Abstract. In 2020 the new American film “Mulan” was released, which tells the story of a brave girl named Mulan who dressed in men's armor and went to war instead of her father. However, despite the fact that the film was based on the Chinese ballad “The Song of Mulan” and the director's promises to show the traditions and culture of China, the film turned out completely different from what it was supposed to be.

***Keywords*:** China, image, cinema, movie, Mulan, US-China relations, culture, traditions.

***Author*:** *Alexandrova Anna D.*, Senior laboratory assistant researcher of the Center for Chinese Economy and Social Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation); ORCID 0000-0003-4308-4673. E-mail: alexaann007@yandex.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Alexandrova A.D. (2021). Obraz Kitaya v fil'me “Mulan” kinokompanii Walt Disney Pictures: sociokul'turnyj aspekt [The image of China in the film “Mulan” by Walt Disney Pictures: socio-cultural aspect], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1: 21–38. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-21-38

2020 год – относительно нестабильное время для экономики и культуры Китая. Борьба с COVID-19, снижение доли торговли с США и партнёрами в Восточной Азии, сокращение объёмов внешнего товарооборота и т. д. – всё это привело к замедлению темпов экономического развития: «За последние годы Китай перешёл от высоких темпов экономического развития к более низким, что объясняется двумя причинами. Во-первых, внутренними причинами – ранее достигнутый высокий объём ВВП определял большие сложности при достижении ещё более высоких показателей ВВП в последующие периоды. Во-вторых, внешними причинами, которые связаны со значительным падением темпов развития мировой экономики, что повлекло за собой снижение спроса на китайскую экспортную продукцию из-за мирового финансового кризиса, а в нынешнем 2020 г. – ещё и с пандемией коронавируса» [Островский А.В. Экономика Китая…]. Несмотря на то, что Китай стремится восстановить прирост экономики, отношения с США остаются нестабильными. По мнению многих экспертов, «высокий уровень развития торгово-экономических отношений до недавнего времени был одной из основ стабильности американо-китайских отношений в настоящее время» (см. [Lawrence J. La; Swanson Ana] и др.). Однако сейчас ситуация изменилась. За последние два года в американо-китайских отношениях возникли серьёзные противоречия, которые вызывают ряд вопросов, связанных с сохранением тесных контактов между странами в торгово-экономической сфере» [Островский А.В. Экономическое противостояние…]. Всё это может привести к обострению торговой войны и прекращению межкультурного диалога между ними.

Пандемия COVID-19 сильно повлияла и на межкультурный диалог КНР и США, в том числе в сфере кинематографа. Современная американская киноиндустрия сформировала несколько типовых образов китайцев: инспектор полиции, который помогает предотвратить международный скандал (например, фильмы «Час пик», «Шпион по соседству» или «Поцелуй дракона»); эмигрант, которому выпадает шанс изменить свою жизнь (к/ф «Смокинг»); антагонист, который пытается помешать главному герою (ленты «Война», «Мумия: гробница императора драконов»). Все персонажи демонстрируют владение разными стилями китайских боевых искусств, их роли отображают собирательные (стереотипные) представления о культуре Поднебесной.

В последнее время стали чаще сниматься фильмы, сюжеты которых строятся вокруг китайской мифологии и традиций («Бойся своих желаний», «Мумия: гробница императора драконов», «Великая стена», «Запретное царство»). Как правило, в них главному герою – американцу – предстоит окунуться в историю китайской цивилизации, чтобы разрешить ключевой конфликт сюжета.

Тема боевых искусств и эпоса была успешно обыграна в анимационной ленте «Кунг-фу панда». Мультфильм рассказывает о неповоротливой и неуклюжей панде по имени По, который очень любит пельмени. Он мечтает стать мастером кунг-фу и по воле судьбы оказывается избранным – «Воином дракона». Вначале кажется, что произошла ошибка, но

неуклюжий По доказывает, что выбор мастера Угвея был неслучайным. В «Кунг-фу панда» прообразы персонажей взяты из китайской мифологии: Панда – национальный символ Китая, гусь – брака, журавль – долголетия и т. д. Главные герои – члены «Неистовой Пятёрки» – владеют различными стилями кунг-фу, а некоторые их имена заимствованы из китайского языка и адаптированы к английскому, например, мастер Шифу (师父 *shīfù / Master Shifu*), мастер Угвей (乌龟 *wūguī / Grand Master Oogway)* и т. д.

В мультфильме фигурирует характерная для американского кинематографа проблема выбора: главному герою предстоит решить, следовать за мечтой – стать мастером кунг-фу, или продолжить дело «отца» – работать в лапшичном ресторане.

Симпатичных персонажей мультика озвучивают американские актёры Дастин Хоффман, Джек Блек, Анджелина Джоли и известные в Штатах «китайские актёры» – Джеки Чан (в Китае известен под именем Чэн Лун), Джеймс Хонг (У Ханьчжан) и Люси Лью.

При бюджете в 130 млн долл. в мировом прокате мультфильм собрал 631,7 млн долл.: 215 млн в США и 416 млн в остальных странах. «Кунг-фу панда» завоевал 11 премий «Энни». Сиквелы «Кунг-фу панда 2», «Кунг-фу панда 3» и мультсериал «Кунг-фу панда: удивительные легенды», основанный на одноименном мультфильме, не только позволили авторам углубиться в историю жизни любимца зрителей По, но и принесли дополнительные кассовые сборы. В Китае анимационная лента собрала 110 млн китайских юаней, однако вызвала бурную дискуссию по поводу того, насколько достоверно показана в ней традиционная культура Китая и так ли необходим был акцент на американских ценностях.

Из-за обострившихся отношений между США и КНР в 2020 г. в американском прокате появились картины, где заострились политический и социокультурный аспекты. Этим во многом обусловлены неверная интерпретация отдельных символов культуры Китая, изменение традиционных сюжетов в угоду конъюнктуре. В итоге у аудитории формируется искажённое представление о Поднебесной. Одним из таких кинопроизведений стал ремейк мультфильма «Мулан» 1998 г. кинокомпании Walt Disney Pictures – фильм «Мулан», вышедший на экраны в 2020 г.

«Песнь о Мулань»

Сохранившийся вариант «Песни о Мулань» был написан Го Маоцянем предположительно в XII в. (первоначальный вариант VI в. не сохранился). Он повествует о нелёгкой судьбе отважной девушки Хуа Мулань, которая, выдав себя за мужчину, заменяет своего отца на войне. После победы над врагами она раскрывает свой секрет боевым товарищам, которые не догадывались, что всё это время с ними бок о бок сражалась девушка. У баллады открытый финал – автор не рассказывает читателю о дальнейшей судьбе героини.

Вот, например, один из вариантов «Песни о Мулань», который можно найти в современной поисковой системе.

唧唧复唧唧 木兰当户织 不闻机杼声 唯闻女叹息	Стук-стук! Снова стук! Против двери ткёт Му-лань. Что же не слышно челнока? Слышен только каждый звук, Каждый вздох Му-лань!

问女何所思 问女何所忆 女亦无所思 女亦无所忆	– Что ты, девушка, грустишь? Что в себе таишь? – Ни о чём я не грущу, – Говорит Му-лань, – Утешенья не ищу, – Говорит Му-лань.
昨夜见军帖 可汗大点兵 军书十二卷 卷卷有爷名	Только вечером вчера Видела листок: Вербовать солдат пора – Подошёл им срок. Собирает наш Каган Воинство опять, – Всех двенадцать толстых книг – Списки на солдат! Воинских двенадцать книг, – Вот какая рать! В каждой книге мой отец, – Говорит Му-лань.
阿爷无大儿 木兰无长兄 愿为市鞍马 从此替爷征	Сына взрослого где взять? Если нет, как быть? Хорошо, коль старший брат Был бы у Му-лань!.. Я седло хочу купить, Лошадь раздобыть… Я пошла бы за отца! Чем я не солдат?..
东市买骏马 西市买鞍鞯 南市买辔头 北市买长鞭	На восточном рынке смело Выбирала скакуна, А на западном сумела Подобрать чепрак она; Удосужилась на южном Все уздечки осмотреть, А на северном Му-лань Для коня купила плеть.
朝辞爷娘去 暮宿黄河边 不闻爷娘唤女声 但闻黄河流水鸣溅溅	Утром с матерью, с отцом, Будто сын, простилась дочь… В камышах над Хуанхэ Провела, как ратник, ночь… Голос матери зовущей и отца – уж не слышны, Слышно грустное журчанье Хуанхэ – речной волны…

旦辞黄河去 暮至黑山头 不闻爷娘唤女声 但闻燕山胡骑声啾啾	С Хуанхэ простилась утром И пошла, пошла Му-лань, Шла весь день, а на закате поднималась на Хэйшань, Голос матери зовущей и отца уж не слышны, – Крики конных северян раздаются на Яньшань!..
万里赴戎机 关山度若飞 朔气传金柝 寒光照铁衣	Десять тысяч ли от дома Тот, кто жив, прошёл. Взяты горы на границе, Будто на лету! Ветер северный качает Колокол-котёл… Блеск доспехов из железа В ледяном свету… Тот, кто тягость ста сражений Испытать успел, Возвращается домой Через 10 лет!
将军百战死 壮士十年归 归来见天子 天子坐明堂	Возвратившись, представилась императору Му-лань, Он сидел в прекрасном зале, называемом «Минтан».
策勋十二转 赏赐百千强 可汗问所欲 “木兰不用尚书郎 愿借明驼千里足 送儿还故乡”	На дощечках написали о Му-лань двенадцать раз, Император дал ей больше сотни тысяч золотых! Тут Каган спросил: Что хочешь? – Ни великих, ни простых… – Одного хочу я только – быстроногого коня! Вы домой, домой отправьте поскорей меня!
爷娘闻女来 出郭相扶将 阿姊闻妹来 当户理红妆	Вот отец и мать узнали, вышли со двора, Опираясь друг на друга, к городской стене… – Едет младшая! – узнала старшая сестра, Против самой двери место убрала с утра.
小弟闻姊来 磨刀霍霍向猪羊 〞开我东阁门 坐我西阁床	Младший брат услышал: Едет! Ножик наточил, Мчится к свиньям и баранам в поварском пылу!.. Вот вошла Му-лань в свой угол, – где с востока свет, – На кровать свою присела в западном углу…

脱我战时袍 着我旧时裳.〞 当窗理云鬓 对镜贴花黄	Вот сняла с себя Му-лань боевой наряд, Платье старое надела, платье прежних лет. У окошка причесалась на свой прежний лад. Перед зеркалом на лбу навела кружок.
出门看火伴 火伴皆惊惶 同行十二年 不知木兰是女郎	Вот Му-лань из дома вышла на друзей взглянуть. В изумленье рты раскрыли воины-друзья: Сколько вместе испытали, завершили путь, И никто узнать в Му-лань девушку не мог!
“雄兔脚扑朔 雌兔眼迷离 两兔傍地， 安能辨我是雄雌?”	Заяц хлопает в ладошки: хлоп да хлоп! Снова хлоп! А зайчиха-то глазами всё поводит: «Как тут быть?» Оба зайца рядом по полю бегут… Кто самец из них, кто самка не узнаешь! Как тут быть? [Песнь о Мулань].

В самом Китае история об отважной девушке находит разные отклики: кто-то считает её героиней, иные – нарушительницей традиций, следование которым – основа культуры Поднебесной. Согласно социальной структуре в позднем периоде феодального Китая, «патриархальный строй был тесно связан с традиционной системой морали и этики» [Шэнь Чжэньхуэй, 2019: 27]. Он предусматривал строгую семейно-родовую иерархию: согласно принципу «трёх устоев и пяти постоянств» доминировало подчинение сына отцу, женщины – мужчине, жены – мужу, младшего члена семьи – старшему, наложницы – жене императора. Он также определял порядок наследования: от отца – к старшему сыну. Кроме того, в эпоху Западная Чжоу существовала «система наделов и система наследования по линии старшего сына от первой жены» [там же: 25].

Хуа Мулань нарушила не только традиционный патриархальный уклад, ослушавшись отца, но и проявила непочтительность по отношению к нему и предкам: если бы она погибла на войне, или её обман был раскрыт, она не только не защитила бы честь семьи, не приумножила славу предков, но и не вышла бы замуж и не смогла продолжить род (о наличии других взрослых членов семьи мужского пола помимо отца нам неизвестно). Таким образом, некому было бы ухаживать не только за родителями в старости, но и за могилами предков. Помимо этого, переодевшись в мужскую одежду и выдав себя за воина, она нарушила каноны конфуцианства, приравняв себя к мужчине, и обманула не только своего военачальника, но и самого императора, который впоследствии предложит ей государственную должность за боевые заслуги. Нарушение традиций, впрочем, объясняется самопожертвованием ради отца, т. е. подчинением личных интересов в угоду клану и главе семьи.

Легенда о женщине-воине в Китае не единственная. В пекинской опере часто рассказывают историю о женщинах-полководцах рода Ян и о Му Гуйин. В отличие от Хуа Мулань, они не нарушали традиций. Сунский император Жэнь-цзун призывает гражданских и военных сановников отправиться на войну. Однако никто из них не откликается. Узнав об этом, Шэ Тайцзюнь (вдова сунского военачальника) предлагает

свою кандидатуру. Вместе с другими 12 женщинами-полководцами, среди которых её дочери, вдовы сыновей и внуков, она отправляется в поход [Азы Пекинской оперы, 2013: 32–33]. Все они проявили отвагу, знание военного дела, преданность и решительность, когда вызвались принять бой.

Мультфильм «Мулан» 1998 года

Что касается истории Мулан, то до 2020 г. этот сюжет уже экранизировали несколько раз (1939 г. – китайский художественный фильм «Мулань идёт в армию», 1964 г. – гонконгский фильм «Мулан», 2009 г. – китайско-американский фильм «Мулан»). Китайская баллада лежала в основе каждой ленты. Чем же образ Мулан так привлекателен для киноиндустрии?

История о необычной и отважной девушке, которая не побоялась нарушить правила, смогла совершить грандиозный подвиг и изменить свою судьбу, хорошо вписалась в американский кинодискурс второй половины XX в.[1] Впервые об экранизации китайской баллады «Песнь о Мулан» студия Walt Disney Pictures задумалась в 1994 г. По одной из версий изначально планировалось снять фильм с тривиальным сюжетом – о китайской девушке, которую увёз на Запад английский принц. Однако после выхода картины «Кундун» о Далай-ламе XIV в., рассказывающей о его детстве и юности, отношения между Китаем и США стали заметно напряжёнными (китайское правительство посчитало фильм политически вызывающим), поэтому от этой версии пришлось отказаться. Тогда студия Disney решила сделать ставку на мультфильм о благородной китайской девушке в надежде, что удастся наладить отношения с КНР. К тому же студия немного изменила и дополнила основные элементы легенды.

Повествование начинается с вторжения кочевников-гуннов на Север Китая (в «Песни о Мулань» – война империи Северная Вэй с Жужаньским каганатом). Как только весть об этом доходит до императора, издаётся специальный указ об обязательном несении воинской службы. Каждая семья должна отправить на войну взрослого мужчину, чтобы остановить вторжение гуннов в Китай.

В отличие от баллады, в мультфильме есть небольшой пролог. Он рассказывает о положении китайской женщины в далёкие времена и её жизненном предназначении – быть женой и матерью. Затем действие переносится в небольшую деревню, где девушка Мулан из семьи Фа готовится предстать перед свахой и показать, чему она научилась. Одобрение свахи очень важно, особенно если девушка хочет удачно выйти замуж (в других экранизациях эта преамбула отсутствует).

Мулан не проходит испытание и расстроенная возвращается домой. Затем события следуют по канону (прибытие армии с призывом к военной службе). А дальше создатели мультфильма делают весьма оригинальный поворот. Дерзкий поступок Мулан обсуждается духами предков на совете в родовом храме. Дракон Мушу и сверчок Кри-Ки решают не только помочь героине осуществить задуманное, но и вернуть уважение предков (дракон своей неповоротливостью и непокорностью во многом напоминает саму Мулан).

[1] Mulan: the history of the Chinese legend behind the film. URL: https://www.historyextra.com/period/ancient-history/real-history-mulan-who-what-looked-like-chinese-legend-disney-culture/ (accessed: 22 January 2021). (In English).

Затем мультипликаторы показывают нелёгкие будни новых солдат и всю тяжесть положения девушки. В отличие от источника, согласно которому Мулан удалось до конца войны успешно выдавать себя за юношу, в мультфильме тайна раскрывается при ранении девушки. В диснеевской ленте ей грозит смертная казнь за обман, но капитан Ли Шанг отказывается исполнить приговор и дарует ей жизнь, возвращая долг за спасение. Он оставляет Мулан в горах. Та чувствует себя разбитой, ведь она «потеряла» свою честь и лицо. Далее следует ещё один интересный сюжетный поворот, который раскрывает личность Мулан абсолютно с другой стороны. Видя, что гунны выжили после обрушения лавины, она решает любыми способами помешать им убить императора. Однако теперь у Мулан нет доспехов, она всего лишь обычная девушка. В этом эпизоде прослеживается тенденция, характерная для американского кинематографа конца 90-х гг. – любой человек, не обладающий суперсилой, при помощи умения убеждать может изменить свою судьбу и даже спасти мир. Проявив смекалку, отвагу, решительность и хитрость, Мулан удаётся спасти императора и победить гуннов. В качестве награды за подвиг император дарит ей свой медальон (доказательство того, что она сделала для него), меч Шань-Ю (символ совершённого подвига для родины) и предлагает государственную должность в императорском совете. Все жители и император кланяются ей в благодарность за спасение Китая (в первоисточнике император до конца не знает о том, что Мулан – девушка).

Авторы мультфильма акцентируют внимание на ещё одной детали, не свойственной культуре Китая того времени, – браке по любви. Так, император советует Ли Шангу «не упускать девушку» (в других экранизациях Мулан ставит долг превыше чувств). Таким образом, фильм заканчивается счастливо для всех: Мулан заслужила почёт и уважение, прославив свою семью, право выйти замуж по любви, Мушу получает звание хранителя, Китай спасён.

Отойдя от оригинальной баллады, создатели фильма постарались выделить основные моменты, связанные с традициями в Китае, но при этом создать по-настоящему добрый фильм, в котором поднимаются важные для общества темы: долг, честь, выбор и т. д., а продолжив рассказ (в каноне финал отрытый), они смогли показать, как обычная девушка становится героем. Они постарались наделить Мулан такими «западными ценностями», как стремление к независимости и праву выбора своего пути, которые были несвойственны культуре Китая того времени. Помимо этого, картина должна была помочь в возрождении студии Disney, а хэппи-энд позволил ей увеличить кассовые сборы[2].

Мультфильм «Мулан» во многом был направлен на то, чтобы показать культуру Китая в положительном свете и попытаться наладить испортившиеся отношения между США и Китаем из-за фильма о Далай-ламе (к/ф «Кундун»). В связи с этим авторы старались максимально корректно провести грань между китайской и американской культурами. Однако ремейк мультфильма, вышедший в 2020 г. в разгар торговых разногласий между Китаем и США, совершенно иначе представляет культуру и традиции Китая.

[2] Ренессанс Disney. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Disney_Renaissance (дата обращения: 04.03.2021).

Американо-канадско-китайский фильм «Мулан» 2020 года

Первая совместная попытка США и КНР экранизировать «Песнь о Мулань» в формате полнометражного фильма с бюджетом 12 млн долл. была предпринята ещё в 2009 г. В главных ролях снялись такие популярные в Китае актёры, как Чжао Вэй, Чэнь Кунь, Ху Цзюнь. Кроме них в картине приняли участие Джесси Чан (сын известного Джеки Чана) и российский эстрадный певец Витас. В отличие от диснеевской версии, фильм «Мулань» 2009 г. более приближен к канону и сосредоточен в основном на рассказе о военных подвигах Хуа Мулань против кочевников-жуаньжуаней. Однако солидный бюджет и приобретённые компанией Netflix права на показ не принесли фильму больших сборов. Более того, лента подверглась массовой критике, в первую очередь, из-за финала, в котором главная героиня отказывается от любви в пользу мира между царством Вэй и племенами кочевников.

В 2020 г. в Китае вышло сразу 3 экранизации о Хуа Мулань, поэтому компании Disney пришлось отложить релиз своего фильма. Премьера новой «Мулан» в Голливуде состоялась 9 марта 2020 г., однако запуск в прокат переносился несколько раз из-за пандемии COVID-19. Фильм «Мулан» кинокомпании Walt Disney Pictures является перезапуском одноимённого мультфильма 1998 г., но в отличие от последнего его выход сопровождался рядом коллизий.

Во-первых, изначально планировалось, что режиссёр будет азиатского происхождения, однако все переговоры не увенчались успехом. В результате съёмки возглавила новозеландка Ники Каро (в поддержку идеи гендерного равноправия в американском кинематографе).

Во-вторых, когда издание «The Hollywood Reporter» сообщило о готовящемся ремейке мультфильма 1998 г., в интернете появилась онлайн-петиция «Скажи Диснею, что ты не хочешь увидеть белую Мулан!» (“Tell Disney You Don't Want A Whitewashed Mulan!”), призывающая остановить выбор на роли в крупнобюджетных фильмах актёров исключительно с европейской внешностью[3]. В петиции также говорилось, что студия Disney намеренно выбирает известных актёров именно с такими типажами, когда надо играть «характерные главные роли» (“characters of color”), или когда «на роли положительных героев приглашают актёров с европеоидной внешностью, а на роли злодеев – противоположный типаж» (“heroes are portrayed by white actors while villains are characters of color”). Аналогичное обвинение прозвучало в адрес фильма «Призрак в доспехах».

В феврале 2020 г. многие интернет-порталы опубликовали статьи, в которых один из продюсеров картины Джейсон Рид опроверг эти домыслы: «несмотря на то, что онлайн-петиция наделала много шума, все обвинения беспочвенны, так как поиски актрисы на главную роль действительно затянулись (кастинг начался ещё в 2016 г.)». Причина состояла и в том, что найти нужного кандидата никак не удавалось, так как требования включали в себя свободное владение английским языком, высокий уровень физической подготовки и стабильное эмоциональное состояние. Кроме того, Рид подчеркнул, что в фильме, основанном

[3] Tell Disney You Don't Want A Whitewashed Mulan! URL: https://www.thepetitionsite.com/505/768/292/tell-disney-you-dont-want-a-whitewashed-mulan/ (accessed: 21 January 2021). (In English).

на китайской легенде о девушке-воине Мулан, будут показаны многие аспекты традиционной культуры Китая, в том числе искусство ведения войны и обучение военному делу[4].

На главную роль была выбрана Лю Ифэй, кандидатура которой не попала в первоначальный кастинг в связи с тем, что в 2002 г. она вернулась в Китай и была не очень известна в Америке. Помимо неё в фильме снялись такие известные актёры, как Джет Ли (Ли Ляньцзе), Гун Ли, Донни Йен, Джейсон Скотт Ли и Ци Ма. И здесь Disney не прогадал: пригласив на роли известных в Америке китайских актёров, участвующих в крупнобюджетных фильмах, он обеспечил не только повышенный интерес к картине более молодой аудитории, которая знакома с их творчеством, но и попытался замять неприятную ситуацию из-за выхода петиции.

Сбор в кинотеатрах был не таким уж большим (при бюджете 200 млн долл. он заработал 66,8 млн долл.), и продюсеры картины решили выпустить платную версию «Мулан» на стриминговом сервисе, что обеспечило бы дополнительные сборы. На Disney+ (потоковая платформа) за одну неделю благодаря американским подписчикам только в Северной Америке было собрано более 260 млн долл.

Рассмотрим новый сюжет более подробно. Фильм начинается с пролога: Мулан пытается поймать курицу и заставить её вернуться в курятник. Во время «ловли» девушка демонстрирует свою силу *«ци»* и владение некоторыми боевыми навыками. В картине у Мулан есть сестра, скорее всего, младшая – абсолютная противоположность главной героини (в одной из версий перевода первоисточника у Мулан есть старшая сестра и младший брат, в мультфильме отсутствуют упоминания об этих членах семьи). Из баллады нам ничего не известно о жизни юной Мулан, да и в мультфильме 1998 г. об этом также не идёт речь.

Пролог завершается разговором отца с дочерью. Он напоминает ей о том, что её долг заключается в удачном замужестве (принести почёт семье), а владение «*ци*» – удел воинов. Здесь мы видим явные отличия от баллады и мультфильма 1998 г.

Далее следует ещё один интересный сюжетный поворот – появляется колдунья Сяньнян, которая помогает Бори-хану проникнуть в северный имперский форпост и захватить его. Используя свою «*ци*» и мастерски перевоплощаясь в различных людей, она может проникать в любое место (в том числе и во дворец императора). Образ колдуньи весьма нетипичен для Китая: когти, рукава, похожие на крылья, превращение в птицу, доспехи из перьев. Скорее всего, это отсылка к персонажам греческой мифологии – Гарпиям (рис. 1, 2). В древнегреческой мифологии это весьма непривлекательные создания: полуженщины-полуптицы с крыльями и лапами грифа, длинными острыми когтями (в отличие от сирен, которых описывали как обворожительных дев, они не обладали божественным голосом). В мифе «Аргонавты у Финея» Н.А. Кун пишет, что Финей, сын Агенора, бывший раньше царём Фракии, злоупотреблял даром прорицания (открывал людям тайны бога Зевса). Аполлон наказал его слепотой, «а боги наслали на Финея гарпий, полудев-полуптиц, которые, прилетая в дом его, пожирали всю пищу и распространяли по дому страшное зловоние» [Кун: 245]. В фильме «китайскую гарпию» играет известная актриса Гун Ли (рис. 3, 4).

[4] Mulan 2020 Producer Says All Whitewashing Rumors Were False. URL: https://screenrant.com/mulan-2020-whitewashing-rumors-false-producer-response/ (accessed: 22 January 2021). (In English).

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Образ колдуньи несёт в себе скрытые отсылки к либеральному феминизму, гендерному равноправию и неприятию общества «чужих», которые становятся изгоями из-за отличительных особенностей (в случае с Саньнян – магических способностей). Саньнян, как и Мулан, нарушает каноны конфуцианской философии, приравняв себя к мужчине. Желание быть равной мужчине-воину в то же время отличает её от Мулан, которая поступила так из желания помочь отцу. Несмотря на то, что Сяньнян – женщина, Бори-хан прислушивается к её советам, что также нарушает традиционный патриархальный строй Китая (в мультфильме 1998 г. Мулан в образе девушки требуется больше сил, чтобы убедить выслушать её).

Далее следует подготовка Мулан к встрече со свахой (в мультфильме 1998 г. та остаётся с Мулан наедине; в первоисточнике вообще нет упоминания об этом визите). Образ свахи в фильме (рис. 5) также весьма нетрадиционен: он скорее напоминает госпожу Чин из фильма «Пираты Карибского моря: на Краю света» (рис. 6).

Рис. 5

Рис. 6

После неудачного приёма сваха заявляет перед всеми собравшимися, что Мулан опозорила семью Хуа, так как они не смогли воспитать хорошую дочь (таким образом, Мулан «теряет лицо»). Далее приезжают имперские солдаты и вручают приказ императора о мобилизации на войну.

В фильме режиссёром лишний раз подчёркивается, что в семье Хуа нет сына, который мог бы пойти на войну вместо отца, а наличие дочерей никого не интересует. Вечером за ужином Мулан открыто спорит с отцом, сомневаясь в целесообразности похода на войну, что было бы немыслимо для традиционного патриархального строя в Китае (отсылка к американской культуре). В отличие от мультфильма, Мулан не обрезает свои волосы (символ женственности; в оригинале также нет упоминания об этом), прежде чем надеть доспехи. Во время нелёгкого пути ей будет помогать символ рода – феникс (китайский феникс – символ женского начала).

Возвращаясь к началу фильма, стоит обратить внимание, что отец Мулан говорит по поводу её ухода на военную службу: если выяснится обман, то наказание – смерть, однако это противоречит словам военачальника в лагере, куда прибывает девушка. Он рассказывает о системе наказаний: воровство – смерть, дезертирство – смерть, привод женщин в лагерь или общение с ними – смерть, обман – изгнание с позором. В соответствии с этими правилами, у Мулан могло быть два взаимоисключающих наказания: во-первых, она женщина, за нахождение в лагере – смерть, а во-вторых, за обман полагается изгнание (в мультфильме одно наказание – смерть). Кроме того, равноценны ли ложь Мулан и обман одного из солдат, который слил немного воды из своего ведра, чтобы пройти испытание?

В отличие от мультфильма в полнометражной картине «Мулан» отсутствует один важный персонаж – капитан Ли Шанг, который следил за обучением новобранцев. С ним

связана очень важная сюжетная линия. Ли Шанг «испытывал чувства» к Пингу, мужскому альтер эго Мулан. Эта линия сюжета была явно рассчитана на ЛГБТК-аудиторию.

Если в мультипликационной Мулан действительно борются два начала: женское и мужское, сталкиваются долг и чувства (в других экранизациях также это прослеживается), то в фильме этого нет. Обучение проходит под командованием командира Тунга, старого товарища Хуа Чжоу (интересно, знал ли он изначально, что у отца Мулан не было сыновей?), а «неявную любовную линию» – чувства к другу Хунхуэю, который не знает, что Мулан – девушка, многие поклонники посчитали желанием поддержать ЛГБТ в Америке. Вот как объяснил этот момент Джейсон Рид в интервью журналу «Collider»: «Я думаю, что образ командира, влюблённого в своего солдата, может быть неправильно интерпретирован, в том числе и из-за движения #Я тоже, поэтому мы посчитали это совсем неуместным»[5].

Таким образом, несмотря на то, что фильм содержит в себе часть основного канона и мультфильма 1998 г., действие и сам сюжет меняются в зависимости от выбранного политического и социокультурного аспекта.

В отличие от баллады «Песнь о Мулань» и мультфильма «Мулан», в фильме девушка сама открывает всем свою тайну. При этом никто не берёт в расчёт, что, проявив смелость и смекалку, она смогла спасти не только своих товарищей, но и весь уцелевший отряд. И хотя девушка раскрыла себя, она, придя в лагерь, смогла добиться, чтобы её выслушал командир Тунг, поверил ей и повёл войско – отсылка к феминизму и победе над гендерным неравенством. Особенно ярко проявляется эта аллюзия в финальном сражении Мулан и Бори-хана, где хрупкая девушка побеждает предводителя жужанских воинов, который физически превосходит её в несколько раз. Фильм повторяет хеппи-энд мультфильма 1998 г. с одним лишь исключением: остаётся загадкой, выберет ли Мулан службу в императорской армии. Но судя по тому, что студия Disney обещает продолжение фильма, героиня сохранит приверженность ратному делу.

Часть съёмок проходила в Синьцзяне, регионе на северо-западе Китая, составляющем 1/6 площади КНР [Баженова, Островский]. В титрах команда фильма благодарит ряд организаций, находящихся на территории СУАР (рис. 7).

[5] Mulan: Why Captain Li Shang Isn't in the Live-Action Remake. URL: https://collider.com/mulan-li-shang-not-in-live-action-remake-reason-why/ (accessed: 25 January 2021). (In English).

Рис. 7

На территории СУАР располагаются лагеря перевоспитания для граждан Китая, исповедующих ислам (многие уйгуры – последователи этой религии). Согласно «Закону о политике в отношении уйгуров в области прав человека 2019 года»[6], который обсуждался на 1-й сессии Конгресса 116-го созыва в декабре 2019 г., Палата представителей США осуждает политику и действия КНР в отношении уйгуров. Тот факт, что Disney, которая является частью американского кинопроизводства The Walt Disney Company, «благодарит» за помощь в организации съёмок СУАР, таким образом, поддерживая её политику, вызвал множество вопросов. В интернете фигурируют хэштеги #БойкотМулан (#BoycottMulan) или #Уйгуры геноцид (#Uyghur genocide), цель которых – обратить внимание на проблему и получить комментарий от создателей фильма. Кроме того, оживлённое строительство новых лагерей в 2018 г., незадолго до выхода фильма, заставляется задуматься, не повлиял ли на это Disney.

История об отважной девушке Хуа Мулань актуальна и в настоящее время. Несмотря на то, что она уже много раз экранизировалась в Китае и США, каждый режиссёр стремится рассказать эту историю по-своему.

Фильм «Мулан» кинокомпании Walt Disney Pictures в целом получил положительные отзывы критиков, но то, что было задумано и обещано, не удалось реализовать в полной мере. Создатели фильма анонсировали рассказ о культуре и традициях Китая, однако на деле использовали стандартные шаблонные представления, которые приняты в современном американском кинематографе (например, образ свахи или главного злодея), и сюжетные линии, не характерные для традиций Китая.

Режиссёры, хоть и использовали образ героини баллады, в основном опирались на мультфильм 1998 г., который уже тогда во многом отличался от оригинала, но

[6] Uyghur Human Rights Policy Act of 2019. URL: https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-bill/649/text (accessed: 25 January 2021). (In English).

придерживался стратегии – не испортить отношения с Китаем. В отличие от анимационной версии, создатели киноленты 2020 г. попытались отразить социокультурные и политические изменения в США последних лет. Всё это превратило китайскую балладу о традициях в «современную американскую красивую картинку».

В кинематографе создаётся «перевёрнутый» образ Китая, эксплуатируются уже ставшие привычными в Америке шаблонные представления о КНР, что подтверждает отсутствие диалога между двумя странами. В Китае фильм был принят крайне негативно. Таким образом, киноленту «Мулан» можно назвать продуктом массовой культуры, целью которого было не познакомить зрителя с культурой и традициями Китая, а выпустить фильм, который имел бы большие кассовые сборы, покрывал затраченный на него бюджет и при этом отражал изменения, которые происходили в США на протяжении последних лет.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Азы пекинской оперы / Лян Янь, пер.: Ю.М. Иляхин; сост.: Китайская компания аудио-, видео- и телепродукции. 1-е изд. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2003. 70 с.

Баженова Е.С., Островский А.В. Синьцзян – горизонты нового Шелкового пути / Баженова Е.С., Островский А.В. Изд. 2-е, дополненное. М.: ООО «Издательство МБА», 2016. 276 с.

Барт Р. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / Пер. с англ. и итал. С. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.

Варфаловская Р.А. Особенности внешней торговли КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 249–261.

Исаев А.С. Китайский кинематограф нового тысячелетия. М.: ИДВ РАН, 2016. 272 с.

Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 512 с.

Маслов А.А. Китай без вранья. М.: РИПОЛ классик, 2018. 288 с.

Островский А.В. Экономика Китая до пандемии коронавируса: сможет ли Китай построить «общество сяокан» к 100-летнему юбилею КПК – 2021 г. // Экономика КНР в годы 13-й пятилетки (2016–2020) / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; сост. П.Б. Каменнов; отв. ред. А.В. Островский. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 9–28.

Островский А.В. Экономическое противостояние США и Китая: кто победит? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 2. С. 6–19. DOI:10.24411/2686-7702-2020-10008

Песнь о Мулань // Антология китайской поэзии. Т. 1. Пер. с кит., под общ. ред. Го Можо и Н.Т. Федоренко. М.: Гослитиздат, 1957. 423 с.

Шэнь Чжэньхуэй. Очерк китайской культуры. Пер. с кит. Фитуни О.Л. М.: Шанс, 2019. 319 с.

REFERENCES

Azy pekinskoy opery [The Basics of the Beijing Opera], Pekin: *Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah*, 2003. 70 p. (In Russian).

Bart Rolan. (2007). Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta [The role of the reader. Studies on the semiotics of the text], Saint-Petersburg: Simpozium, 502 p. (In Russian).

Bazhenova E.S., Ostrovskii A.V. (2016). Sin'tszyan – gorizonty novogo Shelkovogo puti [Xinjiang-horizons of the New Silk Road], Moscow: OOO "Izdatel'stvo MBA", 276 p. (In Russian).

Go Mozho, Fedorenko N.T. (1957). Pesn' o Mulan'. Antologiya kitayskoy poezii [The Song of Mulan. Anthology of Chinese Poetry], Moscow: Goslitizdat, 423 p. (In Russian).

Isaev A.S. (2016). Kitayskiy kinematograf novogo tysyacheletiya [Chinese cinema of the new millennium], Moscow: IFES RAN, 272 p. (In Russian).

Kun N.A. (2018). Legendy i mify Drevney Gretsii [Legends and myths of Ancient Greece], Saint-Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 512 p. (In Russian).

Maslov A.A. (2018). Kitay bez vran'ya [China without lies], Moscow: RIPOL klassik, 288 p. (In Russian).

Ostrovskii A.V. (2020). Ekonomicheskoye protivostoyaniye SShA i Kitaya: kto pobedit? [Sino-American mutual resistance: who will win?], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2: 6–19. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10008 (In Russian).

Ostrovskii A.V. (2020). Ekonomika Kitaya do pandemii koronavirusa: smozhet li Kitay postroit' "obshchestvo syaokan" k 100-letnemu yubileyu KPK – 2021 g. [China's economy before the coronavirus pandemic: will China be able to build a "Xiaokang society" for the CCP's 100th anniversary in 2021], Moscow: IFES RAS, 344 p. (In Russain).

Shen Zhenhui (2019). Ocherk kitayskoy kul'tury [Essay on Chinese culture], trans. from Chinese Fituni O.L., Moscow: Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya "Shans", 319 p. (In Russian).

Varfalovskaya R.A. (2020). Osobennosti vneshney torgovli KNR v gody 13-y pyatiletki (2016–2020) [Features of China's foreign trade in the years of 13 five-years (2016–2020)], Moscow: IFES RAS, 344 p. (In Russain).

Поступила в редакцию 29.01.2021 Received 29 January 2021

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-39-50

Развитие живописи в Пекине в начале XX века

А.И. Донченко

Аннотация. Глубинные социальные и политические изменения в Китае на рубеже XIX–XX вв. привели к существенной переоценке духовных и эстетических ценностей в обществе. Проникновение западной культуры способствовало появлению реформаторских движений и новых тенденций в изобразительном искусстве Китая. Китайские художники, вернувшиеся на родину после обучения за границей, создают различные общества и школы, чтобы найти новые формы и соединить наследие китайской традиционной живописи с достижениями западного искусства. С начала XX в. Пекин становится центром социальных преобразований в Поднебесной и источником нового культурного движения.

***Ключевые слова*:** Китай, китайское искусство, китайская живопись, искусство, культура, живопись.

***Автор*:** *Донченко Анна Ильинична,* переводчик Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Донченко А.И. Развитие живописи в Пекине в начале XX века // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 39–50. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-39-50

Development of the academic painting in Beijing at the beginning of the 20th century

A.I. Donchenko

Abstract. The profound social and political changes that took place in China at the turn of the 19th century led to a significant reappraisal of spiritual and aesthetic values in the society. The Western culture infiltration contributed to the reform movement and encouraged new trends in the Chinese visual arts. The artists who returned to China after studying abroad created various associations and art schools. They tried to find new forms and merge the heritage of traditional Chinese painting with the achievements of Western art. In the beginning of the 20th century Beijing becomes the center of social transformation in China and the source of a new cultural movement.

***Keywords*:** China, Chinese art, Chinese painting, art, culture, painting.

***Author*:** *Donchenko Anna I.*, translator of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9044-3707; E-mail: andonchenko@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Donchenko A.I. (2021). Razvitie zhivopisi v Pekine v nachale XX veka [Development of the academic painting in Beijing at the beginning of the 20th century], Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics], 2021, 1: 39–50. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-39-50

Экономико-политическая ситуация в Китае конца XIX в. способствовала появлению новых классов и иерархических отношений. Общественные трансформации сильно повлияли и на культурную сферу. Появился новый тип интеллигенции, сыгравший важную роль в формировании и развитии китайской культуры в конце эпохи Цин. Среди новых интеллектуалов, получивших передовое для своего времени образование, были известные реформаторы Янь Фу 严复 (1854–1921) и Кан Ювэй 康有为 (1858–1927). Они жёстко критиковали традиционное конфуцианство и ратовали за переход от самодержавия к демократии.

Новые веяния не могли не отразиться на системе образования. В 1901 г. издаётся указ «О создании учебных заведений», который изменил их структуру на всех уровнях, в каждом уезде начали функционировать начальные школы. В 1903 г. были сформулированы правила для учебных заведений, получившие название «Система образования Гуймао». Согласно этому документу, в программу обучения включались уроки рисования [История китайской цивилизации, 2020: 548].

«Движение 4 мая» и «Движение за новую культуру», возникшие после Синьхайской революции, оказали большое влияние на дальнейшее реформирование и развитие системы образования, в том числе художественного.

В сентябре 1915 г. Чэнь Дусю 陈独秀 (1879–1942) основал в Шанхае журнал «Молодёжь» 青年, который вышел под таким названием лишь единожды – со второго выпуска он переименован в «Новую молодёжь»[1] 新青年. Издание стало предтечей «Движения за новую культуру». В январе 1917 г. Чэнь Дусю уезжает в Пекин и становится деканом факультета гуманитарных наук Пекинского университета. Редакция «Новой молодёжи» также меняет адрес – с 1918 г. журнал издаётся в Пекине. Под его влиянием возникла целая серия периодических печатных СМИ, пропагандирующих новую культуру с её ключевыми идеями: продвижение демократии и науки, противостояние диктатуре и суевериям, призыв к обновлению мировоззрения. В статье Чэнь Дусю «Воззвание к молодёжи», опубликованной в журнале «Молодёжь» (первый номер), подчёркивалось, что «китайцы хотят вырваться из эпохи невежества, к тому же стыдятся превратиться в мелкий народ, поэтому следует как можно быстрее обратить внимание на науку и права человека»[2]. Ли Дачжао 李大钊 (1889–1927) в статье «Национальный характер и политика»[3] также говорил, что народ и монарх остаются непримиримыми врагами, свобода и самодержавие несовместимы. С 1916 по 1917 г. увидели свет публикации, критикующие традиционную мораль: «Конфуцианская этика и современная жизнь» и «Наше окончательное пробуждение», написанные Чэнь Дусю; статьи Ли Дачжао «Конфуций и конституция» и «Естественная этика и Конфуций». Лу Синь 鲁迅 (1881–1936), У Ю 吴虞 (1872–1949), Ху Ши 胡適 (1891–

[1] URL: http://chis.cssn.cn/zgs/zgs_bk/201808/t20180824_4548571.shtml (дата обращения: 12.09.2020).
[2] URL: https://xw.qq.com/cmsid/20200615A003GZ00 (дата обращения: 23.08.2020).
[3] URL: http://www.lidazhao.org/2007/9-26/23923.shtml (дата обращения: 10.09.2020).

1962), И Байша 易白沙（1886–1921) также написали серию романов и эссе, разоблачающих пороки старого воспитания в конфуцианском духе.

Со временем «Движение за новую культуру» сформировало модель своего развития. Левое крыло, представителем которого стал Ли Дачжао, обратилось к «принятию России как учителя» и марксизму. Правое крыло в лице Ху Ши было ориентировано на ценности западной культуры.

В то же время часть проходивших обучение в Европе и США студентов, вернувшись в Китай, создали школу «Восточной культуры»[4] и выступали за пересмотр отношений между китайской и западной цивилизациями и возрождение национальной культуры.

В начале XX в. под влиянием «Движения за новую культуру» начались существенные изменения в области искусства. Это проявилось в модификации системы художественного образования, усилившейся активности художественных объединений, а также появлении различных художественных школ и направлений, что способствовало возникновению новых тенденций в китайской традиционной живописи. Художники Поднебесной получили большие возможности для знакомства с ценностями и живописными техниками западного искусства, что ускорило развитие «Движения за новое искусство». В 1918 г. сторонник реформ Чэнь Дусю совместно с художником Люй Чэном 吕澂（1896–1989) выдвигают лозунг о «художественной революции», главным смыслом которой был уход от традиций и консерватизма национальной живописи. Их переписка, где излагаются взгляды новаторов, была опубликована в шестом выпуске «Новой молодёжи» [История Китая с древнейших…: 616]. Постепенно идея «революции в искусстве» широко распространилась в интеллектуальных и художественных кругах. Почти все основные новаторские поиски и формы китайского современного искусства, т. е. периода после 1911 г. (в некоторых источниках после 1919 г.), имеют единый генезис «художественной революции». Следовательно, выявление и изучение предпосылок возникновения и развития этой идеи имеют фундаментальное значение для понимания ориентации и ценностей модернизации китайского искусства в XX в.

На рубеже веков многие молодые художники уезжали в Японию или Европу учиться западной живописи. В 1905 г. Ли Шутун 李叔同 (1880–1942) отправился в Японию изучать масляную живопись. В Стране восходящего солнца учились также Гао Цзяньфу 高剑父 (1879–1951), Гао Цифэн 高奇峰 (1889–1933), Чэнь Шужэнь 陈树人 (1884–1948), Хэ Сяннин 何香凝 (1878–1972) и Чэнь Шицзэн 陈师曾 (1876–1923), Чэнь Баои 陈抱 (1893–1945), Цзян Синь 江新 (1894–1939), Ху Гэньтянь 胡根天 (1892–1985) и Янь Чжикай 严智开 (1894–1942).

В 1907 г. Ли Иши 李毅士 (1886–1942) был принят в Академию изящных искусств Глазго в Англии, где в течение пяти лет занимался академической живописью. В 1911 г. У Фадин 吴法鼎 (1883–1924) уехал на учёбу во Францию и стал впоследствии представителем ранней китайской масляной живописи.

Сюй Бэйхун 徐悲鸿 (1895–1953), Ли Чаоши 李超士 (1893–1971), Линь Фэнмянь 林风眠 (1900–1991), Линь Вэньчжэн 林文铮 (1902–1989), У Даюй 吴大羽 (1903–1988), Фан Цзюньби 方君璧 (1898–1986), Вэнь Идо 闻一多 (1899–1946) изучали живопись в Европе и Америке [Духовная культура Китая. Искусство: 46].

[4] URL: http://www.cssn.cn/lsx/201403/t20140324_1039621.shtml (дата обращения: 14.09.2020).

Вернувшись на родину, эти художники пропагандировали западную живопись, стали активными сторонниками нового художественного образования и выступали за реформирование национальной школы, что в значительной степени способствовало развитию современного китайского искусства.

Ли Шутун одним из первых начал продвигать западную живопись в Китае. С 1912 по 1918 г. он преподавал рисование на кафедре живописи и ремёсел в Чжэцзянском педагогическом училище 浙江师范学校 в Ханчжоу. Его учениками были такие известные художники, как Фэн Цзыкай 丰子恺 (1898–1975), У Мэнфэй 吴梦非 (1893–1979) и Пань Тяньшоу 潘天寿 (1897–1971).

Чжоу Сян 周湘 (1871–1933) стал одним из основателей первой частной художественной школы в современном Китае. В 1911 г. он открыл в Шанхае курсы живописи, где учились ставшие впоследствии выдающимися мастерами Лю Хайсу 刘海粟 (1896–1994), Чэнь Баои и Чжан Мэйсунь 张眉荪 (1894–1973).

Чэнь Баои был приверженцем западной живописи, с 1922 г. он преподавал её в художественной школе колледжа изящных искусств Шанхайского университета, на факультете живописи Шанхайского университета и в других учебных заведениях.

Ли Чаоши в 1911 г. уехал на учёбу в Англию, а затем в 1913 г. поступил в Национальную академию изящных искусств в Париже. После возвращения в Китай в 1919 г. он преподавал западную живопись в Шанхайской академии изящных искусств и Пекинской национальной академии искусств.

В ноябре 1912 г. У Шигуан 乌始光, Лю Хайсу, Ван Ячэнь 汪亚尘 (1894–1983) и Дин Сун совместно организовали Шанхайскую художественную академию 上海图画美术院. В свою очередь У Мэнфэй, Фэн Цзыкай и Лю Чжипин 刘质平 (1894–1978) осенью 1919 г. основали Шанхайское высшее педагогическое училище 上海专科师范学校. Эта группа художников сыграла важную роль в развитии нового искусства в Китае в начале XX в.

В этот период создаются художественные союзы и общества, часто проводятся художественные выставки, которые представляют западное искусство. Наиболее значимыми из них были «Общество восточной живописи», основанное Лю Хайсу и Чэнь Баои, и созданное Дин Суном 丁悚 (1891–1972) и Цзян Синем «Общество живописи Тяньма». Зимой 1919 г. группой художников и молодых учителей было основано первое в Китае «Общество художественного образования Китая». В апреле 1920 г. вышел первый научный журнал, посвящённый художественному образованию, который назывался «Эстетическое воспитание» 美育.

Быстрыми темпами шло создание специализированных учебных заведений. В 1902 г. в выпускных классах Высшего педагогического училища Лянцзян в Нанкине были организованы курсы рисования и ремёсел. В 1911 г. Чжоу Сян основал первую частную художественную школу. Постепенно по всей стране открываются художественные школы, например, Пекинская художественная школа 北平艺专, Учанская частная школа искусств 私立武昌艺专 и Сучжоуская школа искусств 苏州美专. В рамках двухступенчатой системы обучения в них параллельно изучалась китайская и западная живопись.

Важной частью «Движения за новое искусство» была теоретическая полемика. Люй Чэн и Чэнь Дусю под лозунгом «художественной революции» жёстко критиковали традиционный

стиль копирования и защищали реализм. Цай Юаньпэй говорил, что религию должно заменить эстетическое воспитание, особо подчёркивая в нём роль искусства. Кан Ювэй, Сюй Бэйхун и другие считали, что реформа китайской живописи заключается в изучении и применении методов, материалов и стилей западной. Чэнь Шицзэн выступал в защиту национальной культуры и за возрождение китайской традиционной живописи. Эти заявления и дискуссии оказали большое влияние на развитие искусства Поднебесной начала XX в. и многих следующих лет.

Пекинские художники первой четверти XX века

После Синьхайской революции множество деятелей искусства и художников собирается в Пекине, который становится центром развития нового искусства. Пекинских художников того времени можно разделить на три основные группы.

В первую входили те, кто работал на национальное правительство и занимался продвижением нового художественного образования. Большинство из них получили заграничное образование, например, Чэнь Шицзэн, Чжэн Цзинь 郑锦 (1833–1959) и Яо Хуа 姚华 (1876–1930) проходили обучение в Японии, Ли Иши учился в Англии, Ли Чаоши, Линь Фэнмянь и У Фадин – во Франции. Все они обладали глубокими знаниями, стремились в своём творчестве соединить западную и традиционную китайскую национальную живопись.

Вторую группу составляли художники, которые вслед за подъёмом рынка живописи в Пекине стали приезжать из других городов и провинций, чтобы заработать себе на жизнь. Среди них Сяо Цзюньсянь 萧俊贤 (1865–1949) и Чэнь Шаомэй 陈少梅 (1909–1954) из пров. Хунань, Сяо Цяньчжун 萧谦中 (1883–1944) и Ван Шэньшэн 汪慎生 (1896–1972) из пров. Аньхой. Их работы отличались новизной и свежестью, а также демонстрировали эстетические предпочтения жителей провинции.

Третья группа – это живописцы, учившиеся у известных мастеров, в художественных студиях и объединениях, такие как Цзинь Чэн 金城 (1878–1926), Тан Ди 汤涤 (1878–1948), Ци Кунь 祁崑 (1901–1944) и Сюй Цзунхао 徐宗浩 (1880–1957). Благодаря различным живописным школам каждый из них обладал собственным стилем и имел свой конёк. В условиях сильных традиций живописных кругов Пекина они ориентировались на сохранение культурного наследия.

Работы всех этих мастеров заложили основу пекинской школы живописи. В первую очередь, следует назвать таких деятелей искусства, как Чэнь Шицзэн, Яо Хуа и Линь Шу, художников китайской традиционной живописи Чан Ди, Ю Мина и Сюй Цзунхао, а также мастеров масляной живописи Ли Иши, Ли Чаоши и У Фадина.

Чэнь Шицзэн 陈师曾 (1876–1923)[5], Хэн Кэ (псевдонимы Хуай Тан и Сю Даожэнь) родился в уезде Сюшуй пров. Цзянси и происходил из семьи чиновников. Его дед Чэнь Баоцан был губернатором пров. Хунань, а отец Чэнь Саньли возглавлял канцелярию министерства чинов, оба выступали за проведение общественно-политических реформ. После провала реформаторского движения 1898 г. Чэнь Баоцан и Чэнь Саньли оставили государственную службу. Эти события оказали большое влияние на формирование демократического мышления Чэнь Шицзэна. С детских лет он изучал поэзию, каллиграфию

[5] URL: http://artpc.cn/encyclopedia/introduction_show/2359 (дата обращения: 27.10.2020).

и живопись, в возрасте 23 лет поступил на факультет естествознания учреждённой при Цзяннаньской военной академии в Нанкине Школы горного дела и железных дорог. Его одноклассником и близким другом был известный китайский писатель Лу Синь. В 1901 г. Чэнь Шицзэн для изучения иностранных языков был переведён во Французскую миссионерскую школу. В следующем году он вместе со своим братом Инькэ и Лу Синем отправился на учёбу в японский институт Кобун, где пробыл восемь лет.

Вернувшись в Китай, по приглашению Управления образования пров. Цзянси в течение нескольких месяцев занимал должность главы департамента образования, затем по приглашению Чжан Цзянья преподавал музейное дело в Наньтунском педагогическом училище.

В Шанхае Чэнь Шицзэн познакомился с известным художником и каллиграфом У Чаншо, у которого учился живописи и искусству резьбы печатей. В этот период Чэнь Шицзэн создал много прекрасных картин и занимался теоретическими исследованиями. В первом выпуске «Журнала выпускников Наньтунского педагогического училища» 南通师范校友杂志 были опубликованы статьи «Современное состояние западной живописи» и «Рисование цветов сливы», в которых он высказывал свои взгляды на китайское и западное искусство.

В 1913 г. Чэнь Шицзэн назначен на должность преподавателя в Педагогическом училище № 1 г. Чанша пров. Хунань, а спустя полгода он уехал в Пекин, где стал редактором и рецензентом книг в министерстве образования. В течение следующих десяти лет Чэнь Шицзэн создаёт большое количество работ и активно продвигает художественное образование и эстетическое воспитание. В Государственной пекинской академии искусств, основанной в 1918 г., он стал преподавать китайскую живопись. В 1919 г. художник параллельно становится научным руководителем Исследовательского общества искусства живописи Пекинского университета.

В 1920 г. Чэнь Шицзэн и Чжоу Чжаосян создают «Общество исследований китайской традиционной живописи». Летом 1923 г. из-за болезни мачехи Чэнь уехал в Нанкин, где заразился дизентерией и 17 сентября в возрасте 48 лет скоропостижно скончался.

Наиболее плодотворным периодом жизни художника стали последние десять лет работы в Пекине. Он активно преподавал, уделяя большое внимание изучению базовой техники, выступал за интеграцию Китая и Запада и создал собственный стиль живописи. Чэнь Шицзэн способствовал культурным обменам между Китаем и Японией, а также принимал участие в совместных выставках китайского и японского искусства. Он посвятил себя теоретическим исследованиям китайской традиционной живописи и написал ряд монографий и статей, таких как «Изменения в жанре “люди и предметы” китайской традиционной живописи», «Школы пейзажной живописи эпохи Цин», «Краткая история китайской традиционной живописи», «Исследование живописи интеллектуалов», «Ценность живописи интеллектуалов» и др. Последняя из перечисленных работ оказала сильнейшее воздействие на современников. Также были изданы несколько сборников работ художника.

В живописи Чэнь Шицзэн придерживался традиций, в ранний период творчества он находился под влиянием работ художника Гун Сяня, позднее учился у У Чаншо. В итоге он создал свой стиль, в основе которого лежит традиция *да сеи* в сочетании с каллиграфией и резьбой печатей. Картины Чэнь Шицзэна отличаются простотой форм, сильными и энергичными штрихами, богатыми оттенками туши, изящной и элегантной композицией. В работах художника тесно переплетаются поэзия, каллиграфия и живопись, что соответствует

сути традиционной живописи интеллектуалов. Стиль Чэнь Шицзэна оказал непосредственное влияние на творчество Ци Байши [Zhonguo shufa yishu: 301].

Яо Хуа 姚华 (1876–1930), Чун Гуан (псевдоним Ман Фу) родился в г. Гуйян пров Гуйчжоу[6]. В 1902 г. Яо Хуа был приглашён читать лекции в Академии Синъи Бишан. В 1904 г. его назначили управляющим делами департамента по эксплуатации горных и водных богатств министерства общественных работ. Позже он уехал в Японию, где изучал банковское дело в Университете Хосэй. В 1907 г. Яо Хуа вернулся на родину и работал начальником отделения и управляющим делами в управлении почтовыми операциями министерства почты и коммуникаций. После Синьхайской революции был избран членом временного консультационного совета Гуйчжоу, затем переехал в Пекин и преподавал китайский язык в Пекинском высшем педагогическом училище. В 1919 г. Яо Хуа пригласили преподавать в Пекинском художественном колледже, где он работал вместе с Чэнь Шицзэном и Чэнь Баньдином, в 1924 г. возглавил созданную Академию искусств Цзинхуа (закрыта в 1952 г.). В начале карьеры Яо Хуа служил чиновником, а позже работал в Пекине педагогом, каллиграфом и художником. В первые годы Китайской Республики он был очень активной фигурой в пекинских живописных кругах, тесно общался с такими художниками, как Чэнь Шицзэн и Ван Юнь, помогал «Обществу исследований китайской традиционной живописи». В 1922 г. он участвовал в учреждённом Чэнь Шицзэном «Обществе Лоюань Яцзи» и преподавал во многих художественных учебных заведениях. Яо Хуа хорошо разбирался в поэзии, изучал древние музыкальные инструменты, проводил исследования фонологии, однако наибольших успехов достиг в каллиграфии и живописи. Отличительной особенностью его каллиграфии были сильные и мощные линии, размашистый и свободный почерк. В живописи Яо Хуа отдавал предпочтение пейзажу. В его работах чувствуется большое влияние пейзажной живописи эпохи Северная Сун. Больше всего художник любил изображать осеннюю и зимнюю природу, его манера рисования полностью отражает его каллиграфический стиль [Zhonguo shufa yishu: 207].

Линь Шу 林纾 (1852–1924), Цинь Нань (псевдоним Вэй Лу) родился в г. Фучжоу пров. Фуцзянь. После сдачи экзаменов Линь Шу был назначен на должность заведующего вопросами просвещения уездного уровня, после переезда в Ханчжоу в 1899 г. преподавал в лектории «Дунчэн цзяншэ» в Ханчжоу, в школе «Цзюйцзин Ванчэн». В 1901 г. он переезжает в Пекин, где начинает преподавать в Государственном пекинском университете и работать главным редактором пекинской газеты «Пинбао». Известный учёный, писатель и переводчик конца династии Цин и начала Китайской Республики, Линь Шу наибольшую известность получил как «переводчик» западной прозы. Любопытно, что сам он не владел иностранными языками, а делал переводы известных произведений, основываясь на интерпретации их другими людьми. Линь Шу записал на классическом китайском языке более 170 европейских и американских романов, среди них такие известные произведения, как «Дама с камелиями», «Три мушкетёра», «Граф Монте-Кристо», «Дэвид Копперфилд» и «Чёрный раб взывает к Небу» [История китайской цивилизации, 2020: 549]. Несмотря на глубокие знания западной культуры, Линь Шу был типичным представителем традиционной китайской литературы, его политические взгляды были крайне консервативны [Духовная культура Китая: 143]. Во время «Движения четвёртого мая» он представлял консерваторов.

[6] URL: http://www.gerenjianli.com/Mingren/07/spgeo3l007t8r3d.html (дата обращения: 07.10.2020).

В 1919 г. в шанхайской газете «Синьшэньбао» 新申报 Линь Шу опубликовал рассказы «Сон демона» и «Цзин Шэн», в которых критиковал и осуждал «Движение за новую культуру». В этом же году в газете «Гунъяньбао» 公言报 было напечатано открытое письмо Цай Юаньпэю, где Линь Шу также выступил с резкой критикой «Движения за новую культуру». В результате был спровоцирован так называемый «спор Линя и Цая», т. к. в тот же день Цай Юаньпэй направил в газету «Гунъяньбао» письмо с ответом «благородному господину Линь Циньнаню», в котором решительно опроверг обвинения Линь Шу.

В живописи Линь Шу также был приверженцем традиционной школы, его стиль близок почерку Ван Юня. Художник неплохо владел искусством каллиграфии и часто писал на своих картинах длинные тексты, а также занимался научной деятельностью, написал ряд работ по теории живописи[7].

Тан Ди 汤涤 (1878–1948), Дин Чжи (псевдонимы Лэсунь и Тайпинхукэ) родился в г. Чанчжоу пров. Цзянсу[8]. Прадед Тан Ифэнь и дед Тан Люмин были чиновниками и хорошо рисовали. Тан Ди с детства занимался поэзией и живописью. В период Цин он был помощником Ли Чжуня, адмирала военно-морского флота пров. Гуандун, и преподавателем Военно-морской академии. В 1915 г. он переезжает в Пекин, где занимает должность секретаря ревизионной палаты, а также преподаёт в Пекинском женском высшем педагогическом училище и Пекинской школе искусств, был членом «Общества живописи Сюаньнань» и «Исследовательского общества искусства живописи Пекинского университета». В последние годы жизни художник жил в Шанхае. Тан Ди был мастером пейзажа и жанра «цветы и травы», продолжая в своём искусстве семейные традиции. Особых успехов художник достиг в монохромной живописи тушью, больше всего любил изображать сливы, бамбук, орхидеи, сосны и кипарисы.

Юй Мин 俞明 (1884–1935), Ци Фань (псевдоним Цзинжэнь) родился в г. Хучжоу пров. Чжэцзян. Он был племянником художника Юй Юаня, работал в жанре «люди и предметы». В ранние годы Юй Мин изучал акварельную живопись в Шанхае, позднее учился в мастерских художников Чэнь Хунхуаня и Жэнь И. После образования Китайской Республики, по рекомендации Цзинь Чэна художник отправляется в Пекин, чтобы рисовать по заказу президента Юань Шикая. Наибольшего мастерства Юй Мин достиг в жанре женского портрета. Сюжеты для большинства картин он брал из древней литературы и исторических рассказов. На работах художника женские фигуры написаны изящными, тонкими линиями, а композиция отличается простотой и элегантностью. Среди мастеров данного направления Юй Мин считался одним из лучших.

Сюй Цзунхао 徐宗浩 (1880–1957), Ян У (псевдоним Шисюэ) родился в г. Чанчжоу, пров. Цзянсу, жил в Пекине. Он был заместителем председателя «Общества исследований китайской традиционной живописи», работал в жанрах пейзажа и «цветы и птицы», был известным каллиграфом и резчиком печатей. Сюй Цзунхао – автор «Книги о бамбуке» и «Сборника стихов Шисюэ». В жанре «цветы и птицы» продолжил традицию художников Хуа Яня и Жэнь И, работал в стиле *сяо сеи*.

У Фадин 吴法鼎 (1883–1924), Синь У родился в г. Синьяне пров. Хэнань. В 1903 г. он поступил в Институт переводчиков в Пекине, где изучал экономику и французский язык.

[7] URL: http://www.chinawriter.com.cn/xdzj/564.shtml (дата обращения: 27.10.2020).
[8] URL: http://www.360doc.com/content/19/0926/11/21464170_863297691.shtml (дата обращения: 27.10.2020).

В 1911 г. У Фадин отправился во Францию, где сначала изучал юриспруденцию, но позже занялся живописью. В 1919 г. У Фадин вернулся в Китай и стал преподавать западную живопись в Исследовательском обществе искусства живописи Пекинского университета. В 1920 г. его пригласили на должность преподавателя и заведующего учебной частью Пекинской школы искусств. В 1921 г. он и его коллеги из художественного колледжа Ли Иши и Ван Юэчжи организовали «Научное общество Аболо», чтобы преподавать и способствовать развитию западной живописи. В 1923 г. его приглашают педагогом западной живописи в Шанхайский художественный колледж. В работах У Фадина органично соединились приёмы китайской традиционной и западной масляной живописи – простота и твёрдость линий и точность форм.

Ли Иши 李毅士 (1886–1942), Цзу Хун родился в г. Чанчжоу пров. Цзянсу. Его отец Ли Баочжан был художником, а дядя Ли Баоцзя – известным литератором. С молодости Ли Иши учился живописи у отца, затем продолжил образование в Академии Цюши пров. Чжэцзян, с 1903 г. учился в Японии. В 1904 г. Ли Иши переехал в Англию и в 1907 г. поступил в Академию художеств в Глазго, где пять лет изучал западную живопись. В 1916 г. он окончил факультет физики Университета Глазго. После возвращения в Китай, по приглашению Цай Юаньпэя Ли Иши становится преподавателем Пекинского политехнического института. В 1918 г. преподаёт рисунок в Исследовательском обществе искусства живописи Пекинского университета. В 1919 г. Ли Иши занимал должность профессора западной живописи Пекинских высших курсов китайской традиционной живописи и возглавлял отдел западной живописи в только что открывшейся Пекинской академии изящных искусств. Зимой 1924 г. по приглашению известного художника Лю Хайсу Ли Иши переехал в Шанхай. С 1926 по 1937 г. Ли Иши работал в Нанкине. Этот период стал расцветом творчества художника, ему удалось объединить сильные стороны китайской и западной живописи. С 1937 по 1942 г. он зарабатывал на жизнь продажей картин в Чунцине и Гуйлине. Ли Иши создал достаточно много произведений, но позже большинство из них было утеряно. Он достиг выдающихся успехов в масляной живописи и акварели. Главными персонажами картин Ли Иши были исторические и литературные герои. Он использовал технические приёмы работы кистью, принятые в китайской традиционной живописи, в сочетании со строгим моделированием предметов, линейной перспективой и светотеневыми переходами, которые используются в западной школе[9].

Художественные школы и объединения в Пекине

Первым открывшимся профессиональным учебным заведением по обучению живописи в первой четверти XX в. стала основанная в 1911 г. Чжоу Сяном частная Шанхайская школа китайского и западного искусства 上海中西美术学校. Первая государственная художественная школа была открыта 15 апреля 1918 г. в Пекине и названа Государственной пекинской художественной школой 国立北京美术学校, её директором стал Чжэн Цзинь.

Чжэн Цзинь 郑锦 (1883–1959), Чжуан Чан родился в г. Чжуншань, пров. Гуандун. Он учился в Японии, работал профессором Пекинского педагогического университета и Женского педагогического университета, а также директором Пекинской художественной школы,

[9] URL: https://www.huajia.cc/painter/d_113268.html (дата обращения: 19.11.2020).

рисовал в жанре «люди и предметы», любимой темой художника было изображение женских фигур в старинных одеждах, его работам присущ изысканный и элегантный стиль, опирающийся на японскую и китайскую живопись. В последние годы жизни Чжуан Чан вернулся на юг Китая и жил в Макао.

В 1919 г. министерство образования утвердило Пекинскую художественную школу как высшее художественное учебное заведение, где велось обучение китайской традиционной и западной живописи. Это учреждение стало прообразом Центральной академии изящных искусств 中央美术学院. Там преподавали многие инициаторы нового художественного образования: Чэнь Шицзэн, Ли Иши, У Фадин, Линь Фэнмянь, Янь Чжикай, Чжао Таймоу, Сюй Бэйхун.

Художественное образование можно было получить неформальным способом – в мастерских художников в форме наставничества, когда знания традиционно передавались от учителя к ученику, в любительских художественных школах и группах по изучению живописи, которые создавали известные мастера. В подобных объединениях собирались художники для обучения и обмена опытом, устраивались выставки и различные мероприятия, связанные с искусством, именно там появилась и окрепла группа новых сил, которая впоследствии сыграла ключевую роль в реформировании и развитии живописи Нового Китая.

Одним из первых художественных объединений в Пекине нач. XX в. стало «Общество живописи Сюаньнань», которое организовал Юй Шаосун.

Юй Шаосун 余绍宋 (1882–1949), Юэ Юфэнь (псевдоним Ханькэ) родился в уезде Лунъю пров. Чжэцзян. В его семье насчитывается семь поколений художников и каллиграфов. В 1906 г. Юй Шаосун отправился в Японию изучать юриспруденцию и управление на железных дорогах. В 1910 г. он окончил Токийский университет Хосэй и вернулся на родину. Юй Шаосун работал в канцелярии министерства иностранных дел в Пекине. После создания Китайской Республики занимал должности советника, заместителя начальника и исполняющего обязанности главы министерства юстиции. Юй Шаосун хорошо разбирался в поэзии, был мастером каллиграфии и живописи, особых успехов достиг в изображении бамбука и сосны, иногда работал в жанре пейзажа[10]. Мастер часто использовал приём «сухая тушь». Также Юй Шаосун занимался теорией каллиграфии, он автор трудов «Библиография по каллиграфии и живописи», «Избранные произведения каллиграфии и живописи», «Коллекция Хань Кэтан». В 1915 г. Юй Шаосун вместе с несколькими коллегами из министерства юстиции пригласил Тан Ди, художника из Цзяннаня, вступить в создающееся «Общество живописи Сюаньнань». Позднее в это объединение вошли художники Лян Цичао 梁启超 (1916–1992), Яо Хуа, Чэнь Шицзэн, Хэ Лянпу 贺良朴 (1861–1937), Линь Шу 林纾 (1852–1924), Сяо Цзюньсянь 萧俊贤 (1865–1948), Чэнь Баньдин 陈半丁 (1876–1970), Шэнь Иньмо 沈尹默 (1883–1971), Юй Маньто 郁曼陀 (1884–1939), Ван Мэнбай 王梦白 (1887–1938). В «Общество живописи Сюаньнань» также входили чиновники из судебной системы, которые увлекались живописью и каллиграфией, более 10 человек, в том числе Линь Чжицзюнь 林志均 (1878–1961), Лян Цзинбао 梁敬爆 (1873–1929), Ху Сянлинь 胡祥麟, Ян Цзиньсу 杨劲苏, Мэн Чуньсу

[10] URL: http://www.360doc.com/content/20/0522/14/36014971_913884277.shtml (дата обращения: 19.11.2020).

孟纯苏, Лю Суншэн 刘崧生, Ю Цзимэнь 余戟门 (1882–1949) и Пу Боин 蒲伯英 (1875–1934). На еженедельных встречах члены общества читали стихи, обсуждали искусство, писали картины, занимались каллиграфией, как правило, на таких собраниях присутствовали от 20 до 30 человек. В 1925 г. «Общество живописи Сюаньнань» провело юбилейное собрание, посвящённое 10-летию создания, в котором приняли участие более 20 человек. В 1927 г. Юй Шаосун уехал из Пекина и продолжил работу в Шанхае и Ханчжоу. «Общество живописи Сюаньнань» прекратило своё существование[11].

Под влиянием китайских политических и социальных потрясений нач. XX в. в Пекине возникают новые общества и ассоциации художников. Ректор Пекинского университета Цай Юаньпэй 22 февраля 1918 г. выступил с предложением развивать новое эстетическое образование, он же стал инициатором создания «Общества исследований живописи». Преподавать были приглашены художники Ли Иши, Цянь Даосунь и Фэн Ханьшу, экспертами стали Чэнь Шицзэн, Сюй Бэйхун, Хэ Лянпу, Тан Ди, Цзинь Чэн и Ху Пэйхэн. Главной идеей общества стало объединение традиций национальной и западной живописи. В издаваемом им «Журнале по обучению живописи» 绘学杂志 была опубликована статья Сюй Бэйхуна «О реформировании китайской традиционной живописи», которая вызвала острую полемику в достаточно спокойном художественном сообществе Пекина. Также в 1918 г. были созданы Пекинские курсы живописи и «Пекинское женское общество исследования живописи», главным вдохновителем которого была художница Ли Вэньхуа 李文华. В 1919 г. учащиеся средней школы Цинхуа сформировали художественный клуб, в состав которого входили Вэнь Идо, Ян Тинбао 杨廷宝 (1901–1982), Цзи Чаодин 冀朝鼎 (1903–1963), Гао Шици 高士其 (1905–1988) и Лян Сычэн 梁思成 (1901–1972). Однако стоит отметить, что по масштабу и влиянию на дальнейшее развитие изобразительного искусства в Пекине наиболее значимыми являются первые два объединения – «Общество живописи Сюаньнань» и «Общество исследований живописи Пекинского университета».

Заключение

В конце династии Цин и в первые годы существования Китайской Республики в китайском социуме произошла существенная переоценка духовных ценностей и эстетических ориентиров. Новое поколение художников под влиянием западного образования стало инициатором перемен в традиционной живописи. Мощное влияние Запада способствовало серьёзным изменениям в изобразительном искусстве Китая, начинается глубокое переосмысление собственной культуры, западные идеи и приёмы изобразительного искусства начинают органично вливаться в китайскую традиционную живопись, художники ищут новые формы и способы выражения. Пекин становится Меккой для китайского художественного сообщества и превращает его в новый центр культуры и искусства.

[11] URL: http://www.rongbaozhai.cn/index.php?m=shukan&c=index&a=show&shukanid=65&modelid=28&showid=474 (дата обращения: 28.11.2020).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. + доп. том. Т. 3: Литература. Язык и письменность; Т. 6: Искусство / гл. ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: Вост. лит., 2008, 2010.

История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 томах. Т. 6: Династия Цин (1644–1911) / гл. ред. С.Л. Тихвинский, отв. ред. О.Е. Непомнин; Ин-т востоковедения РАН. М.: Наука – Вост. лит., 2013.

История китайской цивилизации: в 4 томах. Т.4: Конец правления династии Мин и династия Цин (1525–1911) / гл. ред. Лоу Юйле, зам. гл. ред. Лю Юнцян, пер. с кит. под ред. И.Ф. Поповой. М.: ООО Международная издательская компания «Шанс», 2020.

REFERENCES

Dukhovnaya kul’tura Kitaya: entsiklopediya: v 5 tomakh + dop. tom. T. 3. Literatura. Yazyk i pismennost’. T. 6 Iskusstvo [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 6 volumes. Vol. 3: Literature. Language and script. Vol. 6: Art], Moscow: Eastern Literature, 2008, 2010. (In Russian).

Istoriya Kitaya s drevneyshikh vremen do nachala XXI veka: v 10 tomakh. T. VI: Dinastiya Tsin (1644–1911) [The history of China from ancient times to the beginning of the 21th century: in 10 volumes. Vol. VI: The Qing Dynasty (1644–1911)], Moscow: Eastern Literature, 2013. (In Russian).

Istoriya kitayskoy tsivilizatsii: v 4 tomakh. T.4: Konets pravleniya dinastii Min i dinastiya Tsin (1525–1911) [The history of Chinese civilization: in 4 volumes. Vol. 4: The end of the Ming and Qing dynasties (1525–1911)], Moscow: Chance, 2020. (In Russian).

* * *

Zhonguo shufa yishu. Zhonguo wenhua yu wenming [The art of Chinese calligraphy], Beijing, 2007. (In Chinese).

Zhonguo huihua san qian nian. Zhonguo wenhua yu wenming [Three thousand years of Chinese painting], Beijing, 1997. (In Chinese).

Поступила в редакцию 07.02.2021 Received 7 February 2021

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-51-62

Иероглифы для диалектов: от средневекового *байхуа* до интернета

О.И. Завьялова

Аннотация. Благодаря возможностям компьютерного набора в текстах китайских пользователей интернета даже в официальном *путунхуа* появились новые формы записи слов. Параллельно началась новая устная и письменная жизнь китайских диалектов – как на сайтах, созданных лингвистами, так и в компьютерно-опосредованной коммуникации. Для записи родных наречий жители разных регионов часто намеренно используют фонетически заимствованные иероглифы, изобретая своеобразные местные «иероглифические алфавиты». Некоторые из особо записанных слов становятся общекитайскими. Системный лингвогеографический и статистический анализ диалектных заимствований в общем интернет-языке пока не проводился, тем не менее распространение некоторых явлений на карте Китая уже сейчас можно достаточно точно определить. В истории китайского языка отдельные фонетически и семантически заимствованные знаки из древнекитайского языка и *вэньяня* уже использовались при записи текстов на средневековом северном *байхуа* и несколько позже – в текстах разговорного стиля на других диалектах.

***Ключевые слова*:** китайский язык, *байхуа*, *путунхуа*, китайские диалекты, диалектные иероглифы, диалектные тексты, интернет-язык, компьютерно-опосредованная коммуникация, «иероглифические алфавиты».

***Автор*:** Завьялова Ольга Исааковна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-3355-4598; E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

***Конфликт интересов*.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Завьялова О.И. Иероглифы для диалектов: от средневекового байхуа до интернета // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 51–62. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-51-62

Characters for dialects: from vernacular Baihua to the Internet

O.I. Zavyalova

***Abstract*.** Due to the possibilities of computer typesetting new forms of word representation with various scripts are known to appear even in Standard Mandarin texts written by Internet users. Meanwhile a new life of Chinese dialects has started on the web, due to the efforts of both linguists and internet users from various regions of the Chinese world. In particular, speakers of regional varieties often prefer to use phonetically borrowed characters even for the words from the all-China dialect lexicon and thus invent a

kind of local “character-based alphabets”. A systematic analysis from the point of view of language geography of the phonetically written dialect words, which have already penetrated into the all-China Internet language, has not been conducted so far. However, one can already identify the distribution on the map of some phonetic features reflected in the recent all-China dialect borrowings.

***Keywords*:** Chinese, Baihua, Standard Mandarin, Chinese dialects, dialect characters, internet-language, computer-mediated communication, “character alphabets”.

***Author*:** *Zavyalova Olga I.,* Doctor of Sciences (Philology), Chief Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-3355-4598; E-mail: olgazavyalova@yahoo.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Zavyalova O.I. (2021). Ieroglify dlya dialektov: ot srednevekovogo bajhua do interneta [Characters for dialects: from vernacular Baihua to the Internet], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1: 51–62. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-51-62

В эпоху интернета, с повышением уровня грамотности, возросшей мобильностью населения и его ростом в мегаполисах число тех, кто в той или иной степени овладел в современном Китае «общегосударственным» языком *путунхуа*, постоянно увеличивается. Параллельно, несмотря на официальную политику последних десятилетий, направленную на изучение и сохранение локальных культур и языковых разновидностей, сокращается число носителей китайских диалектов, прежде всего, в крупных городах. Эти же процессы идут за пределами континентального Китая, в том числе на Тайване и среди китайцев по всему миру, например, в китайской общине на Филиппинах[1]. Именно там на рубеже XVI и XVII вв., когда въезд для иностранцев в Китай был закрыт, испанские миссионеры начали изучать далеко отстоящие от пекинского южноминьские диалекты [Klöter, 2016].

Новая жизнь китайских диалектов, которые не без оснований называют отдельными синитическими языками, неожиданно началась в интернете. По инициативе лингвистов и образованных молодых китайцев, владеющих *путунхуа*, но при этом гордящихся своей родной речью, в сети появились разнообразные диалектные материалы. Пользователи интернета имеют доступ к диалектным словарям разного уровня и объёма, к сайтам для желающих изучать те или иные диалекты, смотрят видеоролики с диалектными записями.

Не только *путунхуа*, но также диалекты стали активно использоваться в письменном компьютерно-опосредованном общении в социальных сетях, блогах, чатах, почте и СМС. Диалектные составляющие, в частности, присутствовали в текстах жителей разных регионов, которые сочувствовали жителям Уханя во время вспышки там коронавирусной инфекции. Одни интересовались, как звучит именно по-уханьски главный лозунг тех дней: «Ухань, держись!». Другие публиковали подборки этой же фразы на разных диалектах. В сети был обнародован краткий разговорник, срочно составленный одним из направленных в Ухань врачей для коллег, которые приехали из других регионов и часто не могли общаться с уханьцами старшего возраста из-за возникшего языкового барьера.

[1] Ngo, Danica. Why Hokkien-speaking Chinoys should keep on using the language? URL: https://www.chinoy.tv/hokkien-dying-language/?fbclid=IwAR35Kr32TY9amcUtYYjNTc4lat_N6ozR6XBNr4T_kaEt8OPU76-gDNHIw_U (accessed: 10 February 2021).

Поиск иероглифов для северного *байхуа*

Региональные варианты иероглифической письменности в Китае имеют давнюю историю. Известно, что они существовали в период раздробленности при династии Восточная Чжоу (770–256 гг. до н.э.), но после объединения страны династией Цинь были выведены из употребления по императорскому указу от 213 г. до н.э. На смену региональным вариантам в качестве стандартного было введено циньское письмо *сяочжуань* («малая *чжуань*», «знаки малой печати»), которое до сих пор сохраняется в каллиграфии. Проблема иероглифической записи неофициальных региональных текстов стала заметной в средние века – в процессе становления северных диалектов, которые сейчас официально называют *гуаньхуа*, и параллельного формирования нового «понятного» письменного языка *байхуа*, основанного на разных северных вариантах.

Разговорные элементы появились в текстах некоторых жанров уже начиная с эпохи Тан (618–907). Письменные памятники, полностью написанные на *байхуа*, датируются периодами династий Сун (960–1279) и Юань (1271–1368) [Зограф, 1979; Гуревич, 2008; Кондратьева, 2011]. На протяжении многих веков *байхуа* существовал параллельно с «классическим» письменным *вэньянем*, восходящим к древнекитайскому языку, и, как известно, вытеснил последний из официального употребления только в результате серии реформ XX в. Именно к *байхуа* восходит в модернизированном варианте письменный вариант того современного официального китайского языка, который в конце династии Цин получил название «государственного», но после образования КНР был переименован в «общеупотребительный язык» *путунхуа*.

Для записи морфем, которые не употреблялись ранее в письменном языке, авторы текстов на разных вариантах северного *байхуа* не только создавали новые иероглифы и вводили их в рукописный и печатный оборот, но также использовали по-новому некоторые уже существующие знаки. Иероглифы из древнекитайского языка и *вэньяня* заимствовали для записи морфем с тем же значением, но другим произношением (смысловые заимствования), или, наоборот, с тем же произношением, но иным значением (фонетические заимствования), употребляли разнописи, которые называют также «простонародными иероглифами» 俗字 *súzì* [Зограф, 2008]. Во второй половине XX в. некоторые из «простонародных» знаков, употреблявшиеся в *байхуа*, были включены в официальные списки упрощённых иероглифов в процессе реформы и нормализации письменности в КНР.

В современном Китае «простонародным» знакам, которые употреблялись в среднекитайских текстах, но так и не стали нормативными, посвящены многочисленные исследования, в том числе словари [Huang Zheng, 2005; Zeng Liang, 2017]. Более того, на общедоступном сайте, созданном группой лингвистов и специалистов в области информационных технологий и в конце 2020 г. получившем новое общее название «Малое зеркало древнего произношения» (古音小鏡 *gǔyīn xiǎojìng*), эти и другие справочники размещены в исходном печатном виде, но с особыми электронными поисковыми системами[2].

[2] Jindai suzici chaxun [Search for popular form characters and words used in modern period]. URL: www.kaom.net/book_suzici.php (accessed: 26 January 2021).

Иероглифические тексты на южных диалектах

Термин *байхуа* в истории китайского языка употреблялся не только в отношении северной письменной традиции, но и для некоторых южных «разговорных» письменных вариантов, прежде всего, кантонского. Первые книги на кантонском диалекте были изданы в двух гуандунских центрах, городах Фошань и Гуанчжоу, уже в конце династии Мин (1368–1644). Многочисленные кантонские публикации, в том числе в СМИ, были характерны для периода после Синьхайской революции – во время движения за отказ от *вэньяня* и перехода на разговорный язык *байхуа* [Snow, 2004: 79–99, 102–124]. Неслучайно основатель партии Гоминьдан Сунь Ятсен, как утверждают пользователи интернета, некогда предлагал свой родной кантонский диалект в качестве основы того общекитайского официального языка, который сейчас называется *путунхуа*. Пекинский, по мнению Сунь Ятсена, якобы ассоциировался с маньчжурскими завоевателями и обнаруживал явное влияние монгольского, маньчжурского и других «варварских» языков[3].

Современные кантонские печатные тексты – как с элементами *вэньяня* и *путунхуа*, так и в чистом диалектном варианте – широко распространены в Гонконге и Макао. Новая жизнь этих текстов стала возможной, в частности, благодаря разработанным здесь кодировкам для ввода в компьютеры особых кантонских иероглифов, не употребляющихся в *путунхуа*. В кантонских телепередачах, разрешённых в Гуанчжоу после возвращения Китайской Народной Республике Гонконга и Макао, стали использовать диалектные субтитры. В гуанчжоуской популярной газете «Наньфан души бао» появилась специальная рубрика на кантонском. Кантонские слова и даже целые фразы можно обнаружить в газетных и журнальных публикациях, в целом написанных на *путунхуа* [Liang Sihua, 2015: 19–20]. При этом если в Гонконге и Макао диалектные иероглифы употребляются наряду с традиционными неупрощёнными, то в Гуанчжоу они соседствуют с введёнными в КНР упрощёнными знаками, в том числе в пособиях для желающих изучать кантонский диалект.

Общекитайские иероглифы в кантонских, как, впрочем, и в любых других диалектных текстах, могут использоваться по-разному. Чаще всего они записывают те же морфемы, что и в *путунхуа*, но иногда выступают – так же, как некогда в тестах на средневековом северном *байхуа* – в качестве фонетических или семантических заимствований. Наряду с общекитайскими иероглифами возможны также «простонародные» варианты. Кроме того, для некоторых местных морфем, происхождение которых не было установлено, в частности грамматических показателей, в кантонском были изобретены особые знаки, которые, по сути дела, и являются настоящими диалектными иероглифами. Носители кантонского диалекта считают местными также некоторые из тех общекитайских знаков, которые редко употребляются в *путунхуа*, но в кантонских текстах встречаются очень часто (особенно это касается фонетических заимствований) [Bauer, 1988].

Ещё до наступления компьютерной эпохи даже некоторые кантонские слова иногда записывали латинскими буквами. Английские заимствования могли присутствовать как в иероглифическом, так и в смешанном либо исходном латинском варианте [Bauer, 1988]. Сейчас для электронной переписки носителей кантонского диалекта, живущих

[3] Sun Zhongshan benlai xiang ba Yueyu zuo guanfang yuyan ma? [Did Sun Yat-sen really plan to make Cantonese the official language?]. URL: https://zhidao.baidu.com/question/299854499.html (accessed: 26 August 2020).

в континентальном Китае (исследование проводилось среди жителей Шэньчжэня), характерны тексты с элементами кантонского диалекта и *путунхуа*, для жителей Макао и, очевидно, Гонконга – сочетание кантонского диалекта и английских слов [Sandel T.L., Qiu Peimin, 2020].

Все прочие иероглифические диалектные традиции несопоставимы по своему распространению и употреблению с кантонской, хотя возникли достаточно рано. К XVI в. относятся первые тексты на диалектах Миньнань, издававшиеся в Фучжоу. Первый известный иероглифический текст на южноминьских диалектах появился в 1566 г. при династии Мин. Ставшие достаточно популярными среди самих китайцев алфавитные системы для этих диалектов разрабатывали западные миссионеры. К началу династии Цин (1644–1911) относятся литературные и оперные тексты на *вэньяне* с элементами диалектов У, изданные в Сучжоу, историческом и культурном центре района Цзяннань в нижнем течении Янцзы. Публикации на шанхайском диалекте, который распространён в том же регионе и сформировался во многом под влиянием сучжоуского диалекта, датируются сер. XIX – нач. XX вв. [Qian Nairong, 2003: 357–394; Dong Hongyuan, 2017].

Уже в наше время разделы Википедии, очевидно, инициированные китайцами, живущими за пределами континентальной части страны, были созданы в иероглифическом варианте не только для кантонского диалекта и диалектов группы У, но также для диалектов Гань и в инкубированном разделе для диалектов группы Сян. Википедия на восточноминьских и даже на официально поддерживаемых на Тайване южноминьских диалектах и диалектах группы *хакка* появилась только в латинизированной записи [Dong Hongyuan, 2017].

«Исходные иероглифы» в современных диалектных словарях

В КНР поиск «исходных» этимологически правильных иероглифов 本字 *běnzì* стал востребованным в последние десятилетия на волне исследований не только диалектной фонетики, которые были приоритетными в 1950-х–1960-х гг., но также диалектной лексики [Li Rong, 1997; Wang Futang, 2003]. Поиск иероглифов считается также одной из важных лингвистических задач на Тайване, где возрастает объём литературы на численно доминирующих и официально поощряемых здесь диалектах Миньнань и *хакка*. Аналогичная проблема возникла для некогда привнесённого на территорию Российской империи дунганского языка, который восходит к китайским диалектам подгруппы Чжунъюань внутри группы *гуаньхуа*, но пользуется разработанной в СССР кириллической письменностью. Ср., например, изданный в иероглифическом варианте сборник народных сказок и преданий, которые некогда были собраны акад. Б.Л. Рифтиным [Li Fuqing, 2011], или созданный в результате многолетних усилий дунганско-английский словарь финского филолога Олли Сальми [Salmi, 2018]. Примечательно, что этимологически правильные иероглифы предпочитали использовать известные китайские писатели периода «реформ и открытости», в чьих произведениях присутствовала диалектная речь, например, Цзя Пинва и Мо Янь [Jin Liu, 2011: 70].

Некоторые иероглифы, употребляющиеся в диалектах, можно обнаружить с соответствующими пометками даже в ориентированных на *путунхуа* словарях. Как было установлено А.В. Немтиновой, из 11 тыс. иероглифов, вошедших в неоднократно переиздаваемый в КНР нормативный «Словарь иероглифов Синьхуа» [Xinhua, 1998],

122 знака, т. е. около 1 %, были помечены как диалектные. Примерно такое же соотношение общекитайских и диалектных знаков в «Практическом словаре слов китайского языка» [Yingyong, 2000]. Большая часть диалектных иероглифов неожиданно отнесена здесь к ареалам групп *гуаньхуа* и У (50 % и 25 % соответственно), кантонские иероглифы составляют 10 %, остальные помечены как употребляющиеся в диалектах Минь или *хакка* [Немтинова, 2004]. Всего 1 % диалектная лексика составляет также в онлайн-варианте «Словаря интернет-языка Синьхуа» [Wang Lei, 2012], но общее число диалектных лексических единиц, записанных фонетически заимствованными знаками, здесь гораздо больше, и они имеют соответствующую пометку [Сбоев А.Н. Диалектизмы…].

Особое внимание поиску исходных иероглифов уделяется в КНР при составлении собственно диалектных словарей разного объёма и уровня, многие из которых доступны сейчас в интернете. Ср., например, снабжённый аудиозаписями «Малый иероглифический словарь произношения в диалектах группы У»[4] или «Малый словарь слов в диалектах группы У»[5] с данными по 17 пунктам. Авторы этих словарей, впрочем, предупреждают, что не во всех случаях смогли найти правильные исходные иероглифы для записи диалектных морфем. Ещё один пример – общедоступный онлайн-словарь с возможностью прослушать чтение иероглифов в *путунхуа* и в девяти диалектах, относящихся к разным группам. Произношение морфем представлено в записи Международным фонетическим алфавитом (МФА). Желающие могут найти для каждого иероглифа реконструкцию произношения соответствующей морфемы с учётом данных средневекового словаря рифм «Гуан юнь» («Расширенный “Це юнь”»), составленного по указу сунского императора Чжэньцзуна в 1008 г. Ввод иероглифов на сайте возможен также через кантонскую систему кодировок[6].

Среди наиболее значимых диалектных публикаций периода «реформ и открытости» – «Большой словарь диалектов современного китайского языка», в составлении которого приняли участие более шестидесяти лингвистов. В 1994–1999 гг. увидел свет 41 выпуск первого издания этого словаря, каждый из которых содержал описание диалекта одного населённого пункта. Второе шеститомное издание объединило ранее опубликованные материалы и подготовленные к этому времени данные ещё одного выпуска, посвящённого южноаньхойскому диалекту уезда Цзиси [Li Rong, Xiong Zhenhui, Zhang Zhenxing, 2002]. В каждом из шести томов – примерно 8 тыс. словарных статей. Иероглифы, записывающие односложные слова/корневые морфемы, как это принято во многих современных справочных изданиях, расположены по возрастанию числа образующих черт. За каждым иероглифом следуют двусложные/многосложные слова и словосочетания с той же первой морфемой и, соответственно, с тем же первым иероглифом на письме. Для записи диалектного произношения используется МФА. Второе издание словаря в исходном печатном виде, но с особой электронной поисковой системой, ориентированной на разные варианты иероглифической записи морфем, с учётом или без полного/сокращённого написания

[4] Wuyin xiaozidian [A concise character dictionary of pronunciation in the Wu dialects]. URL: wu-chinese.com/minidict/ (accessed: 10 January 2020).

[5] Wuyu xiaocidian [A concise dictionary of the lexicon in the Wu dialects]. URL: wu-chinese.com/minidict/ (accessed: 10 January 2020).

[6] Hanyu fangyan fayin zidian [Character dictionary of pronunciation in Chinese dialects]. URL: cn.voicedic.com (accessed: 22 February 2021).

иероглифов и разнописей, доступно сейчас на упомянутом выше сайте «Малое зеркало древнего произношения».

Среди региональных диалектных словарей следует в первую очередь назвать «Большой словарь шанхайского диалекта» [Qian Nairong, Xu Baohua, Tang Zhenzhu, 2007], включающий в себя 15 тыс. лексических единиц, распределённых по смысловым группам. Произношение представлено в записи МФА, к словарю приложен аудиодиск. Поиску правильных иероглифов составители словаря под руководством известного лингвиста, знатока шанхайского диалекта профессора Цянь Найжуна, уделили особое внимание. В трудных случаях этимология морфем по возможности устанавливалась с помощью таблиц рифм *юньту*, в которых иероглифы в зависимости от чтения группировались по особым фонетическим принципам, а также с использованием традиционных словарей рифм и словарей иероглифов. Все морфемы с очевидной этимологией записывались соответствующими общекитайскими «исходными» знаками. Особые иероглифы из шанхайских текстов прошлых лет, «простонародные» и заимствованные, маркировались специальными значками. В остальных случаях вместо иероглифов ставился традиционный значок-рамка. Для ввода иероглифов в компьютеры через латинизированное шанхайское чтение авторы словаря в 2008 г. разработали специальное программное обеспечение.

Китайские диалекты в компьютерно-опосредованной коммуникации

Общие особенности китайского интернет-языка, или языка компьютерно-опосредованной коммуникации, обусловлены как широкими возможностями набора разных письменных знаков, так и в определённой степени влиянием общедоступных англоязычных источников. В текстах на *путунхуа*, с одной стороны, появились новые английские слова и сокращения в исходном латинском варианте, с другой – необычные формы записи собственно китайских слов. Вместо иероглифов может использоваться официальная латинизированная система *пиньинь цзыму*. Китайские слова и словосочетания, так же, как в англоязычном интернете, иногда записываются арабскими цифрами или в виде латинских сокращений. Возможны смешанные варианты записи – с иероглифами, латинскими буквами и цифрами. Отдельные слова иногда случайно, а порой намеренно, при наборе через латинское чтение записывают иероглифами для других слов с таким же или близким произношением. В некоторых случаях нестандартно записанные слова становятся общекитайскими (ср. отечественные работы, посвящённые китайскому интернет-языку, прежде всего, диссертацию А.Н. Сбоева [Синишина, 2014; Кислов, Колпачкова, 2017; Сбоев А.Н. Диалектизмы…; Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты…]).

Произвольно выбранные фонетически заимствованные иероглифы, которые отражают местное произношение, грамотные молодые люди, гордящиеся родной речью, предпочитают использовать также в собственно диалектных текстах, в том числе, для обычных общекитайских морфем. Так, носители шанхайского диалекта морфему 人 *rén* «человек» в слове 上海人 *shànghǎirén* «шанхаец» (шанхайское произношение – [zãhenin]) записывают иероглифом 宁 *níng* «мирный» или другими иероглифами с таким же пекинским чтением. Стихийно «протранскрибированные» иероглифами тексты – так же, как любые диалектные тексты, записанные латиницей, – понятны прежде всего или только владеющим тем или

иным диалектом и воспринимаются как написанные на своеобразном местном секретном языке [Jin Liu, 2011: 70].

Заметим при этом, что официальные системные слоговые алфавиты на основе иероглифической письменности – это не новое явление в Восточной Азии. Первый создан в двух графических вариантах и до сих пор употребляется наряду с иероглифами в японском языке (*кана*). Второй, алфавит *чжуинь цзыму*, был разработан в Китайской республике и сохраняется на Тайване в качестве вспомогательного письма для записи чтения иероглифов. В связи с новшествами в языке интернета в качестве примера слогового алфавита на основе иероглифов вспоминают также особое «женское письмо», которое в XIII в. было изобретено жительницами уезда Цзянъюн пров. Хунань [Li Wei, Zhu Hua, 2019].

Фонетически записанные иероглифами слова и фразы из диалектных текстов в языке пользователей интернета иногда становятся общекитайскими. Системные статистические и лингвогеографические исследования таких общекитайских заимствований пока не проводились. Примеры обычно приводятся с локальным или не совсем точным обозначением тех или иных явлений на карте – без учёта данных в соответствующих публикациях последних десятилетий (ср., карты, каждая из которых включает в себя данные по 930 пунктам, в фундаментальном трёхтомном «Атласе китайских диалектов» [Cao Zhiyun, 2008] или диалектные карты на упомянутом выше сайте «Малое зеркало древнего произношения»). Тем не менее географическое распространение многих диалектных фонетических явлений, которые отражены в записи ставших общекитайскими слов, уже сейчас можно обозначить достаточно точно. Приведём некоторые примеры.

Переход hu- → f- (например, при записи 喜欢 *xǐhuan* «нравиться» как 稀饭 *xīfàn* «рисовый отвар») уроженец пров. Сычуань, проф. Пэн Цзиньсян ассоциирует с местными юго-западными диалектами *гуаньхуа* родной провинции и соседнего города центрального подчинения Чунцин, одно время входившего в её состав [Peng Jinxiang, 2012]. Между тем это явление не только встречается в других диалектах юго-западной и реже иных подгрупп *гуаньхуа*, но также распространено в ареале южных диалектов. По данным карт, опубликованных на сайте «Малое зеркало древнего произношения» (раздел «Лингвистическая география»), переходом hu- → f- в общей сложности охвачена примерно треть пунктов на территории Китая.

В общекитайском интернете часто встречается запись глагольной связки 是 *shì* иероглифом 四 *sì* «четыре» (соответственно, [ʂɿ] и [sɿ] в системе МФА). Это связано не только с тем, что во многих диалектах как на севере, так и на юге Китая шипящие ретрофлексные начальнослоговые согласные полностью отсутствуют [Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты…: 115]. В некоторых случаях такое произношение объясняется отличным от пекинского распределением шипящих и свистящих по морфемам. В ареале *гуаньхуа* меньше всего морфем с шипящими – там, где они всё же противопоставлены свистящим, – характерно для значительной части диалектов на западе и частично на востоке территории к северу от хребта Циньлин и реки Хуайхэ; ср. в Сиане или в Баоцзи (пров. Шэньси) 是 [sɿ], но 食 [ʂɿ] «пища, еда». Такое же произношение этих двух морфем – в ганьсуйском и шэньсийском диалектах дунганского языка, некогда привнесённых на территорию Российской империи. В диалектах *гуаньхуа* бассейна Янцзы шипящие, как правило, действительно отсутствуют. В остальных случаях, например, в таких крупных

городах, как Нанкин, Куньмин, Гуйлинь, морфем с шипящими меньше, чем в пекинском и *путунхуа*, но больше, чем в диалектах сианьского типа. В результате связка произносится здесь так же, как в Пекине (ср. карту [Завьялова, 1996: 104–109]). В целом начальный [s] для морфемы 是 *shì* зафиксирован почти в половине пунктов на территории Китая (48,29 %), начальный [ʂ] – только в 16,18 % пунктов (возможны также другие варианты начальнослогового согласного). Ср. данные на картах сайта «Малое зеркало древнего произношения».

Противопоставление финалей, соответствующих пекинским *-en* и *-eng*, отсутствует не только в большей части диалектов группы У или в диалектах *гуаньхуа* на территории пров. Цзянсу и Аньхой [Сбоев А.Н. Диалектизмы…: 115]. Финали *-en* и *-eng*, *-in* и *-ing* не различаются в пределах всего южного ареала *гуаньхуа*, включая юго-западную подгруппу, например, в диалекте Чэнду. Во многих шэньсийско-шаньсийских диалектах группы Цзинь, а также в диалектах *гуаньхуа*, охватывающих пров. Ганьсу, Нинся-Хуэйский АР и запад долины Гуаньчжун в пров. Шэньси, в серии «ə» вообще возможны только четыре носовые финали вместо восьми пекинских (ср., например, системы диалектов Тайюаня и Ланьчжоу, относящихся к группам Цзинь и *гуаньхуа* соответственно, или те же дунганские диалекты [Завьялова, 1996: 117–119]).

Слово 人 *rén* «человек» пользователи интернета иногда специально записывают иероглифом для 银 *yín* «серебро» ([zᶎən] и [in] в системе МФА соответственно) [Сбоев А.Н. Диалектизмы…: 115]. Такая запись, очевидно, стала возможной не только потому, что слово «человек» – так же, как «серебро», – произносится с нулевым начальнослоговым согласным в близких пекинскому диалектах северо-восточных провинций. С нулевой инициалью это слово встречается также в Шаньдуне (дунбэйские диалекты в значительной степени восходят к шаньдунским), в отдельных хэбэйских, шаньсийских диалектах и главное – во многих пунктах в ареале диалектов южных групп. В общей сложности с начальнослоговым [zᶎ] слово «человек» произносится в 23,95 % обследованных пунктов, на нулевую инициаль приходится 14,52 %. В остальных случаях возможны другие варианты, в том числе свистящий [z] или близкое среднекитайскому произношение с [n]/[nᶮ] во многих южных диалектах (данные сайта «Малое зеркало древнего произношения»).

Заключение

В конце XX в. сложная иероглифическая письменность в её нескольких вариантах вопреки ожиданиям легко вошла в мир информационных технологий. В континентальном Китае, с одной стороны, это способствовало повышению уровня иероглифической грамотности населения и распространению единого официального языка *путунхуа*, в том числе в крупных мегаполисах, которые находятся в ареале распространения южных диалектных групп. С другой, благодаря возможностям компьютерного набора в языке пользователей интернета даже в «общегосударственном» *путунхуа* появились разнообразные нестандартные формы записи слов, в том числе латиницей и произвольно выбранными иероглифами. Параллельно в компьютерно-опосредованной коммуникации неожиданно нашло отражение сохраняющееся языковое разнообразие китайского мира. Образованные выходцы из разных регионов предпочитают письменно общаться на родных диалектах и при этом намеренно широко используют для записи не только особых локальных,

но также общекитайских морфем фонетически заимствованные иероглифы, отражающие местное произношение. Тем самым они, по сути дела, создают новые неофициальные алфавиты на графической основе иероглифов, аналогичные особому «женскому письму», некогда употреблявшемуся жительницами пров. Хунань. Некоторые из записанных таким образом общекитайских слов, которые, по-видимому, большей своей частью фиксируют сравнительно широко распространённые на карте Китая фонетические диалектные явления, становятся общеупотребительными в сети.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гуревич И.С. Историческая грамматика китайского языка: язык прозы на *байхуа* периода Сун–Юань (*пинхуа*). СПб.: Петербургское востоковедение, 2008.

Завьялова О.И. Диалекты китайского языка. М.: Научная книга, 1996.

Зограф И.Т. Среднекитайский язык (становление и тенденции развития). М.: Наука, 1979.

Зограф И.Т. Байхуа // Духовная культура Китая. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008. С. 686–688.

Кислов А.В., Колпачкова Е.Н. Влияние интернета на современный китайский язык // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. № 1. С. 72–86.

Кондратьева Е.Б. Грамматические особенности китайского языка эпохи Тан // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 2 (68). С. 76–82.

Немтинова А.В. Нестандартные формы иероглифической письменности: диалектные знаки // Китайское языкознание. Изолирующие языки: XII Международная конференция. Материалы (Москва, 22–23 июня 2004 г.). М.: Институт языкознания РАН, 2004. С. 230–232.

Сбоев А.Н. Диалектизмы в китаеязычной интернет-коммуникации // Известия Восточного института. 2018. № 4. С. 113–118.

Сбоев А.Н. Структурно-семантический и лингвокультурный аспекты интернет-лексики современного китайского языка. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М.: МГУ им. Ломоносова. Институт стран Азии и Африки, 2018.

Синишина О.О. Интернет-лексика в современном китайском языке // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2014. № 3. С. 57–63.

REFERENCES

Gurevich I.S. (2008). Istoricheskaya grammatika kitayskogo yazyka: yazyk prozy na baikhua perioda Sun-Yuan (*pinkhua*) [History of Chinese grammar: the language of the Baihua prose of the Song and Yuan periods (*pinghua*)], Saint-Petersburg: Peterbugskoe vostokovedenie. (In Russian).

Kislov A.V., Kolpachkova E.N. (2017). Vliyaniye interneta na sovremenniy kitayskiy yazyk [Internet impact on modern Chinese], *Kompyuternaya lingvistika i vychislitelnye ontologii*, 1: 72–86. (In Russian).

Kondratyeva E.B. (2011). Grammaticheskiye osobennosti kitayskogo yazyka epokhi Tan [Grammar of the Tang period Chinese], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov*, 2 (68): 76–82. (In Russian).

Nemtinova A.V. (2004). Nestandartniye formy ieroglificheskoy pismennosti: dialektniye znaki [Nonstandard forms of the Chinese script: dialect characters]. Kitayskoe yazykoznaniye.

Izoliruyushchiye yazyki. XII Mezhdunarodnaya konferentsiya [Chinese linguistics. Isolating languages. 12th International conference], Moscow: Institute of Linguistics, RAS, 230–232. (In Russian).

Sboev A.N. (2018). Strukturno-semanticheskiy i lingvokulturniy aspekty interenet-leksiki sovremennogo kitayskogo yazyka (Avtoreferat dissertatsii… kandidata filologicheskikh nauk) [Modern Chinese internet lexicon: structural, semantic, linguistic, and cultural analysis (Thesis of candidate dissertation)], Moscow: Moscow State University, Institute of Asian and African Countries. (In Russian).

Sboev A.N. (2018). Dialektizmy v kitayskoy internet-kommunikatsii [Dialect elements in the Chinese computer communication], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 4: 113–118. DOI: 10.24866/2542-1611/2018-4/113-118 (In Russian).

Sinishina O.O. (2014). Internet-leksika v sovremennom kitayskom yazyke [Internet lexicon in Modern Chinese], *Vestnik Moskovskogo universiteta,* series 13. *Vostokovedeniye*, 3: 57–63. (In Russian).

Zavyalova O.I. (1996). Dialekty kitayskogo yazyka [Chinese dialects], Moscow: Nauchnaya kniga.

Zograf I.T. (1979). Srednekitayskiy yazyk (stanovleniye i tendentsii razvitiya) [Middle Chinese, its formation and development trends]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.

Zograf I.T. (2008). Baikhua [Baihua]. Dukhovnaya kultura Kitaya [Spiritual culture of China]. Vol. 3. Literatura. Yazyk i pismennost [Literature. Language and script], Moscow: Vostochnaya literatura: 686–688.

* * *

Bauer, R.S. (1988). Written Cantonese of Hong Kong. *Cahier de Linguistique – Asie Orientale*, 17 (2): 245–293. DOI: https://doi.org/10.3406/clao.1988.1272

Cao Zhiyun (Ed.) (2008). Hanyu fangyan dituji [Linguistic atlas of Chinese dialects], vols. 1–3, Beijing: *Shangwu yinshuguan*. (In Chinese).

Dong Hongyuan (2017). Language policy, dialect writing and linguistic diversity. Proceedings of the 29th North American Conference on Chinese linguistics, 2. Memphis: University of Memphis, 463–480.

Huang Zheng (2005). Dunhuang suzidian [A dictionary of popular form characters in the Dunhuang sources], Shanghai: Shanghai jiaoyu chubanshe. (In Chinese).

Jin Liu (2011). Deviant writing and youth identity. Representation of dialects with Chinese characters on the internet. *Chinese Language and Discourse*, 2 (1): 58–79. DOI: 10.1075/cld.2.1.03liu

Klöter, H. (2016). Missionary linguistics. *Encyclopedia of Chinese Language and Linguistics*, vol. 3. Leiden, Boston: Brill: 41–46.

Li Fuqing (Riftin B.L.) (Comp.) (2011). Donggan minjian gushi chuanshuo ji [A collection of Dungan folk tales and legends], Shanghai: Shanghai wenyi chubanshe. (In Chinese).

Li Rong (1997). Kao benzi ganku [Weal and woe within the process of identification of original characters], *Fangyan*, 1: 1–13. (In Chinese). DOI: CNKI:SUN:FYZA.0.1997-01-000

Li Rong, Xiong Zhenhui, Zhang Zhenxing (Comp.) (2002). Xiandai Hanyu fangyan dacidian [Great dictionary of modern Chinese dialects], vols. 1–6 (2nd ed.), Nanjing: *Jiangsu jiaoyu chubanshe*. (In Chinese).

Li Wei, Zhu Hua (2019). Tranßcripting: playful subversion with Chinese characters. *International Journal of Multilingualism*, 16 (2): 145–161. DOI: 10.1080/14790718.2019.1575834

Liang Sihua (2015). Language Attitudes and Identities in Multilingual China. A Linguistic Ethnography. London: Springer. DOI: 10.1007/978-3-319-12619-7

Peng Jinxiang (2012). Wangluo yuyan zhong de fangyan yinsu [Dialect elements in the internet language], *Yuwen Jianshe*, 9. (In Chinese).

Qian Nairong (2003). Shanghai yuyan fazhanshi [The history of language development in Shanghai], Shanghai: Shanghai renmin chubanshe. (In Chinese).

Qian Nairong, Xu Baohua, Tang Zhenzhu (Comp). (2007). Shanghaihua dacidian [Great dictionary of the Shanghai dialect], Shanghai cishu chubanshe. (In Chinese).

Salmi O. (Comp.). (2018). Dungan-English Dictionary. Manchester: Eastbridge Books.

Sandel T.L., Qiu Peimin (2020). Code switching and language games in contemporary China; or Convergence and identity construction on WeChat. Communication Convergence in Contemporary China: International Perspectives on Politics, Platforms, and Participation. East Lansing: Michigan State University Press: 175–205.

Snow D. (2004). Cantonese as Written Language: The Growth of a Written Chinese Vernacular. Hong Kong: Hong Kong University Press.

Wang Futang (2003). Fangyan benzi kaozheng shuolüe [On the problem of defining original dialect characters], *Fangyan*, 4: 289–298. DOI:10.3969/j.issn (In Chinese).

Wang Lei (Comp.). (2012). Xinhua wangluo yuyan cidian [Xinhua dictionary of the internet language], Beijing: Shangwu yinshuguan. (In Chinese).

Xinhua zidian [Xinhua character dictionary], Beijing: Shangwu yinshuguan, 1998. (In Chinese).

Yingyong hanyu cidian [Practical Chinese dictionary], Beijing: Shangwu yinshuguan, 2000. (In Chinese).

Zeng Liang, Min Chen (Comp.). (2017). Ming-Qing xiaoshuo suzidian [Dictionary of popular form characters in the Ming and Qing period fiction], Yangzhou: Guangling shushe. (In Chinese).

Поступила в редакцию 27.02.2021 Received 27 February 2021

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-63-77

Изменение роли мегарегионов в условиях трансформации китайской региональной политики (1999–2020 годы)

М.В. Александрова, В.С. Коханова

Аннотация. На основе китайских первоисточников – текстов докладов председателей КНР на съездах КПК, пятилетних планов, а также подзаконных актов, имеющих отношение к заявленной теме, авторы рассматривают, как менялось место мегарегионов в экономической политике государства.

В статье освещены не только позитивные сдвиги в данном направлении, но и проблемные аспекты. Так, например, крупномасштабная региональная политика не учитывает различий внутри каждой территории, в то время как дифференциация мегарегионов продолжает усиливаться.

***Ключевые слова*:** возрождение старой промышленной базы, «поддерживающие пояса», экономический пояс р. Янцзы, новая система региональной координации и развития, архитектоника, ресурсные города, госпредприятия.

***Авторы*:** *Александрова Мария Викторовна*, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru; *Коханова Виталия Станиславовна*, магистр Института Азии и Африки МГУ им. Ломоносова (адрес: 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11). E-mail: vitalia.fish@mail.ru

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Александрова М.В., Коханова В.С. Изменение роли мегарегионов в условиях трансформации китайской региональной политики (1999–2020 годы) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 63–77. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-63-77

Changing of the megaregions' role during the Chinese regional policy transformation (1999–2020)

M.V. Alexandrova, V.S. Kokhanova

Abstract. Basing on the Chinese primary sources, the Chinese presidents' reports at the CPC congresses, five-year plans and some bylaws related to the stated topic the Authors consider the shift of the megaregions place in the economic state policy.

The article highlights not only positive developments in this direction but problematic aspects as well. For example a large-scale regional policy ignores the differences within each territory, so the differentiation of megaregions increases.

***Keywords*:** revitalizing the old industrial base, "support belts", Yangtze River Economic Belt, New Coordinated Regional Development Mechanisms, resource-based cities, state-owned enterprises.

***Authors*:** *Alexandrova Maria V.*, PhD (Economics), Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: alexandrova@ifes-ras.ru; *Kokhanova Vitaliya S.*, Master of Arts, Institute of Asian and African Studie,s Moscow State University (address: 11, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation).E-mail: vitalia.fish@mail.ru

Conflict of interests. The authors declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Alexandrova M.V., Kokhanova V.S. (2021). Izmenenie roli megaregionov v usloviyah transformacii kitajskoj regional'noj politiki (1999–2020 gody) [Changing of the megaregions' role during the Chinese regional policy transformation (1999–2020)], Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics], 2021, 1: 63–77. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-63-77

Региональная экономическая политика КНР отличается от общенациональной пространственным охватом и представляет собой сложный синтезированный процесс. Логика еѐ развития заключается в том, что китайское правительство на основе анализа динамических изменений во внутренней и международной экономической ситуации выбирает соответствующие национальные стратегии для руководства экономическим и социальным строительством того или иного мегарегиона.

К концу 90-х гг. XX в. региональный разрыв, вызванный несбалансированным развитием мегарегионов, уже невозможно было не замечать. Постепенно территориальная дифференциация становится одним из главных препятствий на пути устойчивого экономического развития страны [Zhu Ling, He Wei].

Таблица 1. Доля мегарегионов в ВВП КНР

Регион	**1952 г.**	**1978 г.**	**2010 г.**	**2019 г.**
Восточный	41,8	43,5	53,1	51,9
Центральный	23,7	21,6	19,7	22,2
Западный	20,7	20,9	18,6	20,8
Северо-Восточный	13,8	14,0	8,6	5,1

Источник: URL: https://www.yicai.com/news/100231938.html (дата обращения: 12.03.2021).

В сентябре 1999 г. на Четвѐртом пленуме ЦК КПК 15-го созыва была официально выдвинута *Программа развития западных районов* 西部大开发战略, а в октябре 2000 г. Госсовет КНР принял «Уведомление Госсовета КНР о реализации мер по развитию западных районов» [КНР: экономика регионов]. Эти документы стали базисом для целого пакета государственных программ и стратегий, регулирующих развитие четырѐх мегарегионов.

Уточним значение понятия «мегарегион». В китайских официальных документах и научных источниках традиционно используется формулировка 四大板, что дословно можно перевести как «четыре плиты». Мы полагаем, что для экономических единиц подобного территориального охвата целесообразно использовать термин «мегарегион», который в парадигме российской и советской экономгеографии наиболее близок к понятию «экономический район». Для исследования была выбрана следующая база первоисточников: доклады председателей КНР на съездах КПК, тексты пятилетних планов, доклады о

выполнении планов экономического и социального развития КНР, а также ряд подзаконных актов, имеющих отношение к рассматриваемой теме.

Таблица 2. Основные этапы китайской региональной политики и еѐ наполнение

Этап политики неравномерного развития экономики регионов (1978–1999 гг.)	**Этап политики координированного развития экономики регионов (2000–2011 гг.)**	**Этап политики качественного развития экономики регионов (2012–2019 гг.)**
• Политика реформ и открытости • Бюджетно-налоговая децентрализация • Политика опережающего развития приморских восточных регионов • Особые экономические зоны	• Программа возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая • Программа подъѐма центральных регионов Китая • Программа опережающего развития восточных регионов Китая • Программа освоения западных регионов Китая	• Инициатива «Один пояс, один путь» • Скоординированное развитие региона «Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй» • Стратегия развития экономического пояса р. Янцзы • Стратегия развития региона «Большого залива» (Гуандун – Гонконг – Макао) • Стратегия развития и интеграция района дельты р. Янцзы • Стратегия экологической защиты и качественного развития зоны бассейна р. Хуанхэ • Стратегия развития основных функциональных регионов • Стратегия возрождения деревни

Источник: [Liu Binglian, Zhu Junfeng, Zhou Yulong].

Впервые о четырѐх мегарегионах было заявлено в докладе Цзян Цзэминя на XVI съезде КПК (2002 г.). Из текста следует, что руководство КНР в 10-й пятилетке (2001–2005 гг.) планировало сконцентрировать внимание на развитии западных регионов страны, которым в докладе отводилось главное место[1].

Программа развития западных регионов включала в себя следующие направления:

- инфраструктурное и экологическое строительство;
- усиление специфических лидирующих производств и освоение приоритетных зон;
- развитие науки, техники и образования, подготовка специалистов разных профилей;
- инвестирование и создание иных финансовых механизмов при поддержке государства;
- улучшение инвестиционной среды для привлечения зарубежного капитала.

[1] Доклад Цзян Цзэминя на 16-м Всекитайском съезде КПК. URL: http://russian.peopledaily.com.cn/31857/66995/66996/4521742.html (дата обращения: 23.12.2020).

Второе по значимости место в докладе было отдано *центральному Китаю*, где планировалось осуществить следующие мероприятия:

- провести структурное урегулирование экономики;
- перевести аграрный сектор на промышленные начала;
- стимулировать «новые точки роста» региональной экономики;
- ускорять процесс индустриализации и урбанизации.

Если сравнивать мероприятия, которые должны были проводиться в западном и центральном Китае, то для второго характерна недостаточно глубокая проработка темы.

По поводу восточных регионов также были высказаны некоторые соображения, которые были логическим продолжением региональной политики 1980–1990-х гг., а именно:

- ускорить модернизацию структуры производства;
- развивать современное сельское хозяйство;
- расширить производство с применением новых высоких технологий и развѐртывать перерабатывающие отрасли промышленности с высокой добавленной стоимостью;
- обеспечить дальнейшее развитие экономики, ориентированной на внешний рынок;
- поощрять СЭЗ и район Пудун, которые должны находиться в «авангарде» системных инноваций.

Крайне важно, что в рассматриваемом докладе Цзян Цзэминя впервые за 20 лет реформ был выделен *Северо-Восточный Китай* (далее – Дунбэй). В речи отмечалось, что государство должно помогать северо-восточному региону и другим старым промышленным базам ускорить их урегулирование и реформирование; поддерживать развитие непрерывного производства, прежде всего в ресурсодобывающих моногородах и районах; способствовать ускоренному развитию старых революционных баз и районов проживания нацменьшинств; увеличить государственную поддержку главным житницам страны[2].

Завершая раздел о региональном развитии, Председатель КНР отметил необходимость «усиливать экономический обмен и сотрудничество между восточными, центральными и западными регионами, обеспечивать при этом взаимодополнение имеющимися преимуществами и совместное развитие, создавать экономические зоны и пояса с собственной спецификой»[3].

В связи с этим следует упомянуть о появившихся в 9-й пятилетке (1996–2000 гг.) семи функциональных районах и трѐх экономических кольцах (дельты рек Янцзы и Чжуцзян и экономического кольца районов, прилегающих к Бохайскому заливу, и др.). Данные территориальные образования, необходимые для укрепления связей между мегарегионами, должны были стать дополнительными механизмами поддержки глубинных отстающих провинций со стороны развитых районов приморья, но более детально этот вопрос был проработан лишь на XIX съезде КПК.

В период 10-го пятилетнего плана (2001–2005 гг.) были приняты две важные региональные программы: *Стратегия возрождения старой промышленной базы Северо-Востока Китая* 东北等老工业基地振兴战略 в 2003 г. и *Политика подъѐма центральных районов* 中部崛起战略 в 2004 г. Этот факт позволил сократить содержательную часть регионального раздела доклада Председателя КНР на XVII съезде КПК. Важно проследить,

[2] Там же.
[3] Там же.

как изменились акценты в его выступлении. Так, если на XVI съезде для каждого региона были детально прописаны направления развития, то в речи на XVII съезде всѐ свелось к одному скромному предложению о четырѐх мегарегионах страны: «требуется продолжать реализацию общей стратегии регионального развития, углублять масштабное освоение западных регионов страны, всесторонне возрождать северо-восточную и другие старые промышленные базы, всемерно способствовать подъѐму центральных регионов, активно поддерживать опережающее развитие восточных регионов»[4].

Необходимо остановиться на последовательности перечисления регионов в тексте, а именно закономерном перемещении Северо-Востока на второе место. В 10-ю пятилетку правительство КНР приняло ряд важных документов по проведению политики возрождения Дунбэя, при Госсовете КНР была создана Канцелярия руководящей группы по регулированию и возрождению старых промышленных баз на Северо-Востоке КНР [Александрова М.В. Политика возрождения…]. Из текста доклада следует, что государство планировало «наращивать интенсивность поддержки развития бывших революционных опорных баз, национальных, окраинных и бедных районов, оказывать помощь районам с иссякшими ресурсами в проведении экономических преобразований». Это может быть отнесено как к Дунбэю, так и центральному и западному Китаю. Следовательно, за исключением восточной территории три мегарегиона страны зависели от государственной поддержки и помощи[5].

Исследуя тексты докладов председателей КНР, можно проследить некую закономерность расстановки мегарегионов. По всей видимости, их ранжируют по степени трудноразрешимости имеющихся проблем: на первое место ставят самый «тяжѐлый», на четвѐртое – наиболее благополучный, с наименьшим числом неоднозначных экономических и прочих трудностей.

На XVII съезде вновь были упомянуты экономические кольца и пояса: «следуя законам рыночной экономики, необходимо “прорывать” границы административно-территориального деления и формировать экономические кольца и пояса, обладающие огромной стимулирующей силой и тесными связями»[6].

Начиная с 2010-х гг. региональное экономическое районирование КНР становится всѐ более «многослойным», а региональная политика усложняется. Если ранее базовые пятилетние программы создавались лишь для мегарегионов, то с 11-й пятилетки всѐ бо́льшую значимость начали получать планы региональных образований типа поясов, колец и др.

Мировой кризис 2008 г. несколько дестабилизировал экономическую ситуацию ранее «успешного» восточного региона КНР, что, по всей видимости, ускорило появление *Стратегии опережающего развития восточных районов* 东部率先发展战略. В результате за период 1999–2008 гг. для четырѐх мегарегионов КНР были приняты программы или стратегии развития на ближайшие десятилетия. Региональные стратегические цели Китая сместились от приоритета экономической эффективности к координированному развитию регионов КНР [An Shuwei].

[4] Доклад Ху Цзиньтао на 17-м съезде КПК (полный текст). URL : http://russian.people.com.cn/31521/6290221.html (дата обращения: 24.12.2020).

[5] Там же.

[6] Там же.

В период между XVI и XVIII съездами (2002–2012 гг.) была проведена главная работа по выявлению «узких мест» и проработке основных направлений региональной экономической политики страны. Это было необходимо, поскольку в 2004 г. региональный разрыв достиг «точки кипения»: соотношение ВВП на душу населения между восточным, северо-восточным, центральным и западным участками страны – составляло 1 : 0,70 : 0,44 : 0,37. В результате целенаправленной политики и адресной помощи от государства в период 11-й пятилетки удалось снизить данное напряжение, и к концу 2012 г. пропорция была представлена цифрами: 1 : 0,80 : 0,56 : 0,54[7].

К XVIII съезду КПК была чѐтко прописана стратегическая формула регионального экономического развития КНР – «развитие Запада, возрождение Северо-Востока, подъѐм Центра, опережающий Восток» 西部大开发、东北振兴、中部崛起、东部率先. От съезда к съезду детализация экономической политики в отношении мегарегионов в тексте доклада Председателя КНР всѐ более сокращалась. Если текст доклада Цзян Цзэминя на XVI съезде содержал 522 иероглифа, то на XVIII съезде Ху Цзиньтао «уложился» в 112 иероглифов.

Итак, выступление Председателя КНР подразумевало, что в ходе 12-й пятилетки (2011–2015 гг.) продолжится развитие политики экономического районирования, разработанной для четырѐх макрорегионов, а также продвижение большей помощи бедствующим территориям, районам проживания национальных меньшинств, приграничным зонам, старым революционным базам. В то же время требовалось единое регулирование рационального использования территорий, дифференцированное управление регионами, а также создание эффективных координационных механизмов [Wang Yeqiang, Wei Huokai].

Обновлѐнная стратегия экономического развития регионов 12-го пятилетнего плана принесла определѐнные результаты:

1) наблюдался высокий темп прироста ВРП центрального и западного мегарегионов, рост инвестиций в недвижимость, темп роста этих показателей в среднем был выше, чем на востоке страны – в 2011–2013 гг. среднегодовой рост инвестиций в недвижимость в западных регионах составил 20,86 %, в центральных – 18,91 %, в то время как в восточных – 15,63 %;

2) увеличилась финансовая поддержка старых революционных баз, районов проживания национальных меньшинств, приграничных и бедных районов – в 2011 г. общая сумма инвестиций в эти участки страны составила 37 млрд юаней, в 2012 г.– 55,9 млрд, в 2013 г.– 62,3 млрд, в 2014 г.– 69,7 млрд соответственно, среднегодовой темп прироста за этот период составил 17,2 % [Wang Yeqiang, Wei Huokai].

Несмотря на позитивные сдвиги, сохранялись трудноразрешимые вопросы:

- абсолютная разница в развитии регионов по-прежнему росла;
- межрегиональная интеграция не была активной и эффективной;
- не удалось обеспечить уровень средней зажиточности в местах проживания национальных меньшинств и в бедных районах;
- суммы региональных компенсаций уменьшились, замедлилось создание основных функциональных регионов;
- различия в развитии отдельных территорий внутри мегарегионов усилились, особенно в приграничных районах, которые долгое время оставались без должного внимания со стороны властей.

[7] URL: http://www.tuanjiewang.cn/2020-04/17/content_8872093.htm (дата обращения: 11.01.2021). (In Chinese).

В преддверии XIX съезда КПК (2017 г.) и принятия 13-го пятилетнего плана (2016–2020 гг.) акценты сместились ещё больше: если ранее мегарегионы были основными стратегическими единицами в региональном экономическом развитии КНР, то в ходе 13-й пятилетки на первый план вышла реализация «трёх стратегий» или «поддерживающих поясов»: инициативы «Один пояс, один путь», программы совместного развития региона Пекина – Тяньцзиня – Хэбэя, развития Экономического пояса р. Янцзы.

13-й пятилетний план социально-экономического развития КНР отличается глубокой и детальной проработкой регионального раздела. На первое место поставлены не четыре мегарегиона, а три «поддерживающих пояса». Первым посвящена гл. 37 «Углубление реализации общей стратегии регионального развития», в начале которой отмечается, что «следует совершенствовать механизмы регионального развития, способствовать гармоничному и скоординированному взаимодействию регионов и сокращению диспропорций между ними»[8]. В гл. 40 «Поддержка развития районов особого типа» довольно расплывчато сказано о направлениях развития мегарегионов. Можно предположить, что столь витиеватая схема описания региональной экономической политики связана непосредственно с движением денежных средств под ту или иною целевую программу. Таким образом, регион, не получивший от государства финансы по прямому назначению, может «попытать счастье» как район «особого типа».

Мы считаем крайне важным, как в научном, так и в практическом плане, рассмотреть особенности составления подобных пятилетних планов, поскольку многие региональные проблемы в КНР и РФ сходны.

Развитие *западных районов* в рамках 13-го плана, как и в предыдущие две пятилетки, продолжало оставаться приоритетом для регионального развития КНР, но теперь этот мегарегион не мыслился без поддержки в виде инициативы «Один пояс, один путь». Для её реализации требовалось осуществить крупные инфраструктурные проекты, призванные обеспечивать связи с внешним миром, улучшить доступ к отсталым и труднодоступным районам мегарегиона. Данная задача во многом перекликается с теми, которые поставлены перед местами проживания нацменьшинств и приграничными территориями. Среди направлений экономики, на которые регион «должен сделать ставку»: переработка экологически чистой сельхозпродукции, культурно-ознакомительный туризм, создание новых образцово-показательных зон для трансферта производственных объектов из восточных провинций, развитие индустриальных кластеров. В ресурсообеспеченных районах, а также в частях страны с высокой экологической ёмкостью[9] рекомендовалось углубить степень переработки сырья и б*о*льшую его часть перерабатывать именно в местах добычи. Планировалось улучшить финансирование западной зоны КНР и для этой цели создать долгосрочные каналы финансирования, прежде всего, за счёт наращивания объёма трансфертных платежей и государственных инвестиций.

В упомянутой гл. 40 сказано, что «необходимо создавать больше новых экспериментальных зон для проведения политики реформ и открытости в приграничных районах страны, развивать в них взаимосвязанную и разветвлённую инфраструктуру, ускорить строительство транспортных магистралей, связывающих эти районы с соседними

[8] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (дата обращения: 31.01.2021). (In Chinese).

[9] Экологическая ёмкость территории определяется как мера максимального техногенного воздействия [Денисенко].

странами. СУАР должен стать окном на Запад для взаимодействия со странами Центральной Азии и Ближнего Востока»[10].

Как и в предыдущую пятилетку, *Северо-Восток* и вся старая промышленная база были объединены в одном разделе, хотя речь идѐт о трѐх провинциях и восточной части АРВМ. Несмотря на усилия китайской стороны, политика возрождения не принесла желаемых результатов, что следует из задач, которые ставились на новую пятилетку. Так, отмечалось, что для реализации программы необходимо ускорить рыночные реформы, внедрить рыночные механизмы, проводить структурные преобразования, особенно в промышленности. Для этого требуется увеличить помощь мегарегиону, что «возбудит эндогенные процессы» и повысит его конкурентоспособность. Также крайне важно улучшить условия предпринимательской деятельности, ускорить развитие частного сектора экономики. Чтобы экономика региона стала жизнеспособной, требуется «углублять и продвигать реформу государственных предприятий, основанных на национальном капитале, ускоренно разрешать вопросы масштабного трудоустройства в них», т. е. одной из главных проблем мегарегиона были госпредприятия[11]. Кроме того, нужно ускорить модернизацию сельского хозяйства, содействовать повышению качества и эффективности традиционных для этих регионов отраслей производства, создавать демонстрационные зоны для трансформации и модернизации (структурных преобразований) промышленности, а также способствовать созданию баз, которые будут специализироваться на выпуске современных машин и оборудования.

Всѐ более сложным становится положение моногородов Дунбэя. В связи с этим подчѐркнута необходимость всячески содействовать трансформации модели экономического развития ресурсоориентированных городов. Так, в гл. 40 параграфа 4 отмечалось, что в районах с истощѐнными природными ресурсами и неэффективным производством необходимо развивать альтернативные отрасли, а в ресурсодобывающих зонах – осуществлять трансформацию и внедрять инновации, проводить структурные преобразования в старых промышленных зонах, горнодобывающих районах, зонах угледобычи с проседающим грунтом, а также ускорить модернизацию стагнирующих старых промышленных городов, усовершенствовать механизмы по перераспределению производственных мощностей в тех районах, где они избыточны[12]. Перечисленные направления пятилетнего плана для Дунбэя формируют тяжѐлое впечатление: убыточные госпредприятия с низкоэффективным производством, моногорода с истощѐнными запасами природных ресурсов, экологические проблемы в виде проседания грунтов, отсталое сельское хозяйство, проблемы с трудоустройством населения и др.

Большое внимание уделяется внешнеэкономической открытости Дунбэя, что пересекается с идеями гл. 40, где сказано, как предполагается поддержать Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и АР Внутреннюю Монголию, где будут построены важные «окна открытости» в северном направлении. К слову, именно этот мегарегион должен стать «центральным узлом» регионального сотрудничества СВА. Здесь вновь фигурирует идея о создании пилотной зоны открытости Чанцзиту (Чанчунь – Цзилинь – Тумэньцзян)[13] [Александрова М.В. Торгово-экономические отношения].

[10] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2016-03/17/content_5054992.htm (дата обращения: 31.01.2021). (In Chinese).
[11] Там же.
[12] Там же.
[13] Там же.

В отношении *центрального мегарегиона* проскальзывает какая-то неопределѐнность. Так, указывается, что необходимо разработать и реализовать план по его подъѐму в соответствии с условиями нового времени и совершенствовать политику его поддержки, т. е. спустя 13 лет после принятия политики усиления центральных районов снова «что-то идѐт не так». Предполагалось, что именно в 13-ю пятилетку начнѐт функционировать механизм, способствующий органической интеграции урбанизации, индустриализации региона, в результате чего тот станет важной стратегической зоной поддержки для страны. Судя по тексту плана, центральный Китай вследствие своего особого экономико-географического положения может соединить все регионы страны посредством современной трѐхмерной транспортной системы, которой планировалось покрыть регион как в широтном, так и меридиональном направлениях. В документе особый упор сделан на культивировании «полюсов роста» в виде городских кластеров и региональных агломераций вдоль р. Янцзы. В этом направлении развитие мегарегиона пересекается с идеями «Программы развития Экономического пояса р. Янцзы» [Александрова, Татуева].

Восточным регионам также необходимо оказывать поддержку, чтобы они и далее играли ведущую роль в развитии экономики КНР, что будет способствовать росту экономики соседних территорий. Главная роль в развитии приморского пояса отводится инновациям, которые должны превратить восточный мегарегион в площадку для генерации новый идей. Хотя восток страны весь «пронизан» международной кооперацией, в плане подчѐркивалась необходимость ускорить создание экономической системы всесторонней открытости, чтобы эта территория могла полноценно участвовать в международном сотрудничестве и конкуренции.

Немаловажной остаѐтся и внутренняя кооперация. К примеру, намечалось создать открытую площадку для развития инноваций и проведения реформ в районе дельты р. Чжуцзян, планировалось строительство центра технологических и промышленных инноваций в Шэньчжэне, расширение сотрудничества с экономическим районом дельты р. Чжуцзян, развитие экономического пояса Чжуцзян – Сицзян.

Из приведѐнных выдержек 13-го пятилетнего плана можно сделать очевидный вывод о том, что региональная политика КНР становилась всѐ более сложной и, хотя мегарегионы продолжали оставаться важными экономическими единицами, для их полноценного функционирования и кооперирования были подключены дополнительные механизмы в виде «поддерживающих поясов» и «сложных территорий». Данные новаторства были связаны с приходом к власти в КНР энергичных руководителей молодого поколения, которые придали новый импульс региональному развитию.

Таким образом, при соблюдении преемственности акценты в региональной экономической политике изменились. Если на XVI–XVIII съездах доклады начинались с перечисления мегарегионов, то на XIX съезде Председатель КНР, используя второе предложение доклада Ху Цзиньтао на XVIII съезде, начинает с призыва «активизировать усилия по поддержке ускоренного развития старых революционных опорных баз, национальных, окраинных и бедных районов». Иными словами, упомянутые регионы выходят на первый план. Лишь после этого спикер переходит к мегарегионам.

Здесь произошла трансформация подходов: при сохранившейся последовательности перечисления регионов в докладе на XIX съезде были предложены способы, хотя и общие, для реализации этих стратегий:

- усиливать меры по формированию новой архитектоники масштабного освоения Запада;
- путём углубления реформ ускорять возрождение северо-восточной и других старых промышленных баз;
- через выявление преимуществ осуществлять подъём центрального региона;
- за счёт инноваций содействовать опережающему оптимизационному развитию восточного региона[14].

Всё это требуется, чтобы «создать новый, более эффективный механизм согласованного развития регионов», т. е. руководство страны на столь высоком уровне говорит о том, что развитие регионов не синхронизировано, существуют очевидные недоработки[15].

На XIX съезде подтвердилась расстановка сил на карте экономического районирования КНР, которая была озвучена ещё в 2015 г., – «четыре макроплиты» (макрорегиона) + три поддерживающих пояса[16].

Спустя год, в ноябре 2018 г., ЦК КПК и Госсовет КНР принимают новый, крайне важный документ, направленный на качественное углубление скоординированной политики регионов, – «Мнение о построении более эффективной новой системы региональной координации и развития» 关于建立更加有效的区域协调发展新机制的意见[17]. В нём сформулированы основные задачи на ближайший период по продвижению государственной стратегии комплексного развития регионов, оптимизации механизмов рыночной интеграции, выплат межрегиональных компенсаций и субсидий, обеспечению равного доступа к общественным услугам и др.

Особое внимание в документе уделено «поддерживающим поясам», которые, проходя сквозь мегарегионы, должны сглаживать региональные диспропорции. Главный из них – «Один пояс, один путь» – укрепит взаимосвязь основной инфраструктуры в рамках международного экономического сотрудничества и поможет создать современную модель регионального развития, а также согласовать новую схему взаимоотношений Востока – Центра – Запада, Севера – Юга. Важным гармонизирующим звеном, способным координировать развитие сразу трёх мегарегионов (восточного, центрального и западного), должен стать Экономический пояс р. Янцзы.

Один из разделов «Мнений» посвящён дифференцированной региональной политике. Выше в статье при рассмотрении направлений развития каждого из мегарегионов мы видели, что существуют неодинаковые проблемы и «узкие места», поэтому дифференциация всегда присутствовала, но в настоящем документе она выпукло обозначена. Так, указывается, что «при реализации региональной политики необходимо учитывать региональные особенности и в полной мере использовать все имеющиеся сравнительные преимущества, также требуется повысить уровень целенаправленности и эффективности политики в сфере финансов, промышленности, земельных ресурсов, защиты окружающей среды и подбора кадров»[18]. В сфере финансов государственные инвестиции и специальные трансферты из центрального

[14] Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения: 13.02.2021).

[15] Там же.

[16] URL: http://theory.people.com.cn/n/2015/0412/c49150-26831092.html (дата обращения: 12.02.2021). (In Chinese).

[17] URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (дата обращения: 15.01.2021). (In Chinese).

[18] Там же.

бюджета по-прежнему в большем количестве выделяются в основном для слаборазвитых районов Запада и Центра и регионов старой промышленной базы Северо-Востока Китая. В связи с ухудшением экономической ситуации во многих удалѐнных регионах происходит отток населения и, прежде всего, молодых высококвалифицированных кадров. С периода XIX съезда эта проблема ещѐ более актуализировалась. В анализируемом документе она также попала в фокус внимания. В нѐм отмечается, что должна быть определена преференциальная политика и назначены льготы для высококвалифицированных кадров, которые будут переезжать в центральные, западные, северо-восточные регионы, особенно – в наиболее бедные районы для дальнейшей трудовой деятельности. Кроме того, необходимо оказать помощь местным правительствам в разработке специальной региональной политики по привлечению необходимых кадров, как из других районов Китая, так и из-за рубежа[19].

13-я пятилетка оказалась непростым периодом для КНР в целом и отдельных его регионов в частности. Тем не менее без учѐта результатов 2020 г. можно отметить и некоторые успехи страны в осуществлении региональной экономической политики. Устойчиво высокая доля восточного региона стала возможной благодаря увеличению инвестиций в технологические инновации и ускорению промышленной трансформации и модернизации. В центральном регионе улучшилась инфраструктурная обстановка, был осуществлѐн промышленный трансфер. Интенсивно реализовывался новый этап масштабного освоения Запада, началось строительство особо важных объектов в сфере инфраструктуры и энергетики. Удовлетворительных результатов не удалось достичь только в Дунбэе. Его отставание от остальных мегарегионов лишь усугубит ситуация с убыточными госпредприятиями, ресурсными городами и оттоком населения.

В октябре 2020 г. в Пекине состоялся Пятый пленум ЦК КПК 19-го созыва. На нѐм было предложено содействовать скоординированному региональному развитию. Подчѐркивалось, что проблема неравномерности и недостаточности развития в КНР всѐ ещѐ актуальна. Решение задач в ключевых сферах и в звеньях реформирования по-прежнему затруднено. Инновационный потенциал не соответствует требованиям высококачественного развития, фундамент сельского хозяйства не совсем прочен, разница в региональном развитии и распределении доходов в городах и сельской местности велика[20].

Также на пленуме был озвучен важный программный документ «Рекомендации ЦК КПК относительно разработки 14-го пятилетнего плана социально-экономического развития (2021–2025 гг.) и перспективных целей к 2035 году»[21]. В «Рекомендациях» имеется раздел, посвящѐнный оптимизации территориального пространственного размещения, содействию скоординированного регионального развития.

В чѐм же оно заключается и каковы его приоритеты? Мегарегионы продолжают занимать ведущую позицию, но впервые после 11-й пятилетки вместо простых формулировок – поддерживать, способствовать и др. – смыслы сильно расширились: способствовать формированию ***новой архитектоники*** освоения западных регионов, стимулировать ***новые прорывы*** в возрождении Северо-Востока Китая, содействовать ***ускоренному*** подъѐму центрального региона и ***поощрять продвижение ускоренной***

[19] URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018-11/29/content_5344537.htm (дата обращения: 27.12.2020). (In Chinese).

[20] Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19-го созыва. URL: http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm (дата обращения: 12.02.2021).

[21] URL: http://www.gov.cn/zhengce/2020-11/03/content_5556991.htm (дата обращения: 15.01.2021). (In Chinese).

модернизации восточного региона. Коренным образом изменилась концепция для восточного Китая: ни о каком «опережающем развитии» нет и речи, нужно всѐ оперативно модернизировать, при том, что приморские районы считались самыми развитыми в стране. Вторую позицию занимают т. н. трудные районы, которые, как отмечалось выше, являются дополнительными путями трансфертов в проблемные части мегарегионов. Только третье место занимают «поддерживающие пояса» (Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, Экономический пояс р. Янцзы) и основные функциональные районы (регион «Большого залива»), где будут создаваться «инновационные платформы и новые полюса роста» [Кручинина].

Несмотря на усилия руководства КНР по смягчению региональных диспропорций, ситуация за последние 18–20 лет усложнилась. Если рассмотреть абсолютные значения ВРП, то в 2000 г. соотношение этих показателей для восточного, северо-восточного, центрального и западного экономических регионов составляло 1 : 0,8 : 0,49 : 0,41. К 2010 г. цифры изменились: 1 : 0,75 : 0,52 : 0,49, а к 2018 г. пропорция выглядела так: 1 : 0,58 : 0,58 : 0,53. Это наглядно демонстрирует отставание северо-восточных, центральных и западных регионов от восточного Китая. Комплексный анализ этих данных позволил китайским экономистам предположить, что в ближайшие 10–15 лет неравномерное развитие регионов перерастѐт в диспропорции между двумя крупными гигарегионами. Один из них включает в себя восточные, центральные и юго-западные провинции, а второй состоит из северо-восточных и северо-западных территорий Китая. При этом относительный и абсолютный разрыв между их показателями ВВП будет только возрастать [Jin Fengjun].

Несмотря на положительные сдвиги, пока рано говорить о высокой эффективности китайской региональной политики, поскольку еѐ результаты противоречивы. К тому же еѐ крупномасштабность не учитывает различий внутри каждого мегарегиона (к примеру, в состав западного Китая входит 12 административных единиц, он охватывает 71,7 % площади страны, где проживает 27 % населения – многонационального и многоконфессионального). Кроме того, углубляется дифференциация мегарегионов. В последние годы в региональном развитии КНР возник новый феномен – «дифференциация юга и севера». Его суть отражается в формулировке – «юг быстрый, север медленный, юг поднимается, а север опускается»[Liu Yingjie]. Для восточного и юго-восточного Китая выбрана инновационная модель развития. Дунбэй и часть северных провинций не могут осуществить реформу убыточных госпредприятий и решить вопрос с ресурсными моногородами, где работают десятки миллионов людей. Это только малая часть проблем, с которыми мегарегионы входят в 14-ю пятилетку.

На начало 2021 г. региональная экономическая политика включала в себя сложный и многоуровневый механизм стратегий, который выглядел следующим образом.

Комплексная стратегия регионального развития называется «4–3–2–1», она включает в себя стратегии развития четырѐх мегарегионов, трѐх крупнейших городских агломераций, двух больших экономических поясов («поддерживающих поясов») и инициативу «Один пояс, один путь». Таким образом, на основе программы освоения западных регионов, возрождения северо-восточных регионов, подъѐма центральных регионов и опережающего развития восточных регионов Китая в дальнейшем планируется осуществлять стратегию координированного развития столичного региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, района дельты р. Янцзы и «Большого залива», а также развивать зону экономического пояса р. Янцзы, охранять и обеспечивать качественное развитие территории бассейна р. Хуанхэ (порядок

перечисления соответствует значимости территорий), разрабатывать международный проект «Один пояс, один путь», направленный на расширение открытости Китая для внешнего взаимодействия. Все эти стратегии и программы формируют некий каркас регионального развития Китая, который имеет большое значение для подъѐма всей китайской экономики [Liu Yingjie].

В заключение следует отметить, что за минувшие 20 лет китайская региональная экономическая политика прошла два этапа – координированного и качественного развития экономики регионов. В результате наметилась более глубокая детализация и проработка их проблем. Так, если в 11–12 пятилетках всѐ сводилось к мегарегионам и каждый из них был отдельной стратегической единицей без тесной связи с окружающим миром, то уже в ходе 13-го пятилетнего плана посредством «поддерживающих поясов» и «районов особого типа» создаѐтся новая модель взаимного влияния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Александрова М.В. Политика возрождения старой промышленной базы Северо-Восточного Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 3. С. 86–94.

Александрова М.В. Торгово-экономические отношения провинции Цзилинь с Россией и план Чанцзиту // Китай в мировой и региональной политике. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 294–321.

Александрова М.В., Коханова В.С. Особенности экономического районирования в КНР (1949–1990 годы) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 6–20. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10021

Александрова М.В., Татуева О.А. Особенности развития Экономического пояса реки Янцзы //Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 6. С. 59–70.

Александрова М.В., Хань Сюэ. Формирование экономического региона Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 5(2). С. 24–30.

Денисенко Т.В. Экологическая ѐмкость территории: принципы оценки и анализ результатов // Сибирский государственный университет геосистем и технологий (Новосибирск). 2005. Т. 7. С. 206–210.

КНР: экономика регионов / Отв. Ред. А.В. Островский / Сост. П.Б. Каменнов: Институт Дальнего Востока. М.: ООО «Издательство МБА», 2015.

Кручинина Д. Этапы формирования «Золотого треугольника» Янцзы // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 5. С. 53–64.

REFERENCES

Aleksandrova M.V. (2015). Politika vozrozhdeniya staroy promyshlennoy bazy Severo-Vostochnogo Kitaya [The policy of reviving the old industrial base in Northeast China], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 3: 86–94. (In Russian).

Aleksandrova M.V. (2012). Torgovo-ekonomicheskie otnosheniya provincii Czilin' s Rossiey i plan Chanczitu [Jilin province's trade-economic relations with Russia and Changjitu plan], *Kitay v mirovoy i regional'noy politike* [*China in World and Regional Politics. History and Modernity*], Moscow, IFES RAS: 294–321. (In Russian).

Alexandrova M.V., Kokhanova V.S. (2020). Osobennosti ekonomicheskogo rayonirovaniya v KNR (1949–1990 gody) [Specifics of the economic zonation in the PRC (1949–1990)],

Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [*East Asia: Facts and Analytics*], 4: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10021

Aleksandrova M.V., Tatueva O.A. (2019). Osobennosti razvitiya Ekonomicheskogo poyasa reki Yanczy [Features of the development of the Yangze river economic zone], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 6: 59–70. (In Russian).

Aleksandrova M.V., Han Xue. (2019). Formirovanie ekonomicheskogo regiona Pekin – Tyan'czin' – Hebej [Formation of the Beijing – Tianjin – Hebei economic region], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 5(2): 24–30.(In Russian).

Denisenko T.V (2005). Ekologicheskaya emkost' territorii: principy ocenki i analiz rezul'tatov [Ecological Carrying Capacity of the territory: assessment principals and outcome analysis], *Siberian State University of Geosystems and Technologies*, vol. 7: 206–210. (In Russian).

KNR: ekonomika regionov [The economy of the regions in China], Moscow, Institute of Far Eastern Studies, MBA Publishers, 2015, 301 p. (In Russian).

Kruchinina D.V. (2013). Etapy formirovaniya "Zolotogo treugol'nika" Yanczy [The formation stagesof the Yangtze River "Gold Triangle"], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 5: 53–64. (In Russian).

* * *

An Shuwei. (2018). Gaige kaifa 40 nian yilai woguo quyu jingji fazhan yanbian yu geju chong su [The Evolution and Structural Reshaping of Chinese Regional Economic Development since China's Reform and Opening Up for 40 Years], Shanxi, *Renwen zazhi* [*The Journal of Humanities*], 6: 1–10. (In Chinese).

Jin Fengjun. (2020). Youhua guotu kongjian buju, tuijin quyu xietiao fazhan [Optimizing the country's zoning structure and promoting coordinated regional development], Shandong, *Dazhong ribao* [*Dazhong daily*], 25.11.2020. (In Chinese).

Liu Binglian, Zhu Junfeng, Zhou Yulong. (2020). Zhongguo quyu jingji lilun yanjin yu weilai zhanwang [The Evolution of China's Regional Economic Theory and Its Future Prospects], Beijing, *Guanli shijie* [*Management World*], 2: 182–194. (In Chinese).

Liu Yingjie. (2021). Zhongguo de quyu fazhan zhanlue he quyu zhengce [China's Regional Development Strategy and Regional Policy], Hehan, *Quyu jingji pinglun* [*Regional economic review*], 1: 10–13. (In Chinese).

Quyu jingji zhengce [Regional Economic Policy], editor-in-chief Zhang Lijun. Beijing, Zhongyang min zu daxuechu banshe [Central University for Nationalities Press], 2006, 146 p. (In Chinese).

Zai Dongbei zhenxing zhengcheng shangzhan xianxin zuowei [Demonstrate the new achievements on the Northeast Revitalization pathway], Beijing, *Jingji ribao* [*Economic Daily*], 28.07.2020. (In Chinese).

Wang Yeqiang, Wei Huokai. (2015). "Shisanwu" shiqi guojia quyu fazhan zhanlue tiaozheng yu yingdui [The Adjustment and Responses to the National Strategy of Regional Development during the National-13th-Five-Year-Plan], Beijing, *Zhongguo ruankexue* [*China Soft Science*], 5: 84. (In Chinese).

Wang Zhiyuan. (2018). Xibu de kaifang de Xibu: Deng Xiaoping "liang ge daju" zhanlue sanshi nian [Western Opening-up and Open West:30 Years since Deng Xiaoping Put forward the Strategic Thought of "Two Overall Situations"], Urumqi, *Xinjiang caijing daxue xuebao* [*Journal of Xinjiang Finance & Economics Institute*], 3: 20–27. (In Chinese).

Zhu Ling, He Wei. (2018). Gongyehua chengshihua jincheng zhong de xingcun jianpin 40 nian [40 Years of Rural Poverty Reduction in the Process of Industrialization Urbanization], Beijing, *Laodong jingji yanjiu* [*Studies in Labor Economics*], 4: 3–31. (In Chinese).

Поступила в редакцию 10.03.2021 Received 10 March 2021

Статистика. Комментарии. Заметки **Statistics. Comments. Notes**

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-78-87

Развитие робототехники в КНР как важное звено стратегии модернизации промышленного производства

Н.Н. Коледенкова

Аннотация. В Китае роботы наравне с другими передовыми технологиями рассматриваются как ключевое звено модернизации производственного оборудования. Рост их производства связан с необходимостью повысить производительность труда и качество продукции. Поскольку уровень китайских промышленных роботов уступает аналогам из промышленно развитых стран, КНР закупает за рубежом высокотехнологичные компании, занимающие передовые позиции в производстве робототехники, и создаёт национальные инновационные центры, которые призваны ускорить развитие данной индустрии в Китае.

***Ключевые слова*:** Китай, промышленное производство, роботы, технологии, инновационные центры.

***Автор*:** *Коледенкова Наталья Никитична,* кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН (адрес:117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: koleden2019@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Коледенкова Н.Н. Развитие робототехники в КНР как важное звено стратегии модернизации промышленного производства // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 78–87. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-78-87

Development of China's robotics as the important part of the strategy of modernizing industrial production

N.N. Koledenkova

Abstract. In China, robots along with innovative technologies are considered as a key element of the modernization of production equipment. The growing production of industrial robots in the country is associated with the need to increase labor productivity and product quality. Since the quality of industrial robots of its own production is inferior to the quality of robots in industrialized countries, China buys high-tech companies abroad which occupy leading positions in the production of robotics, and creates national innovation centers which are designed to accelerate the development of its own robotics.

***Keywords*:** China, industrial production, robots, technologies, innovation centers.

***Author*:** *Koledenkova Natalia N.*, PhD/Doctor of Sciences (Economics), Senior Researcher of the Center for Socio-Economic Research of China, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of

Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: koleden2019@gmail.com

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Koledenkova N.N. (2021). Razvitie robototekhniki v KNR kak vazhnoe zveno strategii modernizacii promyshlennogo proizvodstva [Development of China's robotics as the important part of the strategy of modernizing industrial production], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1: 78–87. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-78-87

Введение

Китай – динамично развивающаяся страна с огромным промышленным потенциалом. На долю Поднебесной приходится свыше 28 % мирового производства продукции, что делает её лидером в этой сфере. В XXI в. КНР вышла на 4-е место по уровню развития обрабатывающей промышленности, уступая США, Германии и Японии [Коледенкова Н.Н. Обрабатывающая…]. Индустриальный гигант по объёму промышленного производства, Китай сегодня – крупнейший производитель угля, стали, проката, редкоземельных металлов, автомобилей, судов, всех видов минеральных удобрений, этилена, цемента, цветных телевизоров, в том числе жидкокристаллических, холодильников, стиральных машин, кондиционеров, персональных компьютеров, смартфонов, мобильных телефонов, промышленных роботов и др.

В 2020 г. добавленная стоимость промышленной продукции Китая превысила 31 трлн юаней, что содействует росту экономического потенциала страны. Данные, представленные в табл. 1, свидетельствуют о положительной динамике развития.

Таблица 1. Динамика добавленной стоимости промышленности КНР за 2016–2020 гг.

Годы	Добавленная стоимость промышленности, трлн юаней	Темпы прироста, %
2016	24,541	5,7
2017	27,512	6,2
2018	30,109	6,1
2019	31,186	4,8
2020	31,302	2,4

Источник: Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (дата обращения: 20.03.2021).

В последнее десятилетие промышленность КНР развивалась в основном за счёт инноваций. Этот факт отметил Си Цзиньпин на XIX съезде КПК (2017 г.)[1]. В рейтинге стран мира по индексу инноваций Китай в 2019 г. занял 14-е место[2].

В ходе реализации экономической стратегии, направленной на внедрение высоких технологий в производство, наблюдалось обновление и модернизация последнего, а также рост качества и эффективности. Кроме того, происходило широкомасштабное развёртывание новых производств, обновлялись традиционные промышленные мощности.

[1] URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2017-11/04/content_41845752_2.htm (дата обращения: 20.03.2021).
[2] URL: http://xinhuanet.com/english/download/nationaleconomic.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

На 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва 2020 г. в докладе о выполнении плана экономического и социального развития 2019 г. и проекте плана экономического и социального развития на 2020 г. отмечалось, что в стране интенсивно реализуются важнейшие программы по укреплению индустриальной базы. К концу 2019 г. в КНР насчитывалось более 225 тыс. высокотехнологичных предприятий и свыше 151 тыс. средних и малых научно-технических производств[3].

Выпуск промышленной продукции в 2020 г. в целом увеличился. Наиболее высокие темпы роста демонстрировали электроэнергетика (ядерная и гидроэнергетика), производство стали, цветных металлов, в том числе рафинированной меди, а также этилена, портативных компьютеров, промышленных роботов. В то же время сократился выпуск металлорежущих станков, автомобилей (в том числе легковых), минеральных удобрений, мобильных телефонов (табл. 2).

Таблица 2. Динамика производства промышленной продукции КНР (2016–2020 гг.)

	2016 г.	**2017 г.**	**2018 г.**	**2019 г.**	**2020 г.**
Электроэнергия, млрд кВт/ч	6133,2	6495,1	7111,8	7503,4	7779,1
Сталь, млн т	807,6	831,4	928,0	996,3	1065,3
Цветные металлы (10 видов), млн т,	52,45	54,98	57,03	58,7	61,88
в т. ч. рафинированная медь, млн т	8,4	8,97	9,03	9,8	10,0
Алюминий электролитич., млн т	32,64	33,29	35,8	35,0	37,08
Цемент, млн т	2410,3	2330,8	2210,0	2350,0	2400,0
Этилен, млн т	17,81	18,22	18,41	20,5	21,6
Минеральные удобрения, млн т	66,3	58,9	54,2	57,3	54,9
Металлорежущие станки, тыс. шт.	672,8	608,5	488,6		450,0
Автомобили, млн шт.,	28,1	29,0	27,8	25,5	25,3
в т. ч. легковые, млн шт.	12,1	11,94	11,6	10,2	9,24
Крупные и сред. трактора, тыс. шт.	618,4	344,4	243,0	278,0	346,0
Цветные телевизоры, млн шт.	157,6	159,3	188,3	186,9	196,2
Портативные компьютеры, млн шт.	290,1	306,8	307,0	341,6	378,0
Мобильные телефоны, млн шт.	1848,4	1889,8	1798,4	1701,0	1469,6
Промышленные роботы, тыс. шт.	90,0	130,0	182,0	177,0	212,0

Источник: China Statistical Yearbook 2019. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2019/indexch.htm (дата обращения: 20.03.2021); Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2019 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202002/t20200228_1728917.html (дата обращения: 20.03.2021); Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (дата обращения: 20.03.2021).

[3] Там же.

Итак, к 2020 г. КНР вошла в число государств – крупнейших производителей как промышленной продукции в целом, так и отдельных важнейших её видов. Тем не менее по уровню технологического развития страна уступает промышленно развитым державам. В связи с этим в 2015 г. была принята программа «Сделано в Китае – 2025»[4], которая предполагает ускоренное развитие обрабатывающей промышленности с тем, чтобы к 2025 г. по уровню технологического развития приблизиться к передовым странам [Коледенкова Н.Н. Развитие…]. В годы 13-й пятилетки (2016–2020 гг.) Китай активно претворял данную программу в жизнь, особое внимание уделялось 10 ключевым отраслям, в том числе роботостроению.

Состояние и развитие промышленной робототехники

В качестве фундамента для данного направления в Китае были разработаны государственные программные документы: Руководство по развитию робототехники (2013 г.), План по развитию робототехники на 2016–2020 гг., Руководство по развитию искусственного интеллекта (2017 г.). Приняты были и соответствующие региональные программы.

В Программе развития робототехники на 2016–2020 гг. была поставлена задача за пять лет в целом сформировать архитектуру индустрии, повысить её технологический потенциал и довести качество продукции до мирового уровня.

Китайское руководство уделяет особое внимание развитию робототехники, поскольку она имеет большое значение для создания как новых, так и традиционных производств. Напомним, что Китай добился больших успехов в энергетике, а также в железнодорожном машиностроении, автомобилестроении, авиационно-космической отрасли.

Принятая на XIX съезде КПК (2017 г.) новая стратегия развития Китая, основной целью которой является создание модернизированной производственной системы, предполагает форсированное развитие высококачественного промышленного производства. Роботы, наравне с инновационными технологиями, рассматриваются как ключевая поддержка передового производственного оборудования.

Индустрия промышленной робототехники в Китае успешно развивается. В 2015 г. было произведено 69 тыс. промышленных роботов, в 2017 г. – 130 тыс., в 2018 г. – 182 тыс., что составило 40 % от мирового объёма производства промышленных роботов. В 2019 г. произошло сокращение на 3,1 % – до 177 тыс. Однако по итогам первой половины 2020 г. в стране было произведено 93,794 тыс. промышленных роботов, что на 10,3 % больше, чем за аналогичный период предыдущего года[5]. По официальным китайским данным, в 2020 г. в стране было создано 212 тыс. ед. таких устройств, т. е. рост по отношению к 2019 г. составил 20,7 %[6].

Повышение технического уровня производства и комплексная автоматизация на предприятиях позволят не только увеличить выпуск промышленных роботов, но и внедрить инновационные технологии в эту индустрию.

[4] URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-04/07/content_35256829.htm (дата обращения: 20.03.2021).

[5] China’ industrial robot output surges 29, 2 % in June. URL: http://xinhuanet.com/english/2020-07/19/c_139223485.htm (дата обращения: 20.03.2021).

[6] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2020 National Economic and Social Development. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202102/t20210228_1814177.html (дата обращения: 20.03.2021).

Китай добился некоторых успехов в создании роботов нового поколения – коботов (коллаборативных промышленных роботов). Это устройства, которые внедрены в систему распределения энергии и созданы на основе технологий искусственного интеллекта, таких как трёхмерная реконструкция среды, видеофиксация и управление движением. Они используют алгоритмы для выполнения различных задач распределения энергии. По мнению представителей тяньцзиньского отделения Государственной электросетевой корпорации Китая (State Grid Tianjin Electric Power Company), новые роботы позволяют повысить безопасность и качество работы. По сравнению с предыдущим поколением современные устройства меньше и легче, что позволяет им работать в сложных условиях.

Коллаборативный тип роботов в основном используется в производстве компьютеров, оборудования связи, электронной бытовой техники.

Ещё 10 лет назад китайские предприятия промышленной робототехники обеспечивали только 5 % внутреннего спроса. В 2020 г. их доля выросла до 39 %[7], хотя по плану «Сделано в Китае – 2025» этот показатель должен был достичь 50 %. Китай намерен довести его к 2025 г. до 70 %[8]. По сообщению китайской печати успехи страны в сфере промышленной робототехники сопоставимы с достижениями, которые позволили создать в стране высокоскоростные железнодорожные линии, оборудование для производства атомной энергии и многое другое[9]. В Китае созданы благоприятные условия для всей робототехнической индустрии. Прежде всего, речь идёт о налоговых льготах и субсидиях для производственных компаний этого профиля. Большие государственные средства центральное правительство выделяет на научные исследования и разработки, на проекты, связанные с робототехникой. Так, в 2016 г. государственное финансирование составило 24,6 млрд долл., а в 2020 г. должно возрасти до 59 млрд долл. Только в пров. Гуандун местное правительство выделило 150 млрд долл. на переоборудование предприятий, а также на создание двух инновационных центров робототехнической отрасли [Комиссина].

Надо сказать, что Китай приобретает западные робототехнические компании. Наиболее значимые среди них – KUKA и Midea Group. Высокотехнологичные предприятия, занимающие передовые позиции в робототехнике, позволяют стране существенно ускорить развитие производства промышленной робототехники. На долю иностранных производителей приходится 60 % китайского рынка промышленных роботов[10]. Тем не менее КНР необходимо нарастить усилия собственных разработчиков, а также создать предприятия с мощным научно-техническим и инновационным потенциалом. По заявлению председателя Федерации промышленной экономики КНР Ли Ичжуна, в стране насчитывается свыше тысячи предприятий и более 50 технопарков, занимающихся разработкой и производством робототехники[11].

---

[7] Революция робототехники в Китае не оправдывает ожиданий. URL: https://3dnews.ru/1033110/revolyutsiya-robototehniki-v-kitae-ne-opravdivaet-ogidaniy (дата обращения 25.03.2021).

[8] Там же.

[9] Интересная статистика: Китай планирует господство в мировой робототехнике. URL: http://robotforum.ru/novosti-texnogologij/interesnaya-statistika-kitaj-planiruet-gospodstvo-v-mirovoj-robototexnike.html (дата обращения: 25.03.2020).

[10] The Robotics Industry in China // 1421: Consulting Group. 2019. 13 May. URL: https://www.1421.consulting/2019/05/the-robotics-industry-in-china/ (дата обращения: 20.03.2021).

[11] В Китае быстрыми темпами растёт рынок робототехники. URL: https://rossaprimavera.ru/news/fa9103f4 (дата обращения: 25.03.2020).

На сегодняшний день китайские промышленные роботы всё ещё значительно уступают по качеству японским и европейским. Их модельный ряд пока не очень широк, а программное обеспечение отстаёт от западных аналогов. Тем не менее, как отметил президент Института электротехники и электроники Японии Тошио Фукуда на Международной выставке робототехники в Шанхае в 2019 г., в последние годы Китай догоняет некоторые передовые технологии в сфере робототехники[12].

В Китае, как и прежде, в производстве роботов преобладают японские робототехнические компании, производители из стран Европы и Южной Кореи. Электроника, которая используется в них, только на 45 % национального производства. Таким образом, Китай пока не может снабжать промышленность необходимым количеством таких устройств.

Весомым вкладом в развитие робототехники явилось строительство завода в Нанкине, пров. Цзянсу в 2018 г. ведущим китайским производителем Estun Automation. Производительная мощность этого предприятия – 9 тыс. роботов в год. Завод был спроектирован Estun Automation в сотрудничестве с германской компанией Bosch Rexroth.

В 2017 г. китайская корпорация Siasun Robot and Automation Co., Ltd, которая является крупным производителем промышленных роботов, открыла в г. Шэньяне, пров. Ляонин крупнейший технопарк по производству промышленных роботов производительностью 10 тыс. ед. По данным компании, технопарк площадью 260 тыс. кв. м был построен за 5 лет. Стоимость завода оценивается в 2 млрд юаней. Под руководством Шэньянского научно-исследовательского института Академии наук Китая в городе создан Государственный инновационный центр робототехники, Государственная робототехническая лаборатория и Государственный центр измерений и оценок робототехники[13].

В 2017 г. Пекин принял решение о строительстве Государственного инновационного центра по роботостроению. Поставлена задача сформировать в столице передовую инновационную систему робототехники, сферу искусственного интеллекта и другие ведущие отрасли в данной сфере в соответствии с передовыми международными стандартами. Планируется, что к 2025 г. будет построена ведущая инновационно-прикладная база роботов. Для достижения поставленных целей в Пекине построят ряд государственных лабораторий и инновационных центров. В 2020 г. предполагалось увеличить доход от столичной индустрии робототехники до 12–15 млрд юаней, а к 2025 г. – до 60 млрд юаней. О том, удалось ли достичь цели в 2020 г., не сообщалось из-за пандемии.

Крупнейший центр индустрии роботов в Китае – Шанхай. Объём производства в мегаполисе достигает 100 тыс. роботов в год. В октябре 2018 г. правительство Шанхая и корпорация ABB подписали меморандум о начале строительства завода по производству роботов к концу 2020 г., что позволило бы увеличить производство продукции в два раза. Компания планировала инвестировать 150 млн долл. в строительство самого передового в мире завода по производству роботов в Шанхае. Согласно плану «роботы будут собирать роботов». Одновременно с этим ускорится строительство Глобального научно-

[12] Роботостроение стоит в авангарде экономической модернизации в провинции Ляонин. URL: http://russian.news.cn/2018-08/14/c_137388064.htm (дата обращения: 25.03.2020).

[13] Там же.

инновационного центра в Шанхае[14]. Строительство завода началось в сентябре 2019 г. и прекратилось из-за эпидемии COVID-19. Работы возобновились только в марте 2020 г. Швейцарская компания ABB планирует сдать завод в эксплуатацию в 2021 г. Продукция этого предприятия будет применяться в автомобильной, электронной промышленности и производстве бытовой техники.

Модернизация и создание новых производств требуют большего объёма робототехники. В связи с этим Китай вынужден импортировать данную продукцию. По данным International Federation of Robotics[15], в 2019 г. на Китай пришлась почти 1/3 всех поставок роботов, и этот показатель составил около 40 % (табл. 3).

Таблица 3. Динамика импорта промышленных роботов по странам мира, тыс. единиц

Страны	2014 г.	2016 г.	2019 г.
Китай	57,1	90,0	160,0
Республика Корея	24,7	40.0	48,0
Япония	29,3	38,0	43,0
Германия	20,1	21,0	25,0
Тайвань	6,9	9,0	13,0
Италия	3,7	7,2	9,0
Испания	2,3	4,1	5,1
Франция	3,0	3,3	4,5
Таиланд	3,7	3,0	4,5
Индия	2,1	2,6	6,0
Бразилия	0,1	1,8	3,5
Великобритания			2,5

Источник: URL: https://ifr.org/industrial-robots (дата обращения: 20.03.2021).

Основные производственные мощности промышленных роботов Китая сконцентрированы в районе дельты р. Янцзы (агломерация Шанхай, Куньшань, Чанчжоу, Сюйчжоу и Наньцзин), пров. Гуандун, регионе Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй и пров. Ляонин. Ключевые производители промышленных роботов в Китае: Siasun Robot&Automation Co., Ltd; ESTUN Automation Co., Ltd; Efort Intelligent Equipment Co., Ltd; Shanghai STEP Electric Co., Ltd; Shenzhen Inovance Technology Co., Ltd; Brotherobot Co.

В 2016 г. на 10 тыс. работников приходилось 68 роботов, то в 2019 г. – 140, в 2020 г. – 187. Тем не менее Китай по этому показателю всё же уступает промышленно развитым странам, но уже достиг показателя выше среднемирового. Так, Китай в 2019 г. занимал лишь 18-е место по плотности промышленных роботов на 10 тыс. рабочих в мире. По данным World Robotics 2019, количество промышленных роботов на 10 тыс. рабочих в 2019 г. в Сингапуре составляло 831 ед., Республике Корея – 774 ед., Германии – 338 ед., Японии – 327 ед., Швеции – 247 ед., Дании – 240 ед., США – 217 ед., Италии – 200 ед., Бельгии – 188 ед.,

[14] ABB to Invest $150 Million in Robotics Factory in Shanghai // Bloomberg News. 2018. 27 октября. URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-10-27/abb-to-invest-150-million-on-new-robotics-factory-in-shanghai (дата обращения: 20.03.2021).

[15] URL: https://ifr.org/industrial-robots (дата обращения: 20.03.2021).

Нидерландах – 182 ед., Австрии – 176 ед., Словении – 174 ед., Канаде – 172 ед., Испании – 168 ед., Словакии – 165 ед., Франции – 154 ед., Швейцарии – 146 ед. и Китае – 140 ед.[16].

В 2020 г. КНР планировала войти в десятку самых автоматизированных государств мира. Однако стране удалось занять лишь 15-е место в мировом рейтинге с показателем 187 роботов на 10 тыс. рабочих. По другим государствам этот показатель выглядит так: Сингапур – 918, Южная Корея – 868, Япония – 364, Германия – 346, Тайвань – 234, США – 228, Бельгия – 214, Люксембург – 214[17].

В последние годы в Китае растёт использование промышленных роботов в самых разных отраслях, в том числе с высокой степенью химической опасности, при взрывных работах, в производстве с высокими требованиями к экологической чистоте.

Ведущими секторами роста спроса являются автомобильная, металлургическая, электротехническая, электронная и пищевая индустрии. Успех современного китайского автопрома немыслим без использования специализированной, высокотехнологичной робототехники. На ведущих китайских предприятиях выпуск автомобилей связан с работой роботов марки KUKA, современные модели которых позволяют эффективно автоматизировать разнообразные участки производства и сделать процесс изготовления более гибким, производительным и безопасным. В национальной автомобильной промышленности довольно высок показатель внедрения промышленных роботов в производство – 500 ед. на 10 тыс. работников. Для других отраслей, таких как металлургическая и химическая промышленность, эта цифра не превышает 50 ед.[18]

Ещё одним крупным потребителем робототехники является электронная промышленность. Так, китайская компания Shenzhen Even win Precision имеет предприятие, где на всех этапах производства в основном используются промышленные роботы. Эта компания создаёт узлы для мобильных телефонов, планшетные компьютеры, материнские платы, платы видеокарт и другую портативную электронную технику. Shenzhen Even win Precision приступила к строительству нового производственного центра в районе Дунган, где на всех этапах будут использоваться промышленные роботы разных типов. Наиболее активно применяются промышленные роботы на предприятиях электронной промышленности в районе дельты р. Чжуцзян.

Структура использования устройств по отраслям обрабатывающей промышленности Китая выглядит следующим образом: на долю автопрома приходится 40 % роботов, на электронную промышленность – 28 %, на пластмассовую – 10 %, на металлургию – 5 % [Li Zheng, Shuhua Liu, Siyu Wang].

Основными потребителями промышленных роботов являются предприятия со 100-процентным иностранным капиталом, далее следуют совместные – с иностранными компаниями. Эти производства лучше автоматизированы и испытывают большую потребность в промышленных роботах. Китайские компании медленнее внедряют их в производство, однако необходимость максимизации прибыли вынуждает их ускорять этот процесс.

[16] Где больше всего роботов. URL: https://econs.online/articles/details/gde-bolshe-vsego-robotov/ (дата обращения: 25.03.2020).

[17] URL: https://ifr.org/industrial-robots (дата обращения: 20.03.2021).

[18] Renery B. The Robotics Industry in China // 1421: Consulting Group. 2019. 13 May. URL: https://www.1421.consulting/2019/05/the-robotics-industry-in-china/ (дата обращения: 20.03.2021).

Заключение

В целом промышленная политика китайского руководства в последние годы была направлена на автоматизацию производства на основе внедрения робототехники. Это способствовало высококачественному развитию обрабатывающей индустрии и в первую очередь производству высокотехнологичного оборудования, а также модернизации и обновлению традиционных отраслей. К 2025 г. предстоит добиться существенного развития 10 ключевых направлений промышленности, названных в программе «Сделано в Китае – 2025», представляющих собой основу новой индустриальной базы высокого уровня на основе передовых технологий. К ним относятся: аэрокосмическое оборудование, металлорежущие станки с цифровым управлением и роботы нового поколения, морское инженерное оборудование и высокотехнологичные суда, передовое железнодорожное оборудование, энергосберегающие транспортные средства, энергетическое оборудование, сельскохозяйственная техника, новые материалы, биофармацевтика и медицинское оборудование, информационные технологии нового поколения.

Более того, предполагается увеличить долю передовой обрабатывающей промышленности путѐм создания новых стратегических производств: ракетно-космического оборудования, техники для освоения морских глубин, в альтернативной энергетике и полупроводниковой промышленности.

Новые задачи, выдвинутые на 3-й сессии ВСНП 13-го созыва 28 мая 2020 г., сформулированы следующим образом: 1) продолжать стимулировать развитие высокотехнологичных производств и производство оборудования; 2) ускорять переоснащение традиционных производств; 3) продвигать и далее создание новых производств; 4) форсировать процесс расширения новых драйверов развития; 5) реализовывать стратегию промышленного развития за счѐт инноваций. Особое внимание в процессе работы уделяется вопросам повышения потенциала научно-технических инноваций[19].

Решение задач требует, чтобы производство промышленной робототехники развивалось быстрее. Для этого запускается ряд крупных государственных научно-технических проектов, создаются инновационные центры государственного уровня, формируется блок предприятий, лидирующих в области инноваций и конкурентоспособных на международном рынке.

Курс на модернизацию промышленного производства, основанный на развитии высокотехнологичных отраслей и внедрении в производство инновационной промышленной робототехники, позволит Китаю, согласно Программе «Сделано в Китае – 2025», к 2025 г. ускорить создание индустриальной базы высокого уровня. К 2035 г. обрабатывающая промышленность сможет выйти на средний уровень развития промышленно развитых стран, а к 2049 г., 100-летию образования Китайской Народной Республики, страна намерена стать одной из мощнейших в промышленном плане мировых держав.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Коледенкова Н.Н. Обрабатывающая промышленность КНР: состояние и перспективы развития // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 24–31. ISSN 0131-2812

[19] URL: http://xinhuanet.com/english/download/nationaleconomic.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

Коледенкова Н.Н. Развитие передовой обрабатывающей промышленности Китая // Проблемы Дальнего Востока 2019. № 5(2). С. 43–52. DOI: 10.31857/S013128120007503-4

Комиссина И.Н. Современное состояние и перспективы развития робототехники в Китае // Проблемы национальной стратегии. 2020. № 1 (58). С. 123–145.

REFERENCES

Koledenkova N.N. (2017). Obrabatyvayushchaya promyshlennost’ KNR: sostoyaniye i perspektivy razvitiya [China's manufacturing industry: state and prospects of development], *Problemy Dal’nego Vostoka*, 2: 24–31.

Koledenkova N.N. (2019). Razvitiye peredovoy obrabatyvayushchey promyshlennosti Kitaya [Development of Chinese Advanced Manufacturing Industry], *Problemy Dal’nego Vostoka*, 5(2): 43–52. DOI: 10.31857/S013128120007503-4

Komissina I.N. (2020). Sovremennoye sostoyaniye i perspektivy razvitiya robototekhniki v Kitaye [Current state and future prospects for robotics technology in China], *Problemy nacional'noj strategii* [*National Strategy Issues*], 1 (58): 123–145.

* * *

Li Zheng, Shuhua Liu, Siyu Wang. (2016). Current Situation and Future of Chinese Industry Robot Development, *International Journal of Mechanical Engineering and Robotics Research*, vol. 5, no. 4: 295–300.

Поступила в редакцию 09.03.2021 Received 9 March 2021

Научная жизнь **Academic Life**

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-88-98

О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в 2020 году

О.И. Казаков

Аннотация. Статья подготовлена по итогам круглого стола на тему «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы», организованного Институтом Дальнего Востока РАН и прошедшего в формате Zoom 18 декабря 2020 г. Участники затронули широкий круг вопросов политики, экономики, энергетики, безопасности и гуманитарного сотрудничества стран Восточной Азии. В круглом столе приняли участие учѐные и исследователи из разных научных и образовательных учреждений России.

***Ключевые слова*:** Восточная Азия, Япония, российско-японские отношения, политика, экономика, культура, гуманитарные связи, COVID-19.

***Автор*:** *Казаков Олег Игоревич*, начальник Отдела научного мониторинга, старший научный сотрудник Центра японских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

***Конфликт интересов*.** Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

***Для цитирования*:** Казаков О.И. О круглом столе «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» в 2020 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 88–98. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-88-98

On the round table “Japan's relations with the countries of East Asia: problems, trends, prospects” in 2020

O.I. Kazakov

Abstract. The round table on “Japan's Relations with East Asian Countries: Problems, Trends, and Prospects”, organized by the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences was held via Zoom on the 18th of December, 2020. The participants touched upon a wide range of issues of politics, economy, energy, security and humanitarian cooperation of the countries of East Asia. The round table was attended by scientists and researchers from various scientific and educational institutions in Russia.

***Keywords*:** East Asia, Japan, Russian-Japanese relations, politics, economics, culture, humanitarian relations, COVID-19.

***Author*:** *Kazakov Oleg I.*, Head of the Department of Scientific Monitoring, Senior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-9009-3225; E-mail: kazakov_oleg@mail.ru

***Conflict of interests*.** The author declares the absence of the conflict of interests.

***For citation*:** Kazakov O.I. (2021). O kruglom stole «Otnosheniya Yaponii so stranami Vostochnoy Azii: problemy, tendentsii, perspektivy» v 2020 godu [Kazakov O.I. On the round table "Japan's relations with the countries of East Asia: problems, trends, prospects" in 2020], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1, 88–98. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-88-98

Ежегодный круглый стол «Отношения Японии со странами Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы» (руководитель – д.и.н. В.О. Кистанов), организованный Центром японских исследований ИДВ РАН, прошѐл 18 декабря 2020 г. в Zoom.

Врио директора ИДВ РАН **А.А. Маслов** во вступительном слове отметил востребованность Института и японоведческих исследований в России. По его мнению, 2020 г. стал стресс-тестом для стран Восточной Азии, включая Китай, Японию и две Кореи. Он отметил усиление антияпонской риторики в Китае, связанной, например, с «Нанкинской резнѐй». В регионе, по мысли спикера, происходит переконфигурирование политического, экономического и социального пространства. В этих условиях России надо развивать отношения с Японией, продолжать настройку культурного взаимодействия, которая создаѐт позитивный фон для сотрудничества.

Д.В. Стрельцов (МГИМО МИД РФ)[1] в докладе «Смена администрации США и еѐ влияние на внешнюю политику Японии» отметил, что приход в Белый дом представителя Демократической партии даѐт Японии противоречивые сигналы. В сфере безопасности новая власть, очевидно, привнесѐт в двусторонние отношения «чувство нормальности» и позволит Токио «вздохнуть с облегчением», т. к. Дж. Байден делает ставку на укрепление традиционной дипломатии военно-политических союзов, свободной от присущего Д. Трампу деляческого подхода.

Вместе с тем у Японии есть поводы для беспокойства, которые связаны с более мягкой и компромиссной, чем у Б.Обамы, позицией Дж. Байдена по отношению к Китаю. Демократическая партия делает акцент на глобальных проблемах, таких как изменение климата. Вашингтону не удастся решить их без сотрудничества с Пекином, что может побудить администрацию Дж. Байдена заключить сделку с КНР в обход Японии. Кроме того, риск для неѐ заключается в приоритете для нового американского президента собственной внутренней повестки, связанной с вопросами экономического восстановления после пандемии (подробнее: [Стрельцов]).

Д.А. Филиппов (ИДВ РАН) в выступлении «Последние тенденции отношений Японии и США и их перспективы после смены администраций» сказал, что отношению Японии к уходящей администрации Д. Трампа была присуща двойственность, год до выборов не стал исключением. С одной стороны, непредсказуемость президента и его нежелание поддерживать американоцентричный статус-кво в Восточной Азии вызывали в Токио настороженность. С другой, Япония поддерживала жѐсткий курс США по отношению к Китаю, кроме того, Д. Трамп не препятствовал С. Абэ в проведении политики сближения

[1] В статье указывается только основное место работы участника круглого стола.

с Россией. Фундаментальная цель С. Абэ всѐ так же заключалась в поддержании крепкого союза и дружеских отношений между Японией и США.

В рамках двусторонних связей за последнее время наметилось как сотрудничество, например в области космоса, так и трения. Япония отказалась от покупки американских комплексов ПРО, переговоры относительно которых велись с 2017 г. Отмену сделки можно трактовать как реакцию на требования Д. Трампа к Японии брать на себя бóльшие расходы на поддержание союза.

Что касается политики США в отношении КНДР, то, хотя Япония поначалу позитивно восприняла воинственную риторику Д. Трампа, непредсказуемость президента и резкие изменения в его отношениях с Ким Чен Ыном – от взаимных угроз к восхвалениям – вызывали в Японии недовольство. Подход С. Абэ заключался в том, чтобы убедить США придерживаться политики максимального давления на КНДР. В то же время бескомпромиссный подход администрации Д. Трампа к Китаю, вплоть до развязывания торговой войны и ряда антикитайских мер в 2020 г., в целом устраивал Токио и давал импульс для медленного сближения Японии и КНР.

По мнению выступающего, смена администраций в Японии и США, вероятнее всего, не приведѐт к кардинальным изменениям в конфигурации двустороннего союза, в том числе из-за того, что обе страны в ближайшие месяцы будут сосредоточены на борьбе с пандемией коронавируса, в то время как внешняя политика отойдѐт на второй план. Кроме того, премьер-министр Японии Ё. Суга, скорее всего, будет придерживаться тех же внешнеполитических приоритетов, что и С. Абэ. Что касается администрации Дж. Байдена, то еѐ внешняя политика более предсказуема и будет проводиться в рамках международных норм и институтов, сосредоточится на восстановлении и укреплении союзов США, что означает активизацию связей с Японией в сфере безопасности.

Ю.А. Крячкина (Российский институт стратегических исследований) выступила с докладом на тему «Политика Токио в отношении стран Юго-Восточной Азии на фоне пандемии и продвижения концепции Индо-Тихоокеанского региона (ИТР)». В октябре 2020 г. новый премьер-министр Японии Ё. Суга совершил первый официальный зарубежный визит в страны Юго-Восточной Азии – Вьетнам и Индонезию. Так он повторил путь своего предшественника, бывшего премьер-министра С. Абэ, который после возвращения во власть в 2012 г. также первым делом направился с официальным визитом в эти государства.

Пребывая во Вьетнаме, премьер-министр Ё. Суга неоднократно подчѐркивал, что эта страна играет важнейшую роль в реализации японской концепции ИТР. Другим государством для еѐ воплощения в жизнь является Индонезия. Вьетнам стал одним из основных направлений программы вывода японских производств из Китая, объявленной Токио весной 2020 г. Именно здесь японское руководство намерено продемонстрировать вклад в борьбу с пандемией COVID-19 и еѐ последствиями для экономики региона.

Выбор страны для первого официального зарубежного визита Ё. Суга отразил как преемственность японского внешнеполитического курса, так и общий рост международной нестабильности на фоне обострения американо-китайского противостояния. Это продемонстрировали и основные темы двусторонних переговоров в ходе визита, которыми стали диверсификация производственных цепочек, углубление военно-политического сотрудничества и взаимодействие Японии и государств Юго-Восточной Азии в рамках концепции «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона».

Г.М. Локшин (ИДВ РАН) в докладе «Стратегическое партнѐрство Японии и Вьетнама» отметил, что эти страны – два различных мира, разительно отличающихся друг от друга почти во всѐм. Тем не менее стратегические интересы прочно скрепляют их сотрудничество. Для Вьетнама в данный момент именно Япония остаѐтся наиболее надѐжным партнѐром перед лицом экспансии Китая в Южно-Китайском море (ЮКМ). Интересы Токио в регионе вытекают, прежде всего, из его зависимости от пролегающих там морских коммуникаций и предпочтительности для регионального порядка гегемонии США. Япония разделяет и с США, и с Вьетнамом заинтересованность в поддержании мира и стабильности в регионе на основе международного права и особенно конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Она стала второй после России страной, с которой Вьетнам квалифицировал свои отношения как стратегическое партнѐрство. Такой формат требует постоянного диалога, периодической координации действий и сотрудничества. Для этого выстроена многоуровневая система активных политических и деловых контактов. Каждый визит на высшем уровне сопровождается заключением многочисленных соглашений. Это продолжилось и при новом премьер-министре Японии Ё. Суга, который, как и его предшественник С. Абэ, нанѐс первый зарубежный визит не ключевому союзнику – США, а посетил две главные страны АСЕАН – СРВ и Индонезию.

Сотрудничество Японии и Вьетнама осуществляется в самых разных областях политики, безопасности, обороны, экономики и торговли, в инвестициях, туризме, в трудовой сфере. Позиции сторон по большинству международных проблем близки или даже совпадают. Вьетнам разделяет с Японией мнение об островах в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Япония сейчас – не только расширенный стратегический партнѐр Вьетнама, но и страна, к которой имеется самое высокое политическое доверие. Токио уже много лет остаѐтся главным источником помощи для развития по программам ODA, важным инвестором, поставщиком туристов и т. д. В Японии работает около 400 тыс. вьетнамцев. С 2017 г. она остаѐтся главным прямым иностранным инвестором для Вьетнама (25 % от всех ПИИ в 2017 г.), опережая Южную Корею и Китай. Япония – в тройке главных торговых партнѐров СРВ, после Китая и США. Она стала первой страной G7, которая признала экономику Вьетнама рыночной. Со своими природными богатствами, обильной, молодой и относительно дешѐвой рабочей силой в сочетании с японскими технологиями и капиталом, Вьетнам способен реализовать этот значительный потенциал, что позволит обеим сторонам извлечь большую выгоду из сотрудничества. Мощный импульс партнѐрству дал визит премьер-министра СРВ Нгуен Суан Фука в Японию в ноябре 2019 г., в ходе которого было подписано 32 документа, в том числе соглашения по инвестициям на сумму более 8 млрд долл.

Именно С. Абэ и его влиятельные соратники, включая нынешнего премьера Ё. Суга, стали авторами концепции «Видение свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которая уже превратилась в важную часть не только региональной, но и глобальной повестки дня. Япония выступает за более мягкий вариант реализации идеи ИТР, предпочитая инфраструктурное обустройство региона и свободу судоходства жѐстким действиям по сдерживанию Пекина в традициях холодной войны. Японская стратегия «Свободного и открытого ИТР» открыта для всех, включая Китай.

Состоявшийся 19–10 октября 2020 г. визит премьер-министра Японии Ё. Суга во Вьетнам стал явным подтверждением его намерений продолжать сотрудничество. Страны подписали ряд соответствующих договорѐнностей на общую сумму в 4 млрд долл. Из них главное – соглашение о поставках во Вьетнам японской военной техники.

СРВ играет важную стратегическую роль в ЮВА по сдерживанию экспансионистских амбиций Китая, это признаѐтся и поощряется Японией, которая продолжает оказывать ему существенную экономическую помощь, к которой добавилась политическая, дипломатическая и военно-стратегическая поддержка. Пока ничто не предвещает изменений в этой сфере.

Таким образом, политические отношения между Японией и Вьетнамом переживают расцвет за всю их историю. Они гораздо более развиты и содержательны, чем так называемое «всеобъемлющее стратегическое партнѐрство» Токио с Россией. Тут есть над чем задуматься тем, кому положено отвечать за национальные интересы страны.

В.О. Кистанов (ИДВ РАН) в докладе «Отношения Японии и Южной Кореи: проблемы и тенденции» отметил, что эти страны – не только ближайшие соседи, но и важные друг для друга экономические и военно-политические партнѐры. Градус взаимодействия между ними во многом определяет политический и экономический климат в Восточной Азии. С момента образования двух корейских государств в начале 1950-х гг. их отношения прошли тернистый путь под воздействием комплекса центростремительных и центробежных сил. На них сильно повлияло колониальное правление Японии на Корейском полуострове с 1910 по 1945 г. Проблемы, связанные с этой драматической страницей истории, микшировались Сеулом и Токио в период холодной войны, когда страны были азиатским оплотом США в противостоянии Советскому Союзу и коммунистическому Китаю.

После еѐ окончания антикоммунистические скрепы ослабли, постепенно японо-южнокорейские отношения охладевали, дойдя до сегодняшней «ледяной» точки. В основе нынешнего обострения лежит ряд конфликтов, порождѐнных колониальной эпохой.

Спор по поводу территориальной принадлежности двух крошечных островков в Японском море, называемых в Японии Такэсима, а в Южной Корее – Токто, судя по всему, остаѐтся самой острой проблемой. Ещѐ один краеугольный камень противоречий – болезненная для корейцев тема «женщин для утешения и успокоения», многие из которых ещѐ живы. Нерешѐнным остаѐтся и вопрос названия разделяющего страны водного пространства. Сеул требует переименовать «Японское море» в «Восточное». Токио считает это притязание безосновательным.

Самый острый на сегодня вопрос колониального прошлого касается принудительной мобилизации корейцев для тяжѐлых физических работ на японских предприятиях. Фактически он привѐл к торговой войне между государствами. Перспективы урегулирования спора о трудовых компенсациях и прекращении торговой войны пока неясные, но они сильно отравляют двусторонние отношения.

С распадом Советского Союза и окончанием холодной войны идейное обоснование военно-политического треугольника Япония – США – Южная Корея сместилось с «советской угрозы» на тревожные вызовы со стороны растущего Китая и ракетно-ядерную опасность Северной Кореи. Но это не предотвратило нарастание центробежных сил внутри указанного треугольника. При этом линия Токио – Сеул оказалась его наиболее слабой стороной. Перед администрацией президента США Дж. Байдена стоит сложная задача примирить этих своих важнейших союзников в Азии (подробнее: [Кистанов, 2019; Кистанов, 2020]).

Д.В. Гордиенко (ИДВ РАН) выступил с докладом на тему «Реализация Индо-Тихоокеанской стратегии: сравнительная оценка защищѐнности национальной экономики Японии». Он отметил, что экономическая безопасность государства обеспечивается в форме экономического патроната, экономической кооперации и экономического противоборства с другими странами мира. В выступлении рассматривалось текущее состояние, а также перспективы экономической безопасности Японии и государств Азиатско-Тихоокеанского региона – участников Индо-Тихоокеанского партнѐрства (ИТП).

По мнению докладчика, предложенный им подход к сравнительной оценке изменения уровня экономической безопасности Японии и государств-участников ИТП позволяет выявить приоритеты экономической кооперации и противоборства в современных условиях. Договорѐнности в рамках ИТП должны установить новые регламенты и стандарты мировой торговли, увеличив тем самым защищѐнность национальных экономик Японии и других участников ИТП, резюмировал эксперт.

Я.В. Мищенко (МГУ им. М.В. Ломоносова) выступила с докладом на тему «Сотрудничество Японии и стран Юго-Восточной Азии в региональных интеграционных проектах: итоги к 2020 г.». Указанные государства, по мысли спикера, развивают разнообразные многосторонние форматы сотрудничества. В последние годы они обозначили своѐ участие в двух крупных международных проектах: Транстихоокеанском партнѐрстве (ТТП) и Всеобъемлющем региональном экономическом партнѐрстве (ВРЭП).

В ТТП участвует 11 стран, среди них Япония, Малайзия, Бруней, Сингапур, Вьетнам. ВРЭП объединяет Японию и 10 стран АСЕАН. Цель соглашений – либерализация торговых и инвестиционных потоков в регионе и формирование масштабных зон преференциальной и свободной торговли, т. е. региональная интеграция.

С момента подписания 8 марта 2018 г. соглашения о ТТП прошло всего три года, но надо учесть, что до этого стороны долго вели переговоры, оценивали возможности адаптации своих экономик к членству и пытались просчитать риски и выгоды от более тесного сотрудничества.

Целесообразно подводить первые итоги интеграционного сближения Японии и стран ЮВА в рамках ТТП. Статистические данные показывают неоднозначный эффект: увеличились объѐмы торговли Японии с Китаем (КНР не состоит в ТТП, но входит в ВРЭП) и с США (вышли из проекта, но в сентябре 2019 г. подписали с Японией торговое соглашение). Вырос импорт из Перу, Австралии, Брунея в Японию. А вот экспорт из неѐ в те же Австралию, Бруней, а также в Сингапур сократился. Можно допустить, что в 2019 г. изменилась рыночная конъюнктура, которая способствовала сокращению ряда показателей торговли Японии со странами-партнѐрами по ТТП, однако новое соглашение не смогло нивелировать отрицательную динамику. Возможно, ожидания от его эффекта оказались несколько завышенными. Основываясь на анализе первых статистических данных, можно сделать вывод, что официальное формирование ТТП в краткосрочном периоде не привело к резкому увеличению торгового оборота между Японией и странами-участницами проекта, в ряде случаев этот показатель даже снизился, а совместное членство в проекте не смогло это предотвратить.

Соглашение о ВРЭП подписано 15 ноября 2020 г., поэтому оценить прямые эффекты от него пока затруднительно. Формирование партнѐрства началось в 2012 г. по инициативе стран АСЕАН. Переговоры шли непросто. В 2019 г. Индия вышла из проекта, чем была

несколько разочарована Япония. Тем не менее участники стали рассчитывать на ускоренное заключение соглашения. Его подписание было запланировано на конец 2020 г. Однако в апреле 2020 г. источник в японском правительстве сообщил, что из-за глобальной пандемии Токио вынужден затормозить переговорный процесс. Тем не менее даже в таких неблагоприятных условиях страны смогли консолидировать усилия и выйти на подписание договорѐнности в запланированные сроки (подробнее: [Мищенко]).

Тему ВРЭП продолжил **А.Н. Алмаметов** (Казанский федеральный университет) докладом «Перспективы развития экономических отношений Японии с РК и КНР после подписания ВРЭП». Он отметил, что подписание странами АТР в формате АСЕАН + 6 Всеобъемлющего регионального экономического партнѐрства эксперты склонны считать историческим для Азиатско-Тихоокеанского региона и международных отношений в целом. Данное соглашение знаменует создание самой большой в истории зоны свободной торговли: совокупный ВВП еѐ государств-участников равняется 28 трлн долл., что составляет треть мирового ВВП. ВРЭП кардинально меняет правила игры в региональной экономике. Это особенно значимо для Японии, позиционирующей себя торговой державой. Во-первых, вследствие особенностей еѐ «пацифистской» конституции она не может проводить полноценную оборонную политику в регионе. Во-вторых, в сфере торговли официальный Токио долгие годы выстраивал сложную систему, состоящую в основном из локальных двусторонних соглашений, что в одночасье стало неактуальным. В-третьих, в архитектуру названного партнѐрства не «встроены» США – стратегический союзник Японии на протяжении всего послевоенного этапа. Центральными фигурами здесь выступают азиатские страны, с некоторыми из которых у Японии довольно непростые отношения.

Это говорит о необходимости обновления политического и внешнеэкономического курса для Токио. В частности, это касается отношений с соседями – Китаем и Южной Кореей. Исторически контакты Японии с этими государствами складывались довольно сложно, сейчас ситуация не изменилась. Можно вспомнить и вопросы исторической памяти, в частности Второй мировой войны, и территориальные споры, и конкуренцию в наукоѐмких отраслях промышленности. В свете последнего пункта ВРЭП ставит Японию в крайне уязвимое положение перед лицом оппонентов с гибкой, как у Южной Кореи, или с несоразмерно мощной, как у Китая, хозяйственной системой.

О.И. Казаков (ИДВ РАН) выступил с докладом на тему «Об особенностях развития российско-японских отношений в 2020 году». По его мнению, глобальные процессы 2020 г., включая эпидемию коронавируса, очень сильно повлияли на многие области деятельности народов и стран, включая официальную и народную дипломатии, уровень и качество взаимодействия – от политики и экономики до гуманитарной сферы. COVID-19 изменил мир, пандемия в том числе ударила по Японии и российско-японским отношениям.

Премьер-министр С. Абэ покинул свой пост по состоянию здоровья, ему на смену 16 сентября пришѐл Ё. Суга. Формально он проводит политику С. Абэ в отношении России, однако многие эксперты опасаются, что отношения между странами перестанут развиваться. Так, в ходе телефонных переговоров с В.В. Путиным новый японский лидер предложил урегулировать двусторонний территориальный вопрос, однако по существу ничего нового не предложил. При этом Ё. Суга демонстрирует значимость японо-американского военно-политического альянса в контексте угроз со стороны КНДР и Китая.

Ещѐ во время визита президента В.В. Путина в Японию в июне 2019 г. японская и российская стороны решили провести с 2020 по 2021 г. «Год российско-японских межрегиональных и побратимских обменов» и подписали соответствующий меморандум. Планировалось официальное открытие Года в Японии, но оно не состоялось.

В настоящее время многочисленные мероприятия, ранее запланированные в данном формате, проводятся в ограниченном виде, с учѐтом опасности коронавирусного заражения. Новые, прежде всего дистанционные, формы культурных и иных мероприятий в дальнейшем могут стать обычной практикой, что требует пересмотра многих аспектов двухсторонних контактов. Тема побратимских обменов, как представляется, может вообще потерять актуальность в свете ограничений офлайн-контактов.

Вероятно, первая встреча В.В. Путина и Ё. Суга, ранее запланированная на первый квартал 2021 г., более точно покажет, насколько серьѐзны изменения в позициях двух сторон по разным сферам двустороннего сотрудничества (подробнее: [Горчакова, Казаков]).

А.К. Корнеев (ИДВ РАН) выступил с докладом «Институты российско-японского экономического сотрудничества». По его мнению, российско-японские экономические отношения в текущий момент можно охарактеризовать как достаточно стабильные, обладающие сформированной структурой и чѐтким распределением ролей. После распада Советского Союза стороны стали больше внимания уделять взаимодействию на различных уровнях, изменилась и риторика официальных лиц: увеличивалось число заявлений об общей заинтересованности в сотрудничестве, развитии не только экономических, но и культурных связей. Эта предрасположенность к диалогу способствовала постепенному увеличению торгового оборота, который достиг пика в 2008 г., составив около 30 млрд долл. США. Тогда же утвердилась и определѐнная экспортно-импортная система, согласно которой из России в Японию ввозились различные природные ресурсы (лес, металлы и пр.), а в обратном направлении следовала промышленная продукция, материалы, оборудование, автомобили.

Постепенно, с введением в эксплуатацию проектов «Сахалин-1» и «Сахалин-2», основной российской экспортной отраслью стал нефтегазовый сектор, в то время как со стороны Японии мало что изменилось. Исследования на тему характера российско-японского внешнеторгового сотрудничества достаточно распространены как в российской, так и зарубежной печати. Более того, существуют и оценки потенциала совместных инфраструктурных проектов, требующих значительных инвестиционных и технологических усилий, например, сооружение энергомоста «Сахалин – Хоккайдо» или строительство тоннеля (другой вариант – мостового перехода), который стал бы связующей транспортной артерией между Сахалином и северным японским островом Хоккайдо. Тем не менее практических шагов по реализации подобных инициатив пока не предпринимается.

Несмотря на то, что различные идеи по углублению сотрудничества периодически появляются, получают хорошие оценки со стороны инженеров и экономистов и даже находят одобрение среди чиновников различного ранга, их воплощению препятствует неразвитость институтов сотрудничества, взаимное недоверие, вызванное условной принадлежностью стран к разным геополитическим лагерям, и наличие территориальных претензий со стороны Японии. Вот почему оценка институтов российско-японского экономического сотрудничества позволит взглянуть на ситуацию под иным углом, обнаружить скрытые течения и закономерности, на основе чего можно будет сделать вывод о проблемах и перспективах торгово-экономических отношений двух крупных региональных держав. Несомненно,

расширение российско-японских экономических отношений будет выгодно обеим сторонам (подробнее: [Корнеев, Попов, 2019; Корнеев, 2020; Korneev, Pechishcheva]).

Ким Ен Ун (ИДВ РАН) выступил с докладом «Новая редакция Конституции России и проблема оценки итогов Второй мировой войны Японией». По его мнению, запрет не только на отчуждение части территории, за исключением отдельных изменений конфигурации границ в соглашениях об их демаркации, делимитации и редемаркации, но и на призывы и переговоры об этом, которые в России законодательно охарактеризованы как экстремизм, делают бессмысленными всякие попытки территориальных притязаний Японии к России. Кроме того, нельзя исключить, что подобные новеллы в своих законодательных актах могут принять и другие страны, к которым Япония также предъявляет территориальные претензии. Это напрямую связано с оценкой Токио итогов Второй мировой войны и попытками ревизовать послевоенные реалии и решения Союзных держав, а также Устава ООН, членом которой страна смогла стать в 1956 г. исключительно благодаря доброй воле СССР.

Речь, по мнению докладчика, идѐт не только о территориальных претензиях Японии к своим соседям, но и еѐ попытках пересмотреть оценки своих действий во время Второй мировой войны. Это выражается в требованиях к России подписать мирный договор, стремлении изменить 9 статью Конституции своей страны, законодательно закрепить право на военные действия за пределами собственного государства, т. е. речь идѐт о стремлении Японии взять реванш за участие во Второй мировой войне как одного из еѐ зачинщиков.

Как известно, Япония после поражения подписала Акт о полной и безоговорочной капитуляции. С такой страной мирного договора не заключают. Тем более, когда это касается государств – зачинщиков невиданных по масштабам разрушений и действий, приведших к гибели огромного числа людей. Именно поэтому ни одна страна не подписывала мирный договор с Германией. К руководству последней и основным исполнителям античеловечных преступлений, как и в отношении Японии, была применена процедура осуждения через международный военный трибунал. Любые попытки мирного договора с Токио, по мнению эксперта, необходимо отвергать как нарушающие итоги Второй мировой войны и тот миропорядок, который был установлен после неѐ, а также решения международных военных трибуналов, в частности Токийского. Все они осудили преступников и злодеяния против человечности. Претензии Японии по поводу мирного договора с Россией также нарушают нормы Устава ООН, который она сама подписала при вступлении в организацию. Единственное, что может быть ратифицировано, это стандартный межгосударственный договор о мире и сотрудничестве (подробнее: [Ким, 2019; Ким, 2020]).

А.Е. Шаповалов (МГУ им. М.В. Ломоносова) осветил тему «Значение технологического фактора в сфере реализации современной концепции “мягкой силы” Японии в рамках начала новой космической гонки». Во время глобальной нестабильности Япония сталкивается с вызовами как внутриполитического, так и внешнеполитического характера. В условиях роста глобальной неопределѐнности возможность контролировать геополитические процессы даѐт ведущим игрокам преференции. Как одна из передовых стран, сталкивающаяся сегодня с многочисленными политическими вызовами в Азии, Япония внимательно изучает специфику современной геополитической конкуренции. Сохраняющаяся взаимозависимость и новые потенциальные угрозы актуализуют различные инструменты «мягкой силы». Стремительное технологическое развитие разных стран подчѐркивает конкретные изменения в прежнем контуре международной политики, что затрагивает их амбиции не только

в рамках планетарного, но и космического пространства. Это в свою очередь выступает дополнительной причиной растущего противостояния. Соответственно, основная цель применения ранее указанного подхода заключается в формировании благоприятного образа государства на международной арене для нивелирования возможных барьеров и налаживания более прагматичного диалога с другими членами мирового сообщества. Использование в данном случае технологического фактора лишь расширяет инструментарий Японии в продвижении собственной концепции «мягкой силы», которая подразумевает более широкие возможности в области создания и внедрения определенной модели восприятия современного статуса Токио, заключил докладчик.

После запланированных выступлений состоялось обсуждение затронутых тем в формате свободного обмена мнениями. В дискуссии, в частности, затрагивались вопросы перспектив Всеобъемлющего регионального экономического партнѐрства и российско-японских отношений на современном этапе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горчакова Т.Е., Казаков О.И. Об изменении ситуации в Японии и российско-японских отношениях в 2020 году // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 50–62. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024

Ким Е.У. Изменения геополитической обстановки после Второй мировой войны. Обретение независимости Кореи от Японии // Сб. материалов. Конференция, посвящѐнная 75-летию Победы и окончания Второй мировой войны. М.: Московский дом национальностей, 2020. С. 20−38.

Ким Е.У. Общенациональный характер Первомартовского движения и его влияние на историю Кореи // Корейский полуостров в поисках мира и процветания. В двух томах. Т. 2. М.: ИДВ РАН, 2019. С. 9−21.

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019. № 3. С. 33−48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Кистанов В.О. Япония и Южная Корея: союзники, партнеры, противники? Анатомия отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 2. С. 37−56. DOI: 10.31857/S013128120009599-9

Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // Японские исследования. 2020. № 4. С. 68−81. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Корнеев К.А., Попов С.П. Проблемы формирования энергетической политики Японии // Энергетическая политика. 2019. № 2. С. 44−53.

Мищенко Я.В. Япония в региональной интеграции: вызовы, задачи и перспективы // Ежегодник Япония. 2020. Т. 49. С. 157−174. DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006

Стрельцов Д.В. Куда пойдѐт политика Японии в сфере безопасности после смены администраций в Токио и Вашингтоне? // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 4. С. 34–49. DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

REFERENCES

Gorchakova T.E., Kazakov O.I. (2020). Ob izmenenii situatsii v Yaponii i rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh v 2020 godu [On the changes of the situation in Japan and Russian-Japanese relations in 2020], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2020, 4: 50–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10024.

Kim En Un (2019). Obshchenatsional'nyy kharakter Pervomartovskogo dvizheniya i ego vliyaniye na istoriyu Korei [Nationwide Scale of the March First Movement and Its Influence on the Korean History], *The Korean peninsula in search for peace and prosperity*. Vol. 2. Moscow: IFES RAS: 9−21. (In Russian).

Kim En Un (2020). Izmeneniya geopoliticheskoy obstanovki posle Vtoroy mirovoy voyny. Obreteniye nezavisimosti Korei ot Yaponii [The changes in the geopolitical situation after the Second World War. Korea's independence from Japan], *Sbornik materialov. Konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu Pobedy i okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [The collection of materials. The conference dedicated to the 75th anniversary of the Victory and the end of the Second World War], Moscow: Moskovskiy dom natsional'nostey: 20−38. (In Russian).

Kistanov V.O. (2019). Otnosheniya mezhdu Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 3: 33–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019

Kistanov V.O. (2020). Yaponiya i Yuzhnaya Koreya: soyuzniki, partnery, protivniki? Anatomiya otnosheniy [Japan and South Korea: Allies, Partners, Opponents? Anatomy of the relationship], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 2: 37−56. (In Russian). DOI: 10.31857/S013128120009599-9

Korneev K., Popov S. (2019). Problemy formirovaniya energeticheskoy politiki Yaponii [Problems of Japan's energy policy formation], *Energeticheskaya politika*, 2: 44−53. (In Russian).

Korneev K.A. (2020). Politika Yaponii v oblasti razvitiya vodorodnoy energetiki [Japan's policy in the field of hydrogen energetics development], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 4: 64–77. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Mishchenko Ya.V. (2020). Yaponiya v regional'noy integratsii: vyzovy, zadachi i perspektivy [Japan in Regional Integration: Problems, Challenges, and Prospects], *Ezhegodnik Yaponiya* [*Yearbook Japan*], vol. 49: 157–174. (In Russian). DOI: 10.24411/2687-1432-2020-10006

Streltsov D.V. (2020). Kuda pojdyot politika Yaponii v sfere bezopasnosti posle smeny administracij v Tokio i Vashingtone? [Where will Japan's security policy go after the change of administrations in Tokyo and Washington?], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 4: 34–49. (In Russian). DOI: 10.24411/2686-7702-2020-10023

* * *

Korneev K.A., Pechishcheva L.A. (2020). Japan's Energy Policy toward SCO Members: Current Situation and the Perspective. «*ENERGY-21: Sustainable Development & Smart Management*» *Conference Proceedings*, E3S Web Conf., volume 209. DOI: 10.1051/e3sconf/202020905006

Поступила в редакцию 28.02.2021 Received 28 February 2021

Обзор СМИ **Media Review**

DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-99-105

Обзор СМИ стран Восточной Азии (январь – март 2021 г.)

Е.М. Скворцова

Аннотация. Обзор материалов ряда СМИ стран Восточной Азии, опубликованных с января по март 2021 г., даѐт представление о наиболее актуальных и острых для региона темах названного периода. Среди них: избрание нового генерального секретаря Народно-революционной партии Лаоса, XIII съезд Коммунистической партии Вьетнама, переворот в Мьянме, подведение итогов борьбы с бедностью в Китае, вакцинация в Азии и еѐ влияние на восстановление экономики, первый саммит лидеров QUAD.

***Ключевые слова*:** Лаос, Вьетнам, Мьянма, Китай, Япония, Азия, переворот, борьба с бедностью, COVID-19, пандемия, вакцинация, экономика, саммит, QUAD.

***Составитель*:** *Скворцова Елизавета Михайловна*, переводчик Центра научной информации и документации, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). E-mail: skvortsova@ifes-ras.ru

***Для цитирования*:** Скворцова Е.М. Обзор СМИ стран Восточной Азии (январь – март 2021 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 99–105. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-1-99-105

East Asian countries media overview (January – March 2021)

E.M. Skvortsova

Abstract. This review is based on the materials published in January – March 2021 in various media of East Asian countries, which cover the most relevant topics for the region during this period. Among them are: the election of new Secretary General of the Lao People's Revolutionary Party, the 13th National Party Congress of the Communist Party of Vietnam, the military coup in Myanmar, the results of China's poverty alleviation program, the vaccination process in Asia and its impact on economic recovery, the first QUAD's summit.

***Keywords*:** Laos, Vietnam, Myanmar, China, Japan, Asia, coup, poverty alleviation, COVID-19, pandemic, vaccination, economy, summit, QUAD.

***Compiler*:** *Skvortsova Elizaveta M.*, translator of the Center for Scientific Information and Records, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: skvortsova@ifes-ras.ru

***For citation*:** Skvortsova E.M. (2020). Obzor SMI stran Vostochnoj Azii (yanvar' – mart 2021 g.) [East Asian countries media review (January – March 2021)], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [*East Asia: Facts and Analytics*], 2021, 1: 99–105. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2020-1-99-105

В Лаосе и Вьетнаме прошли съезды правящих партий

По сообщению Vientiane Times[1], 15 января 2021 г. на XI съезде Народно-революционной партии Лаоса (НРПЛ) новым генеральным секретарѐм был избран премьер-министр Тхонглун Сисулит. На этом посту он сменил Буннянга Ворачита – президента страны с 2016 г. В новейшей истории Лаоса успела закрепиться практика, когда новоизбранный лидер НРПЛ становится главой страны. Таким образом, на предстоящих выборах президента Лаоса стоит ожидать победы именно Тхонглуна Сисулита.

На следующий день, 16 января 2021 г., Vientiane Times[2] в своей заметке пересказала первое после избрания заявление Тхонглуна Сисулита, в котором тот отметил, что за последние пять лет Лаос достиг успехов в социально-экономическом развитии и, несмотря на сложную международную обстановку и пандемию COVID-19, смог сохранить темпы экономического роста. Тем не менее стране, по его словам, предстоит решить ещѐ множество политических и экономических проблем. Новый генеральный секретарь призвал партийных лидеров стремиться к консенсусу и упорно работать во благо нации. На съезде НРПЛ были также избраны новые члены Центрального комитета и Политбюро, которым предстоит отвечать за реализацию следующего пятилетнего плана.

Другое партсобрание – XIII съезд Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) – 1 февраля 2021 г. завершилось в Ханое, сообщила в тот же день Viet Nam News[3]. На восьмидневном съезде был избран Центральный комитет КПВ, в который вошли 200 членов. На первом пленарном заседании ЦК 31 января Генеральным секретарѐм ЦК партии вновь был избран Нгуен Фу Чонг.

Он стал первым главой КПВ, избранным на третий срок, с начала «политики обновления» («дой мой») в 1986 г., отмечает Bangkok Post 31.01.2021[4]. Нгуен Фу Чонг продолжит исполнять функции президента страны, пока Национальное собрание не выберет нового кандидата на эту должность. Как ожидается, им станет Нгуен Суан Фук, действующий премьер-министр страны.

XIII съезд КПВ принял резолюцию, в которой определил план социально-экономического развития государства и конкретные цели на ближайшие 5, 10 и 25 лет. Так, к 2045 г. Вьетнам должен стать развитой страной с высоким уровнем доходов, передаѐт агентство «Синьхуа» 1.02.2021[5]. Кроме того, в резолюции были отмечены успехи борьбы с коррупцией, которая в последние годы реализуется в беспрецедентном масштабе.

Тхонглун Сисулит и Нгуен Фу Чонг обменялись поздравлениями по поводу успешного проведения съездов и выразили уверенность, что в ближайшие годы народы двух стран добьются ещѐ больших успехов в деле национального строительства и модернизации.

[1] URL: https://www.vientianetimes.org.la/freeContent/FreeConten_PM_11.php (дата обращения: 15.01.2021).
[2] URL: https://www.vientianetimes.org.la/freeContent/FreeConten_Party_11.php (дата обращения: 16.01.2021).
[3] URL: https://vietnamnews.vn/politics-laws/867414/13th-national-party-congress-ends.html (дата обращения: 02.02.2021).
[4] URL: https://www.bangkokpost.com//world/2060127/vietnam-re-elects-party-leader-trong-after-secretive-congress (дата обращения: 03.02.2021).
[5] URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-02/01/c_1127051632.htm (дата обращения: 02.02.2021). (На кит.).

Лидеры подчеркнули, что укрепление дружбы и солидарности между Вьетнамом и Лаосом не только имеет решающее значение для защиты национальной независимости и строительства социализма в обеих странах, но и способствует миру, стабильности и развитию всего региона, пишет Viet Nam News 16.01.2021[6].

Переворот в Мьянме

Как сообщает The Irrawaddy 1.02.2021[7], утром 1 февраля Вооружѐнные силы Мьянмы (Тамадо) задержали государственного советника Аун Сан Су Чжи, президента страны Вин Мьина и ряд членов ЦИК правящей партии «Национальная лига за демократию» (НЛД). Исполняющим обязанности президента был назначен отставной генерал Мьин Све, ранее занимавший пост вице-президента. Он объявил, что в стране на год вводится чрезвычайное положение, и в соответствии со статьѐй 418 конституции 2008 г. передал «законодательную, административную и судебную власть главнокомандующему Вооружѐнных сил Мьянмы» – старшему генералу Мин Аун Хлайну.

Переворот произошѐл за несколько часов до открытия первой сессии нового парламента и стал кульминацией противоречий между военными и лидерами НЛД, обострившихся в конце января. Руководители ВС Мьянмы утверждают, что на прошедших 8 ноября 2020 г. всеобщих выборах было выявлено более 10 млн нарушений. Однако Союзная избирательная комиссия отвергла все обвинения в фальсификации голосования, а НЛД продолжила готовиться к созыву нового парламента, что вынудило военных взять власть в свои руки, говорится в публикации The Irrawaddy от 1.02.2021[8].

Новое правительство объявило, что, как только завершится период чрезвычайного положения, в стране будут проведены всеобщие выборы, по итогам которых военные передадут государственную власть победившей партии. Кроме того, The Myanmar Times 2.02.2021[9] сообщает о формировании Государственного административного совета во главе с Мин Аун Хлайном, а также нового Комитета по мирным переговорам, который продолжит работу над подписанием Общенационального соглашения о прекращении огня.

Лидер НЛД, лауреат Нобелевской премии мира Аун Сан Су Чжи призвала граждан не признавать правительство хунты и оказывать ему сопротивление ненасильственным путѐм. Она подчеркнула, что действия военных стали нарушением разработанной ими же конституции, и назвала их попыткой восстановить в стране диктаторский режим, отмечает The Irrawaddy 1.02.2021[10].

Новое правительство вскоре объявило о блокировке социальных сетей Facebook, Twitter и Instagram, что вызвало протесты в Мьянме 6–7 февраля, передаѐт издание The

[6] URL: https://vietnamnews.vn/politics-laws/857728/top-leader-holds-phone-talks-with-new-secretary-general-of-lao-peoples-revolutionary-party.html (дата обращения: 16.01.2021).

[7] URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/myanmar-military-seizes-power.html (дата обращения: 02.02.2021).

[8] URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/coup-myanmar-military-says-will-hold-new-election.html (дата обращения: 02.02.2021).

[9] URL: https://www.mmtimes.com/news/myanmar-military-announces-new-state-administrative-council.html (дата обращения: 02.02.2021).

[10] URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/daw-aung-san-suu-kyi-urges-myanmar-people-resist-coup.html (дата обращения: 03.02.2021).

Myanmar Times[11]. Забастовки и демарши против власти Тамадо, организованные Движением гражданского неповиновения, продолжались в Янгоне, Нейпьидо, Мандалае и других городах Мьянмы весь февраль и март. Как сообщает The Irrawaddy 02.03.2021[12], по состоянию на 1 марта, в стране задержано более 1200 человек.

События в Мьянме не могут не вызывать беспокойство стран региона. Так, на заседании министров иностранных дел стран АСЕАН 2 марта прозвучал призыв к сторонам «воздерживаться от подстрекательства к насилию и проявлять максимальную сдержанность». Члены ассоциации отметили, что решать конфликт необходимо путѐм конструктивного диалога, и выразили готовность оказать Мьянме любое позитивное содействие, отмечается в заявлении Председателя по итогам заседания[13].

Китай подвѐл итоги борьбы с бедностью

Агентство «Жэньминь Жибао» 26 февраля 2021 г. сообщило, что накануне, 25 февраля, в Пекине прошло торжественное собрание, на котором были подведены итоги борьбы с бедностью[14]. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что благодаря усилиям партии и всего народа стране удалось одержать историческую победу над абсолютной бедностью. На собрании были награждены коллективы и отдельные лица, добившиеся особых успехов в борьбе с бедностью.

Си Цзиньпин отметил, что бедность остаѐтся «общим недугом человечества», с которым Китай боролся на протяжении всей своей истории. Победа над бедностью стала одной из главных целей КПК. После XVIII съезда партии в 2012 г., по решению ЦК, ликвидация бедности стала приоритетом государственного управления, была развѐрнута масштабная борьба с ней во имя построения среднезажиточного общества. За восемь лет почти 100 млн человек, все 832 уезда и 128 тыс. деревень, объявленные ранее бедными, вышли из состояния нужды. Искоренение абсолютной бедности Си Цзиньпин назвал «историческим чудом» и значительным вкладом в дело глобального сокращения нищеты.

Вместе с тем китайский лидер отметил, что избавление от абсолютной бедности – не конечный результат, а «начало новой жизни и новой борьбы», передаѐт «Жэньминь Жибао». Он призвал народ не останавливаться на достигнутом и подчеркнул важность дальнейшего решения проблем территориального дисбаланса, разрыва в развитии городских и сельских районов. Приоритетным направлением политики партии он назвал реализацию стратегии «возрождения села» и модернизацию сельского хозяйства.

На заседании Совета ООН по правам человека, посвящѐнном борьбе с бедностью, опытом Китая поделилась с международным сообществом директор комплексного департамента Государственного управления КНР по возрождению села Су Гося. Она отметила, что Китай организовал самую масштабную в истории человечества борьбу с бедностью и, несмотря на пандемию коронавируса, смог в срок выполнить поставленную

[11] URL: https://www.mmtimes.com/news/protests-take-place-myanmar-after-internet-blackout.html; https://www.mmtimes.com/news/myanmar-cuts-access-social-media.html (дата обращения: 08.02.2021).

[12] URL: https://www.irrawaddy.com/news/burma/myanmar-military-detain-1200-since-coup.html (дата обращения: 03.03.2021).

[13] URL: https://asean.org/storage/FINAL-Chairmans-Statement-on-the-IAMM.pdf (дата обращения: 03.03.2021).

[14] URL: http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2021-02/26/nw.D110000renmrb_20210226_1-01.htm (дата обращения: 27.02.2021). (На кит.).

задачу, внеся тем самым огромный вклад в дело защиты прав человека во всем мире. Су Гося подчеркнула, что КНР готова вместе с другими странами продолжать работать над искоренением нужды и лишений и стремиться к развитию и процветанию всего человечества, говорится в сообщении «Жэньминь Жибао» от 3.03.2021[15].

По данным Всемирного банка, вклад Китая в глобальное сокращение бедности составляет более 70 %. Стране удалось на 10 лет раньше установленного срока выполнить одну из главных целей «Повестки дня ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года». Эти достижения имеют особое значение в условиях пандемии, которая обострила разрыв между богатыми и нуждающимися и привела к тому, что в 2020 г. численность крайне бедного населения мира выросла впервые за 22 года, отмечает автор статьи «Синьхуа» от 03.03.2021[16]. Китай продолжает делиться накопленным опытом и поддерживать в борьбе с бедностью другие страны, в первую очередь развивающиеся, путѐм инвестиций и реализации совместных проектов. Так, согласно исследованию Всемирного банка, инициатива «Один пояс, один путь» поможет вывести из абсолютной нищеты около 7,6 млн человек из участвующих в ней стран, а 32 млн смогут преодолеть средний порог бедности, передаѐт «Синьхуа».

Процесс вакцинации в странах Азии

В 2020 г. странам Восточной и Юго-Восточной Азии удалось быстрее и эффективнее остального мира купировать распространение вируса и минимизировать число заражений COVID-19. Некоторые государства, например Китай и Вьетнам, смогли даже сохранить положительные темпы экономического роста. Казалось, что именно этому региону суждено стать главной движущей силой восстановления мировой экономики в постковидную эпоху, рассуждает автор статьи Bangkok Post от 04.03.2021[17]. Однако сейчас этот сценарий уже не кажется столь реалистичным.

Как отмечает издание, успех региона в борьбе с эпидемией привѐл к тому, что вакцинация проходит гораздо медленнее, чем в других странах. В статье приводятся данные Goldman Sachs, согласно которым большинство стран Азии не достигнут коллективного иммунитета вплоть до 2022 г. Иными словами, когда бо́льшая часть мира откроет границы, Азия на какое-то время останется в изоляции и не сможет воспользоваться преимуществами возобновлѐнного международного сообщения.

Снятие локдауна имеет особое значение для восстановления экономики большинства стран региона, одной из главных статей дохода которых является туризм. Так, общий вклад данной индустрии в ВВП Таиланда до эпидемии достигал 20%, поэтому очевидно, что продолжение режима изоляции будет иметь крайне негативные последствия для страны. По текущим прогнозам, чтобы привлечь хотя бы десятую часть иностранных туристов, посетивших королевство в 2019 г., властям необходимо к концу текущего года вакцинировать половину населения. Учитывая, что прививки в стране начали делать только в марте, достичь этой цели будет непросто, сообщает Bangkok Post.

[15] URL: http://world.people.com.cn/n1/2021/0301/c1002-32038767.html (дата обращения: 03.03.2021). (На кит.).

[16] URL: http://www.xinhuanet.com/world/2021-03/02/c_1211047021.htm (дата обращения: 03.03.2021). (На кит.).

[17] URL: https://www.bangkokpost.com/business/2077939/asias-economic-recovery-put-at-risk-by-slow-pace-of-shots (дата обращения: 09.03.2021).

Медленнее, чем в западных странах, идѐт вакцинация и в Китае. Ранее страна планировала к середине февраля использовать 100 млн доз вакцины, однако в действительности этот показатель оказался значительно ниже (46 млн прививок на конец февраля). В публикации CCTV от 03.03.2021[18] говорится о намерениях довести уровень вакцинации до 40 % к июню этого года. Эксперты призывают население принять активное участие в данном процессе, подчѐркивая, что только приобретение коллективного иммунитета позволит победить эпидемию и вернуться к прежним условиям жизни.

Страны региона продолжают обмениваться опытом и активно сотрудничать для решения этой проблемы. Так, на прошедшем 2–3 марта совещании министров экономики страны АСЕАН отметили необходимость ускорить процесс вакцинации для скорейшего восстановления экономики региона. Кроме того, на совещании обсуждалось введение единого электронного сертификата о прохождении вакцинации, что позволит начать возрождение туристического сектора, передаѐт The Nikkei Asia 03.03.2021[19].

Первый саммит лидеров QUAD

Первый саммит лидеров Четырѐхстороннего диалога по безопасности (QUAD) состоялся 12 марта, сообщает The Japan Times 13.03.2021[20]. В видеозаседании участвовали президент США Джо Байден, премьер-министр Японии Суга Ёсихидэ, премьер-министр Индии Нарендра Моди и премьер-министр Австралии Скотт Моррисон.

Главы государств обсудили ряд актуальных глобальных и региональных вопросов, в том числе пандемию COVID-19, изменение климата, развитие технологий, ситуацию в Восточно- и Южно-Китайском морях, переворот в Мьянме и необходимость денуклеаризации Корейского полуострова. Для углубления сотрудничества страны договорились о создании рабочих групп, которые будут курировать распространение вакцины, борьбу с изменением климата и установление стандартов для передовых технологий, включая 5G.

На саммите была разработана программа сотрудничества в распространении вакцины: к концу 2022 г. союзники предоставят странам региона, в первую очередь Юго-Восточной Азии, 1 млрд доз вакцины, производимой в Индии. Издание South China Morning Post в публикации от 13.03.2021[21] отмечает, что этот шаг стал реакцией на успехи «вакцинной дипломатии» Китая, посредством которой он усиливает своѐ влияние в регионе. Так, за последние месяцы КНР безвозмездно направила сотни тысяч доз вакцины в Камбоджу, Лаос и Филиппины, миллионы доз уже закупили Индонезия и Таиланд.

Первая в истории QUAD встреча на высшем уровне была организована по инициативе США и подтвердила стремление администрации Байдена укрепить связи со странами региона для более эффективного противостояния Китаю. The Japan Times передаѐт слова американского лидера, который назвал QUAD «важнейшей площадкой для сотрудничества

[18] URL: https://news.cctv.com/2021/03/03/ARTINn0VTBxZHigDniXSENBv210303.shtml (дата обращения: 10.03.2021). (На кит.).

[19] URL: https://asia.nikkei.com/Economy/ASEAN-eyes-digital-vaccine-certificate-for-post-COVID-travel (дата обращения: 10.03.2021).

[20] URL: https://www.japantimes.co.jp/news/2021/03/13/national/politics-diplomacy/japan-quad-china/ (дата обращения: 15.03.2021).

[21] URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3125344/quad-summit-us-india-australia-and-japan-counter-chinas (дата обращения: 15.03.2021).

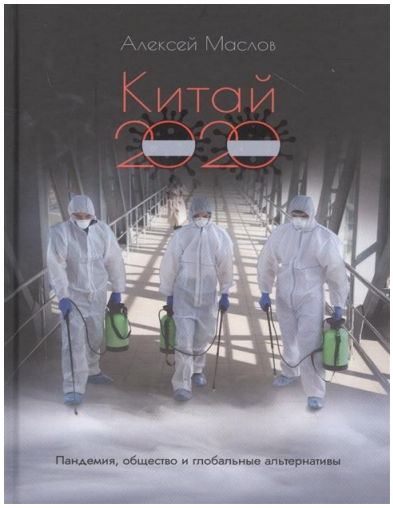
в Индо-Тихоокеанском регионе» и подчеркнул готовность США работать с союзниками ради «достижения региональной стабильности».

Эту линию подтверждает и тот факт, что высокопоставленные чиновники администрации Байдена совершат первые визиты именно в страны региона: в середине марта Госсекретарь США Энтони Блинкен и министр обороны Ллойд Остин посетят Японию и Республику Корея, сообщает South China Morning Post 13.03.2021[22].

Поступила в редакцию 16.03.2021 Received 16 March 2021

[22] URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3125290/us-president-joe-biden-opens-quad-summit-calling-alliance (дата обращения: 15.03.2021).

Новые книги *New books*



Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы

Китай 2020: пандемия, экономика и глобальные альтернативы: монография / А.А. Маслов. М.: РИПОЛ классик, 2020. 368 с. ISBN: 978-5-386-13753-3

Аннотация. Что происходило в социально-экономической сфере Китая в 2020 г., насколько устойчивой она оказалась к эпидемии? В чѐм суть противостояния США и КНР, почему оно столь резко обострилось именно в период пандемии и каковы дальнейшие действия Европы на этом фоне? Как Китаю удалось в короткие сроки почти полностью одолеть эпидемию, и насколько откровенен Пекин в своей информации по поводу масштабов заболевания? Эта книга, состоящая из серии очерков и отдельных статей, создавалась в период, когда пандемия даже не вступила в стадию своего завершения. Дать целостную и непротиворечивую картину в этих условиях весьма сложно. Монография предлагает проанализировать, как развивалась ситуация в Китае, какие меры принимала страна для стабилизации собственной экономики и на каком международном фоне это происходило.

***Ключевые слова*:** Китай, пандемия COVID-19, экономика, общество, международная ситуация.

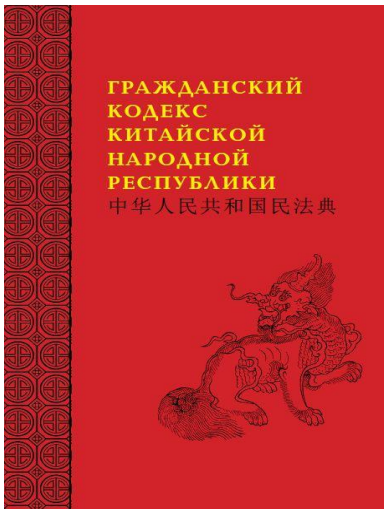
China 2020: Pandemic, Economy, and Global Alternatives

Maslov A.A. China 2020: Pandemic, Economy, and Global Alternatives: monograph, Moscow: RIPOL classic, 2020. 368 p. ISBN: 978-5-386-13753-3

Abstract. What happened to the Chinese society and economy in 2020, and how resistant was China to the pandemic? What is the essence of the confrontation between the United States and China? Why did it escalate exactly during the pandemic, and what steps should Europe take against this background? How did China manage to almost completely overcome the epidemic in a short period of time, and how reliable is the information coming from Beijing about the extent of the disease? This book contains series of essays and individual articles. It was created when the pandemic had not even entered the final stage. It was very difficult to present complete and consistent indications in these conditions. The monograph analyzes how the Chinese situation developed, what measures the country took to stabilize its conomy, and against what international background this process took place.

***Keywords*:** China, pandemic COVID-19, economy, society, international situation.

* * *



Гражданский кодекс Китайской Народной Республики

Гражданский кодекс Китайской Народной Республики / отв. ред. П.В. Трощинский; рук. проекта, ред. А.Р. Зайнигабдинов. М.: Синосфера, 2020. 448 с. ISBN 978-5-9906210-6-0

Аннотация. Принятый 28 мая 2020 г. Гражданский кодекс КНР стал первым в истории нового Китая кодифицированным актом правотворчества в гражданско-правовой сфере. Попытки разработать такой документ предпринимались дважды: первый раз в 1950-х гг., второй – в 1960-х гг. Из-за ряда разрушительных политических кампаний проекты так и не были утверждены. После начала «политики реформ и открытости» (декабрь 1978 г.) работа над ГК КНР возобновилась. Однако власти решили не спешить с его принятием, предпочитая одновременно с работой над содержанием кодекса по мере необходимости выпускать отдельные локальные гражданско-правовые акты для регулирования постоянно изменяющихся правоотношений (т. н. курс «идти на двух ногах»). Кроме того, существовал спор между цивилистами и идеологами хозяйственного права. Последние настаивали на принятии хозяйственного кодекса вместо гражданского. Все это тормозило процесс окончательного утверждения ГК КНР, проектов которого было уже несколько.

В октябре 2014 г. четвѐртый пленум ЦК КПК 18-го созыва принял постановление «О некоторых важных вопросах всестороннего стимулирования управления государством на основе закона», в котором была поставлена задача кодификации гражданского законодательства. Утверждение ГК КНР было внесено в план правотворческой работы на ближайшие 5 лет.

Появившийся в конце мая 2020 г. Гражданский кодекс КНР представляет собой фундаментальный нормативный правовой акт кодифицированного характера, состоящий из 7 крупных разделов, 84 глав и 1260 статей. Он вступил в силу 1 января 2021 г. и стал предпосылкой отмены некоторых ранее принятых законов. В настоящее время перед китайскими законодателями стоит задача привести положения действующих нормативных правовых актов в соответствие с ГК КНР, что, как и содержание Гражданского кодекса, представляет значительный теоретический и практический интерес для российского экспертного сообщества.

***Ключевые слова*:** Гражданский кодекс, право Китая, гражданское право, кодификация, законодательство, правотворчество, правовая система, гражданская ответственность, сравнительное правоведение.

Civil Code of the People's Republic of China

Civil Code of the People's Republic of China, ed. by P.V. Troshchinskiy; project head, ed. A.R. Zaynigabdinov. Moscow: Sinosfera Ltd, 2020. 448 p. ISBN 978-5-9906210-6-0

Abstract. The Civil Code of the People’s Republic of China adopted on the 28th of May 2020 became the first codified act in the civil law sphere in the history of the PRC. Attempts to

develop such document were made twice – in the 1950s and 1960s, but because of large-scale political campaigns it was never approved. After the start of the Policy of Reform and Opening-Up (December, 1978), the work on the draft of the Civil Code of the PRC resumed. Nonetheless, the authorities decided not to rush its adoption and instead opted to issue, as necessary, separate local civil legal acts to regulate constantly changing legal relations, while working on the content of the Civil Code. In addition, there were disputes between civilists and ideologists of economic law, with the latter insisting on the adoption of an economic code instead of a civil one. All this impeded the progress of the final approval of the Civil Code of the PRC, which already had several options for projects.

In October 2014, the 4th Plenary Session of the 18th CPC Central Committee adopted the Resolutionon Certain Major Issues Concerning Comprehensively Advancing the Law-Based Governance of China, which set the task of codifying civil legislation. After that, the adoption of the Civil Code of the PRC was included in the lawmaking plan for the next 5 years. The Civil Code of the PRC, finalized at the end of May 2020, is a large normative legal act of a codified nature, consisting of 7 sections, 84 chapters and 1260 articles. It entered into force on January 1, 2021 and commenced the cancellation of some of the previously adopted laws. At present, the Chinese legislators are faced with the task of bringing the provisions of the existing regulatory legal acts in accordance with the Civil Code of the PRC, which like the content of the Civil Code, is of significant theoretical and practical interest to the Russian expert community.

***Keywords*:** Civil code, Chinese law, civil law, codification, legislation, lawmaking, legal system, civil liability, comparative law.

* * *

Восток: мозаика правовых традиций

Восток: мозаика правовых традиций: монография / В.К. Самигуллин. М.: Юрлитинформ, 2021. 208 с. ISBN 978-5-4396-2141-5

***Аннотация*.** В монографии, носящей сравнительно-правовой характер, рассматриваются правовые системы ряда стран Востока. Предназначена магистрантам и аспирантам, изучающим теорию и историю права и государства, может быть полезна всем, кто увлечен юриспруденций, востоковедением и исторической наукой.
***Ключевые слова*:** Китай, Япония, Израиль, Индия, правовая система.

The East: a Mosaic of Legal Traditions

Samigullin V.K. The East: a Mosaic of Legal Traditions: monograph, Moscow: Yurlitinform, 2021. 208 p. ISBN 978-5-4396-2141-5

Abstract. The monograph, which is of a comparative legal nature, examines the legal systems of a number of Eastern countries. It is intended for undergraduates and postgraduates studying the theory

and history of law and state, and can be useful to anyone who is interested in history, jurisprudence and Oriental studies.

***Keywords*:** China, Japan, Israel, India, the legal system.

* * *

Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде

Азиатские соседи России: взаимодействие в региональной среде: коллективная монография, 3-е изд. / под ред. Г.Д. Толорая. М.: ИТК Дашков и К, 2021. 246 с. ISBN 978-5-394-04056-6

Аннотация. Монография подготовлена авторским коллективом Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН. Это первое российское научное исследование, основанное на выводах современной транзитологии, в котором представлены итоги и тенденции использования Россией потенциала постсоциалистических азиатских стран. В книге анализируются проблемы встраивания этих государств в новую глобальную реальность, очерчиваются тренды азиатского регионализма, рассматриваются отношения России и с другими сопредельными странами.

Работа подготовлена известными учѐными старшего поколения в соавторстве с молодыми исследователями, в том числе зарубежными. Она будет полезна специалистам по восточной политике России, для использования в лекционных курсах вузов, а также читателям, интересующимся международной проблематикой.

***Ключевые слова*:** Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Россия в АТР, поворот России на Восток, региональная интеграция постсоциалистических азиатских стран.

Russia's Asian Neighbors: Interaction in the Regional Environment

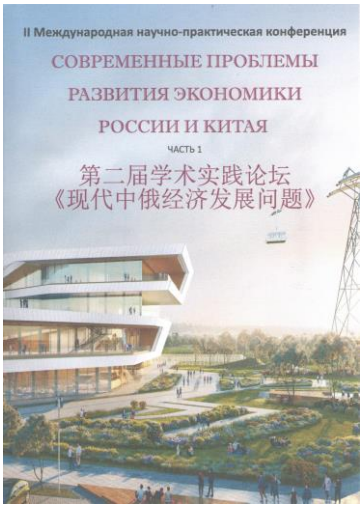
Russia's Asian Neighbors: Interaction in the Regional Environment: a collective monograph, 3rd ed., ed. by G.D. Toloraya. Moscow: ITK Dashkov & K, 2021. 246 p. ISBN 978-5-394-04056-6

Abstract. The monograph was prepared by the team of authors at the Center for Russian Strategy in Asia of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. The collective monograph «Russia's Asian Neighbors: Interaction in the Regional Environment» is the first scientific study in Russia based on the conclusions of modern transitology, which examines the results and trends of Russia's use of the potential of post-socialist Asian countries. The book analyzes the problems of their integration into the new global reality, gives an outline of the trends of Asian regionalism, considers Russia's relations with other neighboring countries.

The work was prepared by well-known scientists of the older generation in collaboration with young researchers, including foreign ones. It will be useful for specialists in the eastern policy of Russia, for students and professors , as well as for readers interested in international issues.

***Keywords*:** Northeast Asia, Southeast Asia, Russia in the Asia-Pacific region, Russia's turn to the East, regional integration of post-socialist Asian countries.

* * *



Современные проблемы развития экономики России и Китая

Современные проблемы развития экономики России и Китая. Материалы II Международной научно-практической конференции, посвящѐнной 20-летию экономического факультета АмГУ (Благовещенск, 26-27 ноября 2020 г.) / под общей ред. О.А. Цепелева. Благовещенск: Издательство Амурского гос. ун-та, 2021. Часть 1. 336 с. ISBN 978-5-93493-358-7

***Аннотация*.** В сборник вошли материалы конференции по проблемам экономического сотрудничества между приграничными регионами Дальнего Востока России и КНР, развития народного хозяйства в условиях пандемии и кризисного проявления факторов, сдерживающих укрепление внешнеэкономических связей. Излагаются взгляды учѐных и исследователей на проблемы экономики и государственного управления в российских дальневосточных субъектах, экономической безопасности региона и всего государства. Представлен анализ особенностей финансовой, инвестиционной и налоговой сфер, а также бизнеса приграничных территорий.

***Ключевые слова*:** Россия, Китай, экономика, государственное управление, внешнеэкономические связи, экономическая безопасность государства.

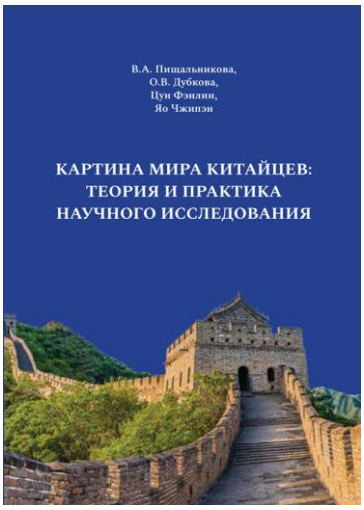
Modern Problems of Economic Development in Russia and China

Modern Problems of Economic Development in Russia and China. The materials of the II International Scientific and Practical Conference dedicated to the 20th anniversary of the Faculty of Economics of AmGU (Blagoveshchensk, November 26-27, 2020), ed. O.A. Zepelev. Blagoveshchensk: Publishing House of Amursky State University, 2021. Part 1. 336 p. ISBN 978-5-93493-358-7

Abstract. The collection contains the materials of the conference on the problems of economic cooperation between the border regions of the Russian Far East and the People's Republic of China, economic development in the context of the spread of coronavirus and the crisis factors that hinder the development and strengthening of foreign economic relations. The article presents the views of scientists and researchers on the problems of the economy and public administration of the Far Eastern regions of Russia, the economic security of the region and the state, and the peculiarities of the financial, investment and tax environment of business in the border areas.

***Keywords*:** Russia, China, economy, government, foreign economic relations, economic security of the state.

* * *



Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования

Картина мира китайцев: теория и практика научного исследования: коллективная монография / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2020. 240 с. ISBN: 978-5-93439-600-9

Аннотация. Монография охватывает ряд важнейших теоретических и практических проблем, связанных с принципами моделирования картины мира и приѐмами исследования еѐ национальной специфики. Авторы детально описывают особенности использования понятия «картина мира» в китайской лингвистике, выявляют основные факторы, определяющие систему китайских ценностей и их значимость в традиционной и современной картине мира китайцев, показывают особенности развития ряда базовых смыслов, приѐмы и способы их исследования на материале ценности «вежливость».

***Ключевые слова*:** китайский язык, картина мира, моделирование картины мира, система ценностей, Китай, вежливость.

Chinese Worldview: The theory and Practice of Scientific Research

Chinese Worldview: the theory and Practice of Scientific Research: the collective monograph, ed. V.A. Pishchalnikova. Moscow: R. Valent, 2020. 240 p. ISBN: 978-5-93439-600-9

Abstract. The monograph covers a number of important theoretical and practical problems related to the principles of modeling the world picture and methods of studying its national specifics. The authors demonstrate specifics of the use of the concept of «world picture» in Chinese linguistics, identify the main factors that determine the system of Chinese values and their significance in the traditional and modern picture of the Chinese world, show the features of the development of basic values, and demonstrate techniques and methods of their research on the value of «politeness».

***Keywords*:** Chinese language, world picture, world picture modeling, value system, China, politeness.

* * *

Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям

Китайская школа международных отношений: на пути к большим теориям: монография / Е.Н. Грачиков. М.: Аспект Пресс, 2021. 304 с. ISBN 978-5-7567-1116-5

Аннотация. В монографии представлен анализ становления китайской школы международных отношений как академической дисциплины и области производства научного знания. Авторы исследуют китайский (материковый) взгляд на международные отношения, описывают историю Китая на основе аутентичных источников. Книга предназначена для аналитиков, дипломатов и политических деятелей, студентов и аспирантов вузов.

***Ключевые слова*:** Китай, международные отношения, политика, история, культура.

Chinese School of International Relations: on the Way to Big Theories

Grachikov E.N. Chinese School of International Relations: on the Way to Big Theories: monograph, Moscow: Aspect Press, 2021. 304 p. ISBN 978-5-7567-1116-5

Abstract. The main purpose of this monograph is to analyze the process of the formation of the Chinese school of international relations, considered as an academic discipline and a field of production of scientific knowledge. The book presents an exploration of the Chinese (mainland) view of international relations, describes Chinese history and is based on Chinese sources. It is intended for analysts, diplomats,politicians, and students of universities.

***Keywords*:** China, international relations, politics, history, culture.

* * *

Япония в эпоху великих трансформаций

Япония в эпоху великих трансформаций: коллективная монография / под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с. ISBN: 978-5-91022-501-9

Аннотация. В монографии рассмотрены наиболее значимые трансформации в политической, социальной и экономической сферах Японии, начиная с реставрации Мэйдзи до настоящего времени. Опираясь на обширный фактологический материал, авторы дают оценку крупнейшим политическим и общественно-экономическим преобразованиям на разных исторических этапах. Отдельная глава посвящена коренным полуторавековым трансформациям в национальном менталитете японцев.

***Ключевые слова*:** Япония, внешняя политика, международные отношения, политические трансформации.

Japan in the Era of Great Transformations

Japan in the Era of Great Transformations: the collective monograph, ed. D.V. Streltsov. Moscow: AIRO-XXI, 2020. 320 p. ISBN: 978-5-91022-501-9

Abstract. The monograph examines the most significant transformations in the political, social and economic spheres of Japan, from the Meiji Restoration to the present. Based on extensive factual material, the authors assess major political and socio-economic transformations at certain historical stages. A separate chapter is devoted to the fundamental transformations that have taken place over the course of a century and a half in the national mentality of the Japanese.

***Keywords*:** Japan, foreign policy, international relations, political transformations.

* * *

Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.)

Современная Корея: метаморфозы турбулентных лет (2008–2020 гг.): монография / сост. А.В. Торкунов, Г.Д. Толорая, И.В. Дьячков. М.: Просвещение, 2021. 448 с. ISBN 978-5-09-081051-7

Аннотация. В книге анализируются проблемы политического и социально-экономического развития двух корейских государств, их взаимоотношения в периоды мира и противостояния в нач. XXI в. Авторы также рассматривают роль крупнейших держав и международных организаций в этих процессах. Особое внимание уделено ракетно-ядерной проблеме Корейского полуострова и многосторонним дипломатическим усилиям вовлечѐнных в данный конфликт акторов, а также месту корейской проблематики на мировой политической арене. В монографии дан подробный анализ политики России на полуострове, еѐ роли в корейском урегулировании, а также двусторонних отношений с РК и КНДР.

***Ключевые слова*:** Корея, Россия, международные отношения, мировая политика, ракетно-ядерная проблема.

Modern Korea: the Metamorphoses of the Turbulent Years (2008–2020)

Modern Korea: the Metamorphoses of the Turbulent Years (2008-2020): monograph, ed. A.V. Torkunov, G.D. Toloraya, I.V. Dyachkov. Moscow: Prosveshcheniye publishers, 2021. 448 p. ISBN 978-5-09-081051-7

Abstract. The book examines the problems of the political and socio-economic development of the two states of the Korean Peninsula, their relations during periods of reconciliation and conflict in the beginning of the 21st century, the role of the great powers and international organizations in

these processes. Special attention is paid to the nuclear missile problem of the Korean Peninsula and the multilateral diplomatic efforts of the actors involved in the conflict, as well as the place of Korean issues in world politics. The book provides a detailed analysis of Russia's policy on the Korean Peninsula, its role in the settlement of the issues on the Korean Peninsula, as well as bilateral relations with the Republic of Korea and the DPRK.

***Keywords*:** Korea, Russia, international relations, world politics, the nuclear missile problem.

Составитель: *Пржежецкая Н.В.*
Compiler: *Przhezhetskaya N.V.*

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 1, 2021

Редактор:	Ильинская И.Д.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Надточенко Б.Я.
Редактор:	Потапова В.А.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Компьютерная вѐрстка:	Потапова В.А.
Редактор сайта:	Казаков О.И.
Дата публикации:	01.04.2021

Контакты:

- *Адрес*: Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32, ИДВ РАН, Центр научной информации и документации
- *E-mail*: eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.*: +7 (499) 124 09 13

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 1, 2021

Editor:	Ilinskaya I.D.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Nadtochenko B.Ya.
Editor:	Potapova V.A.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Layout:	Potapova V.A.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.
Date of issue:	1 April 2021

Contacts:

- *Address*: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation
- *E-mail*: eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.*: +7 (499) 124 09 13 (Center for Scientific Information and Records, IFES RAS)

www.eastasiajournal.ru